

ТИМ СЕВЕРИН

ВИКИНГ:
ПОСЛЕДНИЙ КОНУНГ

ОМАН

ИСТОРИЧЕСКИЙ

Annotation

Этих людей боялись.

Этих людей проклинали.

Этими людьми восхищались.

В поисках славы они покидали свои студеные земли и отправлялись бороздить моря и покорять новые территории. И всюду, куда бы ни приходили, они воздвигали алтари в честь своих богов – рыжебородого Тора и одноглазого хитреца Одина. Эти люди вошли в историю и остались в ней навсегда – под гордым именем викингов...

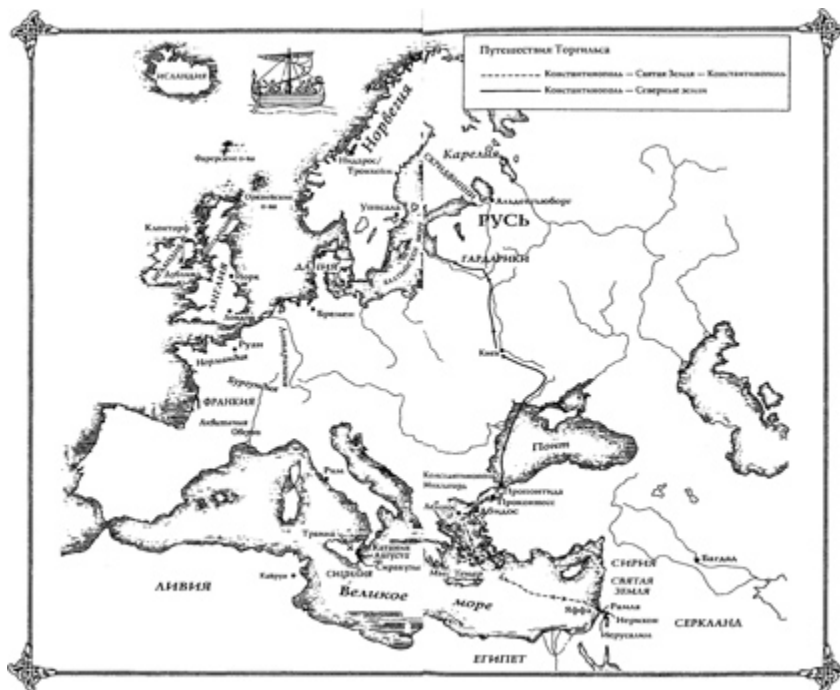
Эпоха викингов завершилась столь же неожиданно, как и началась, – на арену истории вышли новые силы. Старые боги покинули своих приверженцев, героический Север растратил воинственный пыл в междоусобных стычках. И Торгильсу, сыну Лейва, ведомому волей Одина, выпало стать свидетелем заката этой бурной эпохи.

-
- [Тим Северин](#)
 - [Карты](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Путь Старых Богов](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Тим Северин
Последний Конунг

Карты

Пролог

Святому благоверному господину моему аббату Геральдусу, покорствуя воле твоей, отсылаю сию третью, остатнюю, часть писаний лжемонаха того, Тангбранда. В несчастливый же день обнаружил я в нашем книгохранилище те еще, первые, пергаменты! Да простится мне грех - любопытство и нетерпение, соблазнившие глаза мои на прочтение оных.

А и в сих листах мне открылись лжесвидетельства, преискусно в сию повесть впряденные соблазнения ради легковерных читателей. Ибо змий сей, пригревшийся на груди у нас, клевету возводит и на братии наших во Христе, обвиняя в низости и нечестивости, и в бесстыдстве своем похваляет святотатцев и разбойников. А и пуще того - среди схизматиков Востока пребывая, не способен он обуздать свое жало змеиное.

Наипаче же прочего огорчительно, что сей лжемонах во Святую Землю ходил, совершил то паломничество, каковое является наибольшим желанием человека неимущего и недостойного, мне подобного. А что зрел он там, то порочит он нечестивым своим и языческим недоверием, тем желая сокрушить веру верующего в Слово Воплощенное. И вот, истинно сказано в Святом Писании: правда ложью обращается для злосердого и неверующего.

И преступно не менее прочего то его греховное словоизвержение, где касается он дел высоких, государственных. Ибо то есть посягательство на английский престол, и слова его посчитают изменою те, кому сии дела ведать положено.

А и хватит толковать о нем - да оставим сего благочестивейшего, да воздаст ему за все труды его

наисмирненнейшие Суд Праведный.

И когда же придет конец лжи и козням самозванца сего? В страхе Божьем уповаю на его спасение, ибо не сказано ли, что и птаха малая не влетит в тенета без произволенья Божьего, а когда Бог того пожелает, то и кончится все благополучием?

Этельред, ризничий и библиотекарь.

Писано в месяце януарии в год от Рождества Господа нашего одна тысяча семьдесят третий.

Глава 1

Император в дворцовом бассейне изображает кита. Окунется с головой, наберет в рот воды, потом вынырнет и выпустит фонтанчик. Я наблюдаю за ним краем глаза, не зная, что чувствовать – то ли презрение, то ли приязнь. В конце концов – человек-то он старый. Ему уже за семьдесят. И прикосновение теплой воды к прыщавой коже, равно как и ощущение невесомости, должны быть ему приятны. У него от болезни все тело, руки и ноги так раздулись, что даже ходьба вызывает боль. Я на прошлой неделе своими глазами видел, как после одной из их бесконечных церемоний вернулся он во дворец в таком изнурении, что рухнул на руки слугам, едва огромная бронзовая дверь затворилась за ним. А сегодня у христиан опять праздник, именуемый Великой Пятницей, и посему во второй половине дня должен состояться очередной императорский выход, и опять очень надолго. Так что, поразмыслив, я решил, что император вполне заслужил эти минуты расслабления, хотя видели бы его подданные, как он изображает кита в бассейне, вот было бы им диво, ибо большая часть их почитает басилевса посланником Бога на земле.

Я передвинул тяжелую секиру на плече – под древком на моей алой рубахе образовалось сырое пятно. Пот струйками сбегал из-под края железного шлема, украшенного затейливой золотой мозаикой. Жара в этой палате с бассейном нагоняла на меня сонливость. Я же старался не терять бдительности. Я – воин Этерии, императорского личного полка, моя обязанность – защищать жизнь басилевса Романа Третьего, правителя Византии, равноапостольного. С пятью такими же телохранителями из варяжской

дружины я дал клятву оберегать императора от врагов, и он хорошо платит нам за это. У него есть все основания больше доверять нам, чем своим соотечественникам.

В дальнем конце бани толпится кучка приближенных императора, человек пять-шесть. Они разумно держатся подальше от своего господина, и не только ради того, чтобы дать ему возможность уединиться, но еще и потому, что болезнь сделала его весьма раздражительным. Всем уже известно, что басилевс стал слишком вспыльчив. Любой пустяк, неподходящее слово или жест могут вызвать у него приступ гнева. Я уже три года служу во дворце, и на моих глазах он, прежде справедливый и щедрый, постепенно превратился в желчного и злобного старика. На тех, кто привык получать от его щедрот в знак благоволения богатые подарки, теперь он не обращает внимания либо подвергает опале. К счастью, со своей личной гвардией басилевс пока еще подобным образом не обращается, и мы по-прежнему отвечаем ему полной преданностью. Мы никогда не участвовали в заговорах и кознях, какие непрерывно плетутся разными группами царедворцев ради своей выгоды. Рядовые дружинники даже и языка их не знают. Старшинство над нами греки-патрикии, а младшие начальники и дружина набираются из северян, и между собой мы говорим по-норвежски. Придворный чиновник, имеющий титул великого толмача Гейтары, должен бы общаться с телохранителями, но это всего лишь пустое место, еще один пышнозвучный титул при дворе, зачарованном иерархией рангов и церемониями.

- Гвардеец! - окрик прервал мои размышления.

Окликнул меня один из придворных. Я узнал хранителя императорской чернильницы. Сей пост, несмотря на свое пышное наименование, был и вправду из наиважнейших. По должности хранитель должен

подавать пузырь с чернилами всякий раз, когда басилевс желает подписать какую-либо государственную грамоту. На самом же деле он служит личным письмоводителем императора. Этот пост открывает ему свободный доступ к особе императора – преимущество, какого нет даже у высших сановников, коим приходится получать предварительное разрешение, чтобы предстать перед басилевсом.

Хранитель вновь поманил меня рукой. Я взглянул на басилевса. Роман по-прежнему плескался и пускал струйки в бассейне, закрыв глаза, совершенно убогатворенный в своем теплом водяном мире. Бассейн недавно углубили в середине, но все равно он довольно мелкий – везде можно достать ногами до дна, не погрузившись в воду с головой. Никакой опасности, похоже, нет. Я подошел к хранителю, он подал мне пергамент. Мелькнула императорская подпись пурпурными чернилами, и хранитель жестом показал, что я должен отнести свиток в соседнюю комнату, небольшой покой, где ждали нотариусы.

Использовать гвардейца как слугу – в этом нет ничего необычного. Дворцовые чиновники столь заботятся о своем достоинстве, что почитают унижительными для себя самые простые действия – скажем, своими руками открыть себе дверь или самому отнести куда надо свиток. Потому я взял пергамент и, подойдя к двери, еще раз глянул через плечо на бассейн – басилевс блаженствовал, наслаждаясь купаньем.

В соседней комнате меня ждал орфанотроп, то бишь попечитель городского сиротского приюта, заведения, каковое содержится за счет имперской казны. Впрочем, и этот титул ни в малейшей степени не отражал его истинного значения. Орфанотроп Иоанн прослыл самым

могущественным человеком в империи, не считая басилевса. Сочетание лукавого ума и искусного рвения позволило Иоанну преодолеть все ступени имперской иерархии и стать по сути, пускай не по титулу, первым сановником империи. Этого худощавого человека с длинным лицом и глазами, глубоко сидящими под удивительно черными бровями, все боятся, а еще у него не растет борода, он – евнух, скопец.

Я встал перед ним по стойке «смирно», но чести не отдал. Гвардеец обязан отдавать честь только басилевсу и ближайшим членам императорской семьи, а орфанотроп Иоанн родился явно не в пурпуре. Его род вышел из Пафлагонии, что на берегу Черного моря, и говорят, будто, поселившись в Константинополе, они стали менялами. А еще говорят, будто они чеканили фальшивую монету.

Я отдал пергамент, орфанотроп просмотрел его, а потом сказал мне медленно, произнося каждое слово нарочито четко:

– Отнеси это логофету казначейства.

Я покачал головой и ответил по-гречески:

– Прошу прощения, ваше превосходительство. Я в карауле и не могу покинуть особу императора.

Орфанотроп поднял брови.

– Надо же, гвардеец, а говорит по-гречески, – пробормотал он. – Дворец наконец-то становится цивилизованным местом.

– Можно бы вызвать кого-нибудь из деканов, – предложил я. – Это их обязанность – носить послания.

И понял, что совершил ошибку.

– Это так, но и тебе не мешало бы знать свой долг, – язвительно ответил орфанотроп.

Обиженный этой насмешкой, я резко повернулся и зашагал обратно в купальню. Вернувшись в длинное помещение с высоким куполообразным потолком и стенами, украшенными мозаикой, изображавшей

дельфинов и волны, я сразу же понял, что случилось что-то страшное. Басилевс по-прежнему плавал в воде, но теперь он лежал на спине, слабо помахивая руками. Только тучность мешала ему утонуть. Придворных, прежде находившихся здесь, уже не было видно. Я положил секиру на мраморный пол, сорвал с головы шлем и бросился к бассейну.

- Тревога! Тревога! - кричал я на бегу. - Гвардейцы, ко мне!

Несколько прыжков, и я уже на краю бассейна. Как есть, во всем своем облачении, бросился я в воду и поплыл к басилевсу. Мысленно я возблагодарил моего бога Одина за то, что мы, северяне, учимся плавать с самого малолетства.

Басилевс, когда я добрался до него, словно не сознавал моего присутствия. Он едва двигался и время от времени с головой погружался в воду. Одной рукой поддерживая его под подбородок, я встал ногами на дно и потянул императора к краю бассейна, стараясь, чтобы голова его лежала у меня на плече и он не нахлебался воды. Тело его обмякло, а голова, лежащая на моем плече, была совсем лысой, если не считать нескольких всклокоченных волосинок.

- Гвардейцы, ко мне! - снова крикнул я. Потом добавил по-гречески: - Позовите врача!

На этот раз призыв был услышан. Несколько человек из челяди - писцы, слуги, придворные - вбежали в помещение и столпились у края бассейна. Кто-то, встав на колени, ухватил басилевса под мышки и вытащил. Вода с него текла ручьем. Но помощники были неуклюжи и медлительны. Басилевс, лежащий на мраморном краю бассейна, больше прежнего напоминал кита - на этот раз выброшенного на берег и умирающего. Я вылез из бассейна и растолкал придворных.

- Помогите мне поднять его, - сказал я.

- Что здесь происходит, во имя Тора? - раздался голос. Это наконец-то прибыл декурион, начальник моей смены.

Он так свирепо глянул на таращащих глаза придворных, что те расступились. Мы с ним подняли обмякшее тело императора и отнесли к мраморной скамье. У кого-то из служителей купальни хватило сообразительности расстелить на скамье полотенце, прежде чем мы уложили на нее старика, который еще слабо шевелился. Декурион огляделся, сорвал с одного из придворных парчовую накидку и прикрыл ею нагого императора.

- Позвольте мне пройти, пожалуйста.

Это был один из дворцовых врачей, низенький пузатый человечек. Короткими пальцами он приподнял веки императора. Я заметил, как он трясется, как отдернул руку, словно ошпарился. Надо полагать, боится, что басилевс испустит дух от его прикосновения. Но глаза императора пока открыты, он слегка пошевелил головой и огляделся.

В этот момент среди глазеющих придворных произошло движение, их кольцо раздвинулось и пропустило женщину. То была Зоэ, императрица. Видно, ее вызвали из гинекея, женской части дворца. Я впервые увидел ее вблизи, и меня потрясла ее выдержка. Несмотря на свой возраст, она держалась с огромным достоинством. Императрице не меньше пятидесяти лет, и она, пожалуй, никогда не отличалась красотой, но тонкий костяк лица говорил об аристократическом происхождении. Она была дочерью и внучкой императоров, и надменность ее служила тому доказательством.

Зоэ величаво прошла сквозь толпу и на расстояние вытянутой руки приблизилась к мужу, лежащему на мраморной скамье. На лице ее не отразилось никаких чувств, когда она устремила взгляд на императора, -

тот был мертвенно-бледен и дышал с трудом. Мгновение она просто смотрела. Потом, не проговорив ни слова, повернулась и вышла.

Придворные старались не смотреть друг на друга. Все, в том числе и я, знали, что между императором и его женой не было любви. Предыдущий басилевс, Константин, настоял на их браке. Зоэ была любимой дочерью Константина, и в последние дни своего царствования он искал для нее подходящего мужа среди константинопольских аристократов. Отец и дочь оба желали обеспечить передачу власти внутри семьи, хотя Зоэ уже вышла из детородного возраста. Впрочем, это обстоятельство не помешало ей и Роману, когда они вместе взошли на трон, попытаться основать свою династию. Роман оглушал себя огромными дозами возбуждающих средств – по этой причине, говорят, он и облысел, – а его немолодая супруга увешивала себя амулетами, дарующими плодовитость, и советовалась с шарлатанами и знахарями, а те предлагали все более и более невероятные средства, чтобы она забеременела. Когда же все эти старания ни к чему не привели, отношения их обернулись взаимной неприязнью. Роман завел любовницу, а Зоэ спровадили в гинекей, обиженную и разочарованную.

Но это еще не вся история. Не прошло и двух лет, как Зоэ завела любовника. Однажды, когда они совокуплялись, на них наткнулись наши гвардейцы, но сделали вид, что ничего не заметили. Таковую учтивость явили они не из уважения к императрице – она и не скрывала своей связи, – но потому, что ее избранником был младший брат орфанотропа Иоанна. Этих дел, в коих высокая политика смешивается с жаждой власти и похотью, лучше не касаться.

– Разойдитесь! – приказал декурион.

Он занял место в головах басилевса, на расстоянии копья от его лысой макушки, а я поневоле встал в ногах

и тоже по стойке «смирно». Моя секира все еще валялась где-то на мраморном полу, но на поясе у меня висел кинжал, и я положил руку на его рукоять. Врач взволнованно вышагивал взад-вперед, ломая в тревоге руки. Вдруг Роман застонал, чуть-чуть приподнял голову с полотенца, служившего ему подушкой, и сделал слабый жест правой рукой. Он будто звал кого-то. Не понимая, на кого он указывает, никто не осмеливался пошевелиться. Благоговение и страх перед величием, испытываемые в присутствии особы императора, еще не покинули зрителей. Взгляд императора медленно перемещался по лицам наблюдающих за ним придворных. Он будто пытался что-то сказать, умолял о чем-то. Его гортань двигалась, но ни звука не доносилось. Потом глаза закрылись, голова упала и скатилась набок. Он тяжело задышал, дыхание вырывалось из него короткими прерывистыми толчками. Вдруг оно прервалось совсем, и рот открылся. Из рта вылилась густая темно-коричневая жижа, еще два судорожных вдоха – и он испустил дух.

Я стоял неподвижно по стойке «смирно». Весть о смерти императора распространилась по дворцу, слышался топот ног, суматоха и в отдалении стенания и плач. Я не обращал на это внимания. Пока не будет коронован новый басилевс, обязанность гвардейца – охранять тело покойного императора.

– Торгильс, в своей мокрой форме ты похож на деревенского дурачка. Ступай в караульное помещение и доложи дневальному.

Это было сказано по-норвежски, и я узнал голос Хафдана, начальника моего отряда. Тучный Хафдан, ветеран, прослужил в дворцовой гвардии почти десять лет. Он уже сколотил небольшое состояние, откладывая из своего жалованья, и мог бы выйти в отставку, но ему нравилась жизнь гвардейца, а со своей родной Данией он порвал все связи, так что идти ему было некуда.

- Скажи, что мы здесь, при императоре, на страже. И, пожалуй, посоветуй перекрыть входы-выходы из дворца.

Я зашагал прочь, подобрав шлем и секиру, которую кто-то любезно поднял с пола и прислонил к стене. Путь в караульню пролегал по лабиринту коридоров, приемных комнат и внутренних дворов. Роман Третий мог умереть в любом из своих дворцов - в каждом имелся бассейн для купания, - но он предпочел испустить дух в самом просторном из них - Большом Дворце. Этот дворец, стоящий почти на самой оконечности полуострова, столько раз расширялся и перестраивался императорами, обитавшими в нем, что превратился в беспорядочное скопище палат и покоев. Возводить все более великолепные строения стало для каждого обладателя пурпурного трона увлечением, граничащим с манией. Каждый басилевс желал обессмертить свое правление, оставив по себе не менее одного необыкновенного сооружения, будь то новая церковь, монастырь, огромный дворец или какое-либо вычурное общественное здание. Роман без устали тратил миллионы золотых монет на необыкновенный новый храм матери своего Бога, хотя, по мне, церковей и монастырей, ей посвященных, и без того более чем достаточно. Вокруг нового храма Прославления Богоматери собирались разбить сады с аллеями и фонтанами; замыслы то и дело менялись, и приходилось разбирать уже наполовину законченное - на строительство уходило столько денег, что Роман установил особый налог, чтобы оплачивать его. Церковь эта еще не закончена, и надо думать, никогда уже не будет закончена. Я и сам удивился, как скоро начал думать о Романи в прошедшем времени.

- Переоденься в сухое и ступай к караульщикам у главных ворот, - приказал дневальный, когда я доложил о себе. Ему было не больше двадцати, но и он

пребывал в столь же нервном состоянии, что и врач, посетивший умирающего императора. Это грек из одной из знатнейших константинопольских семей, немало заплатившей за покупку должности в императорской гвардии. Во дворец его устроили в надежде, что ему как-нибудь удастся привлечь внимание басилевса и получить повышение. Теперь их денежки пропадут, коль скоро новый басилевс из соображений собственной безопасности заменит все наше греческое начальство. Вот еще одно лукавство, столь присущее дворцовой жизни: византийское общество по-прежнему делает вид, что Этерия – греческая. Дети знатных семейств гордятся тем, что они гвардейцы и носят знаки отличия старых дворцовых полков – Схола, Экскувиты, Нумера и прочее, – но когда доходит до настоящего дела, басилевс доверяет только нам, чужеземцам, своим дворцовым варягам.

Я присоединился к двадцати моим товарищам у главных ворот. Они уже накрепко замкнули створы, не испросив на то разрешения у хранителя, чьей обязанностью было надзирать за открытием ворот на рассвете, закрытием в полдень и повторным открытием на несколько часов под вечер. Однако сегодня смерть императора лишила его власти, и хранитель в растерянности не знал, что предпринять. Декурион решил за него. Он приказал никого не впускать и не выпускать.

Когда я появился у ворот, там что-то происходило, слышался громкий стук и громогласные нетерпеливые крики.

– Хорошо, что ты пришел, Торгильс, – заметил начальник караула. – Может, хоть ты поймешь, чего хотят эти бешеные люди там, снаружи.

Я прислушался.

– Думаю, им лучше открыть, – сказал я. – Похоже, за воротами стоит Великий патриарх и требует, чтобы его

впустили.

- Великий патриарх? Этот старый козел в черной одежде, - проворчал начальник караула, стойкий приверженец исконной веры. - Ребята, отворите боковую калитку и впустите монахов. Но зажмите носы. Они редко моются.

Мгновение спустя разъяренная ватага монахов, все с бородами по грудь и в черных одеяниях, ворвалась в открытую калитку и, окинув нас свирепыми взглядами, поспешила по коридорам, добродетельно шлепая сандалиями и клацая своими деревянными посохами по мраморным плитам пола. Среди них я увидел белобородую фигуру Алексея Студийского - главного церковного начальника империи.

- Интересно, с какой стати они примчались сюда из своих монастырей? - пробормотал кто-то из варягов, закрывая калитку и опуская засов.

На этот вопрос ответ был получен позже, когда наша смена кончилась и мы вернулись в караульню. С полдюжины моих соратников бездельничали там и скалили зубы.

- Эта старая сука уже добыла себе нового мужа. Едва убедилась, что Роман явно не жилец, как тут же послала за высшим священником.

- Я знаю, мыпустили его с его воронами.

- Ну так вот, наверняка она призвала их не для того, чтобы они совершили над ее возлюбленным супругом последние обряды. Священники еще были в пути, когда эта старуха срочно созвала своих советников, в том числе и эту хитрющую змею, орфанотропа. Она сообщила им, что желает, чтобы ее возлюбленный стал новым басилевсом.

- Неужели этот пустоголовый красавчик?!

- У нее уже все продумано. Она утверждает, что по праву императорского происхождения она осуществляет преемственность власти в государстве и

что «ее дорогой Михаил» - так она назвала его - должен взойти на трон вместе с ней в интересах империи.

- Ты что, шутишь? Откуда ты все это знаешь?

Гвардеец презрительно фыркнул.

- Орфанотроп поручил четверым из нас охрану императрицы на случай покушения на ее жизнь. Самой собой, это была уловка. Когда появились остальные придворные, чтобы обсудить все это дело насчет преемника, они увидели там гвардию и пришли к выводу, что все уже решено.

- А что было, когда пришел высший священник?

- Он сразу же приступил к обряду - повенчал старуху с ее молодым любовником. Наверняка она дала ему хорошую мзду, и через час они стали мужем и женой.

Этот причудливый рассказ был прерван появлением еще одного начальника-грека, каковой, вбежав в караульную весь всполошенный, велел снаряжать полный наряд императорского караула. Он кричал, чтобы мы поторапливались. Пришлось нам обрядиться и отправиться с ним в Триклиний, огромный зал для приемов.

Три десятка воинов при всем параде шагали по коридорам в огромный зал с мозаичным полом, увешанный шелковыми стягами и украшенный богатыми иконами, где басилевс официально принимал своих сановников, иностранных послов и прочих знатных особ. Два разукрашенных трона стояли на возвышении в дальнем конце зала, и наш начальник провел нас прямо к нашему месту - мы должны стоять полукругом позади возвышения, откуда виден весь приемный зал. Дюжина конюших и главный церемониймейстер Триклиния деловито проверяли, все ли в порядке к прибытию их величеств. Скоро императрица Зоэ и ее молодой муж вошли в зал и

быстро направились к престолом. Рядом шел орфанотроп, несколько священников высокого ранга и стая придворных из дворцовых приверженцев императрицы. Зоэ и Михаил взошли на возвышение, наш начальник-грек подал знак, и мы, дружина телохранителей, послушно подняли наши секиры перед собой в положенном приветствии. Императрица и император повернулись к залу. Когда они уже собирались сесть, произошла неожиданная заминка. По обычаю гвардия подтверждает присутствие басилевса, когда тот занимает место на троне. Император опускается на трон, а гвардия возлагает секиры на правое плечо. Это означает, что все в порядке и что дела в империи идут нормально. Теперь же, когда Зоэ и Михаил готовы были усесться на свои подушки на тронах, мои товарищи и я стали вопросительно переглядываться. Прошло мгновение, а мы не двигались. Я шкурой почувствовал, как в тревоге напрягся наш начальник-грек, но тут гвардия единым движением поместила секиры на плечо. Я буквально услышал вздох облегчения, который испустила свита Зоэ.

Заминка миновала, а церемония почти сразу обернулась потехой. Должно быть, сторонники Зоэ разослали извещения по всему дворцу, созвав старших министров и их подчиненных, каковые и явились один за другим. Многие, как я полагаю, шли, думая, что им предстоит отдать почести телу покойного императора. Вместо этого они столкнулись с удивительным зрелищем – вдова, уже вновь вышедшая замуж, восседает рядом с новым супругом, каковой чуть ли не во внуки ей годится. Неудивительно, что некоторые вновь прибывшие запинались на пороге в ошеломлении. Величественная императрица и ее юный супруг крепко держали в усыпанных драгоценностями руках знаки государственной власти, их сверкающие одежды были

старательно уложены пажами, и на лице Зоэ было написано, что она ждет выражения полного почтения. Стоя позади возвышения, я видел, как глаза придворных вбирали в себя эту сцену – надменная императрица, ее муж-мальчик, ждущая кучка высших сановников и зловещая фигура орфанотропа, брата Михаила, подмечающего, как реагирует каждый вновь прибывший. Несколько мгновений нерешительности и подсчетов – и высшие министры и придворные выходили вперед к двойному трону, низко кланялись императрице, потом становились на колени и целовали кольцо ее светлого мужа, какового шесть часов тому назад все считали всего лишь тайным любовником Зоэ.

На следующий день мы хоронили Романа. Накануне вечером кто-то – вероятно, сам необычайно расторопный орфанотроп – приказал облачить распухшее тело в парадные одеяния из пурпурного шелка и положить на носилки. В час восхода солнца похоронная процессия уже собралась, и каждый стоял на положенном месте в соответствии со своим рангом, и главные ворота дворца были распахнуты настежь. Когда процессия вышла на Мессу, широкую главную улицу, делившую город пополам, я был в числе той сотни гвардейцев, которой надлежало по обычаю шагать прямо перед и за покойным басилевсом. Меня удивило количество жителей Константинополя, тем утром покинувших свои постели в такую рань. Быстро, должно быть, разлетелась по городу весть о внезапной смерти басилевса. Стоявшие в первых рядах плотной толпы, выстроившейся вдоль улицы, своими глазами могли видеть восковую кожу и распухшее лицо покойного императора. Ибо голова его и руки оставались непокрытыми. Раз или два я слышал, как в толпе кто-то восклицал: «Отравили!», но по большей части народ хранил жуткое молчание. Не было ни

печали, ни сожалений по поводу смерти Романа Третьего. Как я понимаю, не очень-то его любили в Константинополе.

У большого форума Амастратиона мы свернули налево и через полмили вышли на Триумфальную. Обычно император следовал по этой широкой улице во главе своего победоносного войска под приветственные крики толпы, показывая захваченные трофеи и вереницы побежденных врагов в цепях. Теперь Романа несли в противоположном направлении при мрачном молчании, нарушаемом только потрескиванием колес колесницы с его носилками, стуком лошадиных копыт и глухой поступью сотен и сотен обычных горожан, следовавших за процессией из простого поганого любопытства. Они прошли с нами всю дорогу до огромной недостроенной церкви Прославления Богоматери – ее Роман замыслил и он же первый воспользовался плодами собственной причуды. Здесь священнослужители торопливо уложили его в зелено-белый саркофаг, каковой сам же Роман для себя и выбрал, следуя еще одному любопытному обычаю империи, согласно которому базилевс должен избрать себе гроб в день восшествия на престол.

Потом хмурая безразличная толпа разошлась, а мы поспешно вернулись во дворец, ибо нельзя было терять ни минуты.

– Два парада в один день, но оно того стоит, – бодро воскликнул Хафдан, сбросив темный кушак, каковым был препоясан во время похорон, и заменив его кушаком, сверкающим золотым шитьем. – Слава Христу, остается только короткое шествие во второй половине дня, и, что бы там ни случилось, а оно состоится, потому что сегодня Пальмовое воскресенье.

Хафдан, как и многие гвардейцы, был наполовину христианин, наполовину язычник. Для виду он присоединился к религии Белого Христа – божился его

именем, посещал богослужения в новой церкви святого Олава, недавно построенной рядом с казармой нашего полка у Золотого Рога, главной гавани Константинополя. Но на шее он носил, кроме креста, и молот Тора – амулет на кожаном ремешке, а будучи в подпитии, не раз заявлял, что по смерти предпочел бы пировать и сражаться в Валгалле у Одина, чем стать бескровной тварью с крылышками, как у хохлатого голубя, в христианском раю.

– Торгильс, где ты научился так хорошо говорить по-гречески? – Вопрос был задан одним из варягов, накануне стоявшим у дворцовых ворот. Он недавно поступил в гвардию.

– Он слизал каплю крови Фафнира, вот как, – вмешался Хафдан. – Дай Торгильсу две недели, и он выучит любой язык, даже птичий щебет.

Я не обратил внимания на эту тяжеловесную попытку состричь.

– Меня заставили изучить греческий, когда я был еще мальчишкой, – сказал я. – В одном ирландском монастыре.

– Ты был монахом? – удивился этот человек. – Я думал, ты приверженец Одина. По крайней мере, так мне сказали.

– Так оно и есть, – ответил я. – Один присматривал за мной в монастыре и вызволил оттуда.

– Значит, ты должен знать про всю эту чушь – про священные образы и останки, и кости святых и все такое, что они тут таскают во время своих шествий.

– Кое-что знаю. Но то христианство, которое меня заставили изучить, отличается от здешнего. Это, конечно, тот же Бог, но почитают его по-другому. Должен сказать, я не слыхивал и о половине тех святых, почитаемых здесь, до поры, пока сам не приехал сюда.

– Ничего странного, – проворчал варяг. – На прошлой неделе на рынке какой-то торгош пытался продать мне

человеческую кость. Твердил, что она от правой руки святого Димитрия, и я должен купить ее, потому как я солдат, а святой Димитрий был воинственным человеком. Он твердил, что его останки принесут мне победу в любом бою.

- Надеюсь, ты ее не купил.

- Еще чего! Да и кто-то из толпы предупредил, мол, этот торгаш продал уже столько костей от рук и ног святого Димитрия, что сей мученик, надо полагать, был подобен многоножке. - И он издевательски рассмеялся.

Позже в тот день я получил подтверждение словам этого воина, когда мы шагали приветствовать нашего нового молодого басилевса, которого должны были объявить Михаилом Четвертым перед собранием городских священников в церкви Айя-София. Идучи к храму, мы едва шевелили ногами, а не вышагивали, ибо в процессии тащилось множество священников с изображениями святых, нарисованных на досках, они сгибались под тяжестью стягов и знамен, вышитых священными символами, либо несли ценные реликвии своей веры, запечатанные в золотых и серебряных ларцах. Прямо впереди меня несли самую почитаемую вещь - кусочек деревянного креста, на котором висел и умер их Христос, и я подумал - а вдруг Один, мастер менять облик, перевоплотился в их Иисуса. Отец богов ведь тоже висел на дереве, и бок его пронзило копье, когда он пытался постичь мировое знание. Жаль, подумал я, что христиане так убеждены, что их вера - единственная истинная. Будь они немного терпимее, они признали бы, что у других религий есть свои достоинства. Приверженцы исконной веры охотно разрешают другим следовать за своими богами, и мы никому не пытаемся навязать свои взгляды. Однако надо отдать должное христианам Константинополя, они, по крайней мере, не столь фанатичны, как их братья далеко на севере, каковые усердно искореняют

все, что считают язычеством. В Константинополе было больше терпимости, в шестом квартале стояла мечеть, где сарацины могли молиться, и имелось несколько синагог для иудеев.

В сотне шагов от дверей Айя-Софии мы, гвардейцы, остановились, а остальные участники процессии торжественно прошли дальше и вошли в храм. Священники не питали любви к варягам, и мы привычно ждали снаружи, пока шла служба. Может быть, считалось, что никто не покусится на жизнь басилевса в столь священном здании, но у меня на этот счет имелись некоторые сомнения.

Хафдан позволил нам стоять вольно, и мы лениво переговаривались между собой, ожидая окончания службы, чтобы потом сопроводить басилевса обратно во дворец. Именно тогда я заметил некоего молодого человека в характерном для горожанина средней руки платье с наголовником, судя по виду – мелкого служащего. Он подходил то к одному, то к другому гвардейцу и пытался заговорить с ними. Должно быть, он задавал вопрос по-гречески, ибо гвардейцы либо непонимающе качали головами, либо не обращали на него внимания. Наконец, кто-то указал в мою сторону, и он подошел ко мне. Он назвался Константином Пселлом и сказал, что учится в этом городе, желая поступить на императорскую службу. Я решил, что ему не больше шестнадцати-семнадцати лет, он был раза в два младше меня.

– Я задумал написать историю империи, – сказал он, – по главе на каждого императора, и был бы очень благодарен за любую подробность, касающуюся последних дней басилевса Романа.

Мне понравилась его церемонная вежливость, на меня произвел впечатление его быстрый ум, и я решил помочь ему.

- Я был там, когда он утонул, - сказал я и коротко описал то, что видел.

- Ты говоришь, он утонул? - осторожно заметил молодой человек.

- Да, похоже, именно так. Хотя он испустил дух тогда, когда его уложили на скамью. Может быть, у него отказало сердце. В конце концов, он был уже стар.

- Я видел его тело вчера, когда его везли во время похоронной процессии, и мне показалось, что выглядел он очень странно, такой распухший и серый.

- Ну, так он выглядел уже довольно давно.

- Не думаешь ли ты, что он умер от чего-то другого, может быть, от какого-то медленно действующего яда? - предположил молодой человек так спокойно, будто разговор у нас идет о погоде. - Или, может быть, тебя нарочно отозвали подальше от бассейна, чтобы кто-то смог подержать императора подольше под водой, чтобы вызвать сердечный приступ.

Вероятность отравления обсуждалась в караульне с момента смерти императора, и некоторые из нас заходили так далеко, что спорили, был ли тот яд, которым травили Романа, чемерицей или чем-то другим. Но расследовать такую возможность - не наше дело, ибо нашей обязанностью было оборонять его от прямого нападения, скажем, загородить щитом или отвести удар секирой, а не от незаметного смертельного яда в пище или питье. На эту работу басилевс нанимал тех, кто пробовал его пищу, хотя их могли подкупить, чтобы они только притворялись, и любой сообразительный убийца постарался бы достать медленно действующий яд, чтобы его действие нельзя было обнаружить, пока не станет слишком поздно.

Однако другое предположение юноши - что меня отозвали, чтобы Роман остался без охраны, меня встревожило.

Если так оно и было, значит, хранитель чернильницы определенно замешан в смерти басилевса, а возможно, и попечитель сирот, орфанотроп, тоже. Я вспомнил, как он пытался послать меня с пергаментом к логофету финансов. Это задержало бы меня еще дольше. От мысли о том, что я мог быть обманом вовлечен в смерть басилевса, по спине у меня пробежал холодок. Мне грозила настоящая опасность. Всякого гвардейца, коль скоро обнаруживалось, что он небрежно отнесся к охране басилевса, казнил начальник его отряда, обычно – прилюдным отсечением головы. Больше того, коль Романа на самом деле убили, то я стал возможным свидетелем, а это означает, что преступники постараются меня уничтожить. Любой из них, даже не столь могущественный, как орфанотроп, легко мог велеть убить меня, к примеру, в драке в таверне.

Тут мне стало страшно.

– Кажется, священники запели, – прервал мои размышления Пселл, тоже как-то встревоженно. Возможно, понял, что зашел слишком далеко в своих предположениях и ведет почти преступные речи. – Наверное, открывают двери Айя-Софии, сейчас появится наш новый басилевс. Мне пора отпустить тебя. Спасибо за сведения. Ты очень помог мне.

И он растворился в толпе.

Мы заняли свое место, окружив Михаила Четвертого, а он сидел на великолепном гнедом скакуне, одном из лучших в королевских конюшнях. Я вспомнил, что Роман слыл великим ценителем лошадей и выстроил замечательный конный завод, хотя сам был слишком хвор, чтобы наслаждаться верховой ездой. Теперь мне пришлось согласиться, что молодой Михаил, хотя и происходил из плебейской семьи, выглядит в седле воистину по-царски. Возможно, именно это и разглядела в нем Зоэ с самого начала. Хафдан

рассказывал мне, что стоял в карауле, когда Зоэ впервые встретила своего будущего любовника.

- Только полный болван мог не заметить, как она на него смотрит. Она не могла оторвать от него взгляд. Орфанотроп представил его. Он привел Михаила в императорскую приемную и подвел его прямо к двойному трону. Старый Роман был довольно любезен, но Зоэ смотрела на молодого человека так, словно хотела тут же его съесть. Он был хорош, это правда, свежее лицо, румяные щеки, и краснел он, как девушка. Уверен, что орфанотроп знал, что делает. Сам же все и устроил.

- Неужели все видели, а Роман даже не заметил? - спросил я.

- А старик тогда почти и не смотрел на императрицу. Куда угодно, только не на нее. Как будто само ее присутствие причиняло ему боль.

Я размышлял об этом разговоре на обратном пути в Большой Дворец. Мы вошли в обширный внутренний двор, и ворота за нами затворились. Наш новый басилевс спешился, подождал, пока придворные и чиновники строились в два ряда, а потом прошел между ними под рукоплескания ликующей свиты прямо во дворец. Я отметил, что басилевс не воспользовался охраной, и это казалось весьма необычным. Еще более странным было то, что придворные, нарушив строй, едва ли не толпой поспешили во дворец вслед за басилевсом. И Хафдан, к моему удивлению, припустился за ними, вопреки всем установлениям. То же сделали и другие гвардейцы, тогда и я стал проталкиваться и протискиваться вперед - все мы уподобились толпе зрителей, выходящих с конного ристалища по окончании состязаний.

Творилось что-то невообразимое. Вся казенная чопорность и щепетильность придворной жизни вдруг исчезла. Толпа министров, придворных, советников,

даже священников – все ввалились в большой Триклиний. Там на возвышении сидел наш новый молодой император и улыбался нам. По обе стороны стояли два раба с сундучками в руках. Вот один раб поднял свой сундучок, и поток золотых монет полился на колени императора. Михаил схватил полную горсть монет и швырнул их высоко в воздух над толпой. Я разинул рот от удивления. Сверкающий ливень золотых монет, каждая ценой в шестимесячное жалованье работника, пролился в протянутые руки. Немногие были пойманы налету, но большая часть упала на мраморный пол с отчетливым звоном. Люди ползали, подбирая монеты, а тем временем император зачерпнул с коленей еще горсть, и вновь золотой дождь пал на головы. Тут-то я понял, почему Хафдан, нарушив все уставы, ринулся вперед. Начальник моего отряда пробился туда, где золотая дуга была самой густой, и ловил золотую добычу.

Я тоже присел и начал подбирать монеты. Но в то самое мгновение, когда мои пальцы ухватили первый золотой, мне в голову пришло, что самое разумное, что могу я сделать, это под каким-нибудь благовидным предлогом, не привлекая внимания, выйти в отставку из дворцовой гвардии, пока еще не поздно.

Глава 2

Мысль о том, что Роман был убит, грызла меня в последующие недели. Я размышлял о возможных последствиях моего невольного участия в цареубийстве и принял кое-какие меры для собственной безопасности. Я ел только общую пищу, приготовленную дружинными поварами, и выходил из казармы только по делам службы или в обществе двух-трех товарищей, да и посещал лишь те места, каковые, по моему убеждению, были безопасны. Мои товарищи, проведай они о моих страхах, начали бы презирать меня за трусость. По сравнению с другими известными мне городами – к примеру, с Лондоном – Константинополь был городом замечательно спокойным и благоустроенным. Градоначальник-эпарх содержал отряд хорошо обученных стражников, а множество городских служащих присутствовали на рынках, следя за честностью торговцев, чистотой и пристойностью поведения. Только по ночам, когда улицы отдавались на откуп ворами и проституткам, мои товарищи отягощали себя оружием для самозащиты. Но я не чувствовал себя в безопасности. Коль скоро меня необходимо заставить молчать о том, чему я был свидетелем в императорской купальне, значит, нападение произойдет тогда, когда я меньше всего жду этого.

Единственным человеком, кому я признался в своих страхах, была моя подруга Пелагея. Она держала хлебный ларек на Мессе, и я навещал ее дважды в неделю, дабы поднатореть в разговорном греческом, ибо язык, заученный мной в ирландском монастыре, устарел и был ближе – такое вот совпадение – к языку, принятому при дворе императора, чем к языку простых людей. Бойкая, проницательная женщина с темными

волосами и желтоватой кожей, что было присуще коренным жителям этого города, Пелагея преподала мне урок того, как витиевато мыслят в Византии – а это нередко позволяет извлечь выгоду даже из несчастья. Она завела свое дело спустя несколько дней после того, как ее муж, пекарь, сгорел во время пожара, начавшегося от печи для выпечки хлеба, давшей трещину. Городской закон запрещал ставить пекарни вблизи городских строений, иначе мог бы выгореть весь квартал. Зола на пожарище еще не остыла, когда Пелагея отправилась к другим пекарям, соперникам ее покойного мужа, и добилась их сочувствия. Она упросила их поставлять товар в ее ларек с немалой скидкой, и к тому времени, когда я познакомился с ней, успешно приближала тот день, когда станет богатой женщиной. Пелагея снабжала меня всеми городскими сплетнями о дворцовых интригах – именно об этом больше всего любили поболтать ее покупатели, да к тому же – и это куда важнее, – ее сестра была швеей императрицы Зоэ.

– Никто не сомневается, что Зоэ приложила руку к смерти Романа, хотя менее вероятно, что она же подстроила то, что случилось в бане, – сказала Пелагея.

Мы встретились в просторных комнатах ее квартиры на третьем этаже. К удивлению таких, как я, выходцев из стран, где даже двухэтажные здания редкость, здесь, в Константинополе, множество домов имели по четыре и даже по пять этажей.

– Сестра говорит, что в покоях императрицы запросто можно добыть какие угодно яды. Их даже не держат под замком ради безопасности. У Зоэ страсть придумывать новые духи и притирания. Говорят, это осталось у нее с той поры, когда она хотела омолодиться и зачать ребенка. У нее целая рать служанок, и все они перетирают, смешивают и перегоняют разные снадобья, и иные составные части

их уж точно ядовиты. Одна девица упала на днях в обморок только оттого, что вдохнула пары какой-то смеси.

- Значит, ты думаешь, что Зоэ могла быть отравительницей, но несчастный случай в купальне подстроила не она? - спросил я.

- Трудно сказать. Коль императрица и вправду задумала разделаться с Романом, чтобы править империей от имени своего бывшего любовника, то она промахнулась. Михаил, как рассказывает сестра, ведет себя так, словно он один за все отвечает. О государственных делах с ней даже не советуются - обо всем заботится его брат, орфанотроп. Стало быть, коль скоро Зоэ не имеет никакого отношения к этому убийству, она вполне может выдвинуть обвинение против нового басилевса, чтобы низложить его. В любом случае, тебе-то грозит настоящая опасность. Если только начнется разбирательство, следственная палата будет вызывать свидетелей смерти Романа, а там свидетелей допрашивают обычно под пыткой.

- Я не понял. Коль скоро Зоэ с Михаилом были в сговоре, то ни ей, ни ему нет расчета в разбирательстве - все может открыться. А коль виноват только Михаил, да еще, может быть, орфанотроп, тогда Зоэ вряд ли захочет навредить тому, в кого влюблена до безумия.

- Ты не знаешь, какой глупой и вздорной может быть Зоэ, несмотря на ее возраст и положение, - последовало уничтожающее замечание Пелагеи. - Моя сестра разговаривала кое с кем из тех, кто заботится о гардеробе Зоэ. Видно, Зоэ чувствует себя отвергнутой. Михаил держит ее в гинекее и даже не посещает ее спальню так часто, как случилось в бытность ее женой Романа. Пуще того, ходят слухи, будто у Михаила какая-то неизлечимая болезнь, а орфанотроп умышленно скрыл это от Зоэ, когда знакомил их.

Дворцовые интриги непостижимы для обыкновенного рассудка, подумал я. Никогда мне не распутать ухищрения тех, кто стремится к полной власти, или тех, кто ею уже обладает. Лучшее, что я могу сделать, это затаиться, насколько возможно, уповая на защиту Одина, ловкого обманщика. Я дал обет: когда в следующий раз мои крещеные товарищи-гвардейцы отправятся молиться в новую церковь святого Олава, я отыщу тихое местечко и принесу жертву Всемудрому. Может быть, бог-странник укажет мне выход из моего непростого положения.

Но вышло так, что Один откликнулся даже прежде, чем я принес ему жертву. Но сначала нагнал на меня такого страха, что мне хватило его до конца моей службы у басилевса.

В начале июня Пелагея сообщила мне, что по городу разнеслась весть, будто войско русов собирается напасть на Константинополь. Большое число кораблей было замечено на большой реке, исходящей из киевского княжества. Они шли к устью.

- Тебе, Торгильс, эта дорога должна быть известна. По ней ты пришел в Константинополь, - заметила Пелагея.

Она стояла в тени портика позади своего широкого прилавка, болтая с знакомыми торговцами, а ее помощник тем временем продавал хлеб.

- Нет, я шел другим путем, по другой реке, она течет восточнее. Но все дороги одинаковы - все ведут в Константинополь.

- Да и все русы тоже одинаковы - дикие волосатые варвары, идолопоклонники. - Это колкое замечание принадлежало одному из знакомых Пелагеи, тоже лавочнику-хлеботорговцу, истинному городскому жителю, разбитному и развязному. Над его прилавком висело грубо намалеванное изображение Белого

Христа, раздающего толпе хлеба и рыбыны, из чего явствовало, что он рьяный христианин.

- Ну, это не совсем так, - мягко поправил я его. - Люди, которых ты смешал в одну кучу, назвав русами, на самом деле очень разные, а те, что происходят из Киева, сами христиане и признают вашего Великого патриарха. Другие же, к примеру, как я, родом из северных земель, и хотя мы поклоняемся своим богам, но приходим к вам торговать, а не воевать. В половине ваших церквей было бы темно, не будь тех, кого ты называешь варварами, не привози они пчелиный воск из северных лесов, дабы вы могли понаделать свечей для освещения ваших намалеванных святых, коим вы поклоняетесь.

Но лавочник не утихомирился.

- Наш город сумеет себя защитить, чем бы ни был вооружен этот сброд. Вспомни, какой урок они получили в последний раз. - Он заметил, что я его не понял. - Мой дед любит рассказывать, как мы переведались с этими невежественными дикарями, когда они осмелились напасть на Царьград. Явились на кораблях и вознамерились взять город и разграбить его. Но Богородица и наш басилевс спасли нас. Враг не смог проникнуть за городские стены - они оказались им не по зубам. Вот они и болтались вокруг по прибрежным поселениям, глупо и без толку бродили туда-сюда, грабили и насилывали. А наш басилевс ждал удобного случая. И дождался - русы утратили бдительность, а он послал наши корабли и честь по чести разбил их. Мы дотла пожгли их огнем. А они так и не поняли, что это было. Меньше сотни вернулось восвояси. Вот это был разгром! Мой дед рассказывал, что обгорелые тела выбрасывало на берег, и везде пахло паленым мясом... - И тут он, должно быть, вспомнил, как умер муж Пелагеи, потому что запнулся в смущении, опустил очи

долу и, найдя предлог, поспешил отвернуться и занялся выложенным на прилавке товаром.

Я хотел было спросить у Пелагеи, что имел в виду этот человек, говоря о каком-то огне, но тут меня окликнули по имени. Я обернулся и увидел Хафдана, он проталкивался ко мне через толпу. Рядом с ним шел дворцовый посыльный.

- Вот ты где, Торгильс. Так я и думал, что найду тебя у Пелагеи! - воскликнул Хафдан, впрочем, без обычных намеков, каковыми сопровождал всякое упоминание о ней. - Во дворце какая-то заварушка, и это касается тебя. Тебе следует немедля прибыть в ведомство орфанотропа. Дело срочное.

Я взглянул на Пелагею - меня охватил панический страх, - и по ее лицу увидел, что она тоже встревожена.

Я поспешил во дворец вслед за посыльным. Он привел меня в комнату орфанотропа, и я заметил, что евнух, брат императора, устроился рядом с парадными покоями басилевса. Стоявшие на часах мои сотоварищи, когда я проходил мимо них, посмотрели на меня с любопытством. Никогда еще такого не случилось, чтобы простого гвардейца вызывали сюда.

И вот я предстал перед Иоанном, и сердце у меня заныло. Он сидел за изысканно украшенным столом, читая какой-то свиток, а когда поднял голову и глянул на меня, я заметил, что выглядит он усталым и глаза у него ввалились глубже обычного. Надо полагать, бремя государственных забот оказалось тяжелее, чем он думал, а может быть, рыночные сплетники не лгут, говоря, будто орфанотроп никогда не спит, но, переодевшись монахом, по ночам ходит по улицам, подслушивая разговоры, расспрашивая обыкновенных горожан, дабы знать, о чем народ думает. Неудивительно, что люди боятся его. Да и мне стало тошно от дурных предчувствий, пока я там стоял и

ждал, что же он мне скажет. И с первых же его слов я понял, что он прекрасно помнит, кто я такой.

- Я вызвал тебя потому, что ты неплохо говоришь и по-гречески, и по-варяжски, - сказал он. - У меня к тебе поручение.

Сердце отпустило, но только на миг. Не очередная ли это дворцовая каверза? Не хочет ли орфанотроп усыпить мою бдительность, прежде чем открыть свои истинные намерения?

- Мои соглядатаи сообщают, что приближаются крупные силы русов. Их около пяти сотен, и плывут они на моноциклонах, на каких обычно ходят купцы из Руси, и плывут они той же дорогой.

Пять сотен русов - маловато для набега, подумал я. Рыночные слухи сильно преувеличены. Необходимо по крайней мере раз в десять больше, чтобы грозить хорошо обученным защитникам Константинополя.

Словно прочтя мои мысли, орфанотроп добавил:

- Безопасность города меня не беспокоит. Меня интересует, кто эти люди, ибо соглядатаи доносят, что они - не купцы. Они не везут товаров, они хорошо вооружены, и есть донесение, что их вожак - какой-то князь или знатный человек. Его зовут Аральтес или что-то вроде этого. Ты знаешь кого-нибудь с таким именем?

- Нет, ваше превосходительство, - ответил я. - Человек с таким именем мне не знаком.

- Скоро познакомишься, - сухо отозвался орфанотроп. - Чужеземцев я приказал перехватить при входе в пролив. Их отведут в район святого Мамаса на той стороне Золотого Рога и задержат там, подальше от города, пока не выяснятся их намерения. Вот туда-то ты и отправишься. Я желаю знать, кто они и зачем явились. Если это русы, ты поймешь их язык, когда они будут говорить между собой, а ты кажешься человеком достаточно сообразительным, чтобы составить собственное мнение и задать правильные вопросы.

После чего вернешься и лично доложишь о своих наблюдениях.

- Хорошо, ваше превосходительство, - ответил я, начиная думать, что понапрасну подозревал Иоанна. - Когда вы ожидаете прибытия чужеземцев?

- Через три дня, - ответил он. - Теперь ступай к моему старшему хартулярию. Он выдаст тебе предписание. Ты будешь числиться сопровождающим представителей дромоса. - Он замолчал, а потом произнес нечто такое, что - как он и намеревался - напомнило мне о словах, произнесенных мною, когда я передал ему послание, из-за коего я покинул свое место возле басилевса. - Тебе ведь известно, что логофет дромоса отвечает за иностранные сношения, тайную службу и посольства, равно как и за имперскую посыльную службу - любопытная смесь, не правда ли? - в то время как деканы - это дворцовые посыльные. Посему пусть люди из дромоса занимаются этими пятью сотнями варваров, но ты будешь моими глазами и ушами. Я желаю, чтобы ты подслушивал разговоры этих чужеземцев для моего сведения.

Разговор подошел к концу. Я заглянул в глубоко сидящие глаза орфанотропа. И с ошеломительной ясностью понял, почему он уверен, что я буду работать его соглядатаем, даже против соотчичей. Все было именно так, как сказала Пелагея: не имеет значения, замышлял ли орфанотроп возвести своего брата Михаила на трон. Басилевс Роман умер во время моей смены, когда я отвечал за его безопасность. Иоанн был свидетелем, как я нарушил устав, и мог призвать меня к ответу в любое время, когда ему заблагорассудится. Я был в его власти. Но при этом он был слишком умен, чтобы высказать это напрямик. Он предпочел положиться на мой страх и сделать меня своим человеком.

Таким вот образом спустя три дня после разговора со зловещим братом басилевса я оказался на борту маленькой лодки, идущей на веслах через покрытые рябью воды Золотого Рога по направлению к Мамасу, месту высадки русов. В лодке, кроме меня, еще два чиновника из секретариата дромоса, весьма угрюмого вида. Судя по всему, они считали это ужасное поручение сущим наказанием – их вырвали из тихих убежищ их присутствий и послали беседовать с шайкой неотесанных варваров-северян. Один из них морщил нос от отвращения, подбирая свое одеяние, чтобы подол не намок в воде, плещущейся на днище лодки. Поскольку оба были при исполнении, то надели парадные облачения, обозначавшие их чин. Плащ у этого имел зеленую кайму, и я понял, что он – государственный служащий высокого ранга, и подумал – не говорит ли и он по-норвежски. Палата дромоса содержала обученных толмачей, и было бы вполне в духе орфанотропа послать не одного, а двух соглядатаев, чтобы сопоставить их наблюдения.

Когда наша лодочка подошла к месту высадки, вид дюжины кораблей, стоящих на якоре, вдруг пробудил во мне тоску по северным краям. Моноциклоны, как назвал их орфанотроп, были уменьшенной копией изящных морских судов, какие я знал всю жизнь. Корабли, стоявшие в Мамасе, были не так искусно построены, как настоящие морские суда, но вполне годились для коротких морских путешествий и очень отличались от бокастых кораблей, излюбленных греками. Тоска моя усилилась, когда я, сойдя на берег, прошел по открытому месту, где чужеземцам позволили раскинуть палатки. Там лежали кипы парусов из льняного полотна, бочонки, брусья, бухты канатов, якоря и прочее корабельное снаряжение, все такое знакомое. Канаты пахли дегтем, а кожаные крепления

кормила – жиром. Даже уложенные кострами весла были того же вида, какими я пользовался в юности.

Лагерь с ровными рядами палаток выглядел как-то по-военному, и стало ясно, что смутило имперских соглядатаев. Эти многочисленные странники явилось в Константинополь явно не для того, чтобы продавать и покупать. Все, кто слонялись вокруг лагеря, или склонялись над котелками с похлебкой, или просто валялись на солнышке, имели наружность воинов. Это были крупные, уверенные в себе люди, и то, что они норвежцы, тоже было ясно. Светловолосы, как норвежцы, с длинными волосами и роскошными бородами, и штаны на них те же, тяжелые, повязанные понизу крест-накрест, хотя рубахи – самых разных расцветок и тканей, начиная со льна и кончая кожей. На одном или двух я заметил даже куртки из овечьих шкур, совершенно непригодные для жаркого константинопольского солнца.

Эти дюжие иноземцы не обратили на меня внимания, когда я направился к одной из палаток, побольше остальных, стоящей на отшибе. Я сразу же узнал в ней палатку военачальника, и мне не нужно было говорить, что здесь мы найдем предводителей этой неизвестной дружины.

Жестом показав моим спутникам, что им следует подождать снаружи, я откинул кусок ткани, заменяющий дверь. Вошел, выждал, пока глаза мои не привыкли к полумраку. Вокруг стола на козлах сидели четверо или пятеро. Заметив, что я чужак и одет в незнакомую форму – а на мне была алая рубаха гвардейца, – они равнодушно ждали, пока я объясню, что мне нужно. Но один из них, самый дюжий, с клочковатыми седыми волосами и густой бородой, смотрел на меня иначе. Он вперился в меня взглядом.

Настало неловкое молчание, пока я думал, как мне назвать себя и какой тон взять. Но молчание было

нарушено.

- Торгильс, сын Лейва! Клянусь Богами, это Торгильс! - закричал седовласый.

У него был безошибочный исландский говор, и я даже разобрал, из какой местности Исландии он приехал: это был человек с западных фьордов. И еще его голос подсказывал мне, кто он, и я через мгновение понял. Это был Халльдор, сын Снорри, пятый сын Снорри Годи, в чьей семье я жил в Исландии в детстве. Сестра Халльдора Халлбера была первой девушкой, в которую я влюбился, а отец Халльдора сыграл решительную роль в моей жизни, когда я был подростком.

- Что это за чудная на тебе одежда? - спросил Халльдор и, подойдя ко мне, хлопнул меня по плечу. - Последняя весть о тебе, дошедшая до нас, это что ты уехал в Пермию покупать меха у финнов. Не говори мне, что Торгильс, бывший приятель этого изгоя Греттира Силача, стал теперь дружинником императорского дворцового войска.

- Да, этой осенью будет три года, как я здесь и служу в гвардии, - сказал я и понизил голос, чтобы люди из дромоса не слышали меня сквозь ткань палатки. - Меня послали разузнать, что ты и твои товарищи собираетесь делать и зачем пришли в Константинополь.

- Ну, это не тайна. Можешь возвращаться к своему начальнику и сказать ему, что мы пришли предложить свои услуги императору Миклагарда в качестве воинов, - весело ответил Халльдор. - Мы слышали, что он очень хорошо платит и что здесь неплохо можно разжиться добычей. Мы хотим вернуться домой богатыми людьми! - И он рассмеялся.

Поневоле я улыбнулся этому воодушевлению.

- Что? Вы все желаете вступить в дворцовую дружину? Мне сказали, что вас пять сотен. Новобранец

может вступить в нее только на освободившееся место, и список ожидающих весьма пространен.

- Нет, - сказал Халльдор. - Мы не желаем вступать в дворцовую дружину. Мы желаем держаться вместе, отдельной дружиной.

Эта мысль была настолько неожиданной, что на мгновение я замолчал. Норвежцы нечасто объединяются в обученные военные отряды, особенно когда выходят в свободный поиск в надежде на добычу и грабеж. Они слишком независимы по натуре. Здесь должно быть еще что-то.

Халльдор заметил мое замешательство.

- Каждый из нас уже поклялся в верности одному человеку, единственному предводителю. Коль скоро его басилевс примет его на службу, мы последуем за ним.

- Что это за человек? - спросил я.

- Это я, - прозвучал низкий голос, и обернувшись, я увидел высокого, с военной выправкой человека, входящего, пригнувшись, в дверь в дальнем конце палатки. Он выпрямился в полный рост, и в этот миг я понял, что Один откликнулся на самые глубокие мои упования.

Харальд - сын Сигурда, как вскоре я узнал - и это было задолго до того, как его прозвали Хардрадом, «Суровым» - был ростом немногим меньше шести с половиной футов и в полумраке палатки походил на героя, вышедшего из туманного мира древних преданий. Широкоплечий и мускулистый, он двигался с изяществом атлета, возвышаясь над другими людьми. Когда он подошел ближе, мне показалось, что я смотрю в лицо одного из тех людей, о которых рассказывалось в сказках у очага, когда я был маленький. У него был свирепый вид морского орла - выступающий нос походил на клюв, а близко поставленные ярко-синие глаза смотрели зорко и пристально, почти не мигая. Густые желтые волосы, свисающие до плеч, тоже

напоминали кольцо длинных перьев вокруг шеи морского орла, и у него была привычка быстро вертеть головой – точно хищная птица высматривает добычу, – так что волосы шевелились на плечах, словно кольцо орлиных перьев. Усы у него были еще более впечатляющие, на старый манер – две густые пряди свисали по сторонам рта, как веревки из светлого шелка, и доходили до груди.

– А ты кто такой? – спросил он.

Его внешность так поразила меня, что я замешкался с ответом, и пришлось Халльдору ответить за меня.

– Это Торгильс, сын Лейва Счастливого, – сказал исландец. – Подростком он жил на хуторе моего отца в Исландии.

– Он был вашим воспитанником?

– Нет, мой отец принял в нем участие, потому что он, как сказал бы ты, обладал даром. Он был – а может, и остался – ясновидцем.

Великан-норвежец повернулся ко мне и внимательно взгляделся в мое лицо, изучая. Я понял, что он размышляет, на что могу сгодиться.

– Это одежда императорской дружины?

– Да, господин, – ответил я.

То, что я назвал его господином, казалось совершенно естественным. Коли я когда и встречал прирожденного вельможу, так это был именно он – этот высокий, надменный незнакомец. Похоже, он лет на пятнадцать моложе меня, но у меня не возникло никаких сомнений, кто из нас двоих достоин почтения.

– Полагаю, тебя послали к нам на разведку, – откровенно продолжил он. – Так скажи своему господину, что мы именно то, чем кажемся – отряд воинов, а их предводитель – Харальд, сын Сигурда, из Норвегии, сводный брат святого Олава. Скажи ему, что я пришел, желая предоставить себя и своих людей в его распоряжение. Скажи ему еще, что воинского опыта

нам не занимать. Большинство из нас служили в дружине киевского князя Ярослава.

Теперь я знал точно, кто он: отпрыск одного из могущественнейших родов Норвегии. Его сводный брат Олав правил Норвегией дюжину лет, прежде чем его сбросили завистливые главы кланов.

- Господин, я всего лишь сопровождающий, - кротко ответил я. - Тебе нужно говорить с двумя чиновниками, они ждут снаружи. Они из приказа, ведающего иноземцами. Они будут вести переговоры.

- Тогда не станем терять времени, - бодро сказал Харальд. - Представь меня.

И круто повернувшись, вышел из палатки. Я поспешил за ним как раз вовремя, чтобы увидеть выражение лиц двоих бюрократов, когда этот величественный великан навис над ними. Вид у них был встревоженный.

- Это предводитель... эээ... варваров, - сказал я погречески. - Он очень высокого рождения. В своей стране он принадлежит к самым знатным людям. Он провел некоторое время при киевском дворе, а теперь хочет со своими людьми поступить на службу к великому басилевсу.

Оба чиновника пришли в себя. Они достали пергамент и тростниковые писала из маленьких слоновой кости рабочих ящичков, принесенных с собой, и приготовились записывать.

- Прошу тебя, повтори имя этого знатнейшего человека, - сказал тот, кого я считал старшим.

- Харальд, сын Сигурда, - сказал я.

- Его чин и племя?

- Никакого племени, - ответил я. - Из его семьи вышли короли далекой северной страны под названием Норвегия.

Чиновник что-то пробормотал своему коллеге. Я не слышал, что он сказал, но тот кивнул.

- Его отец является сейчас королем его народа?

Вопрос несколько смутил меня. Я понятия не имел о нынешнем положении Харальда и не готов был спросить у него напрямик, поэтому перевел вопрос Халльдору, уже подошедшему к нам. Но ответил сам Харальд.

- Скажи ему, что моей страной правил мой сводный брат, пока не погиб в сражении с врагами, и что я - законный наследник.

Харальд, подумал я, имеет очень четкое представление о том, чего он стоит. Я перевел его слова, и чиновник старательно записал. Теперь, когда можно было свести все к писаному слову, он явно чувствовал себя увереннее.

- Мне понадобится точный список людей, его сопровождающих - их имена, возраст, чин и место рождения. А также полное перечисление всех грузов, ими привезенных, а также опись их оружия; а также кто и каким морским ремеслом владеет; и кто и какие болезни перенес во время плавания из Киева...

Я почувствовал, что стоящий рядом со мной Харальд теряет терпение.

- Составляют перечни, да? - вмешался он.

- Да, мой господин. Они должны предоставить в свой приказ полное описание твоей дружины и ее вооружения.

- Превосходно, - сказал он. - Скажи им, пусть сделают для меня список с перечня. Он может пригодиться моему старшему кормчему.

С этими словами он повернулся и ушел.

К счастью, один из русов-проводников, ведший Харальда и его людей вниз от Киева, неплохо говорил по-гречески и вызвался помочь мне с переводом, пока крючки из дромоса терпеливо делали свое дело. Я воспользовался возможностью отвести Халльдора в сторону и расспросить его о Харальде.

- Правда ли, что он законный наследник норвежского трона? - спросил я. - И если он законный наследник, то как оказался в Киеве при дворе князя Ярослава?

- Ему пришлось бежать из Норвегии, когда его сводный брат потерпел поражение и погиб в битве, пытаясь вернуть себе трон. Он нашел убежище у князя Ярослава, как и многие норвежцы, стоявшие в междоусобице на стороне проигравших. Провел в Киеве три года, был военачальником и так возвысился, что посватался к княжеской дочери Елизавете.

Кажется, самоуверенность Харальда, сына Сигурда, не ведает пределов.

- И каков же был ответ князя?

- Ему незачем было отвечать. Княжна Елизавета сама сказала Харальду, что станет он богатым и прославленным - пусть возвращается, а поскольку Харальд не из тех, у кого трава успевает вырасти под ногами, он и скажи, что сделает состояние на службе у басилевса. Всякий желающий, был бы хороший воин, мог присоединиться к нему и присягнуть ему на верность. Так он ушел из Киева со своей дружиной.

- Ну, а как же ты? Неужели похвальбы Харальда хватило, чтобы ты пошел за ним?

- Все так, как я сказал, Торгильс. Я хочу разбогатеть. А кто еще, коль не Харальд, сын Сигурда, способен взять добычу? Он честолобив, он полон сил и, кроме всего прочего, ему везет в сражениях.

Был еще один вопрос, который я должен был задать, и я очень боялся ответа.

- Харальд - последователь Белого Христа, - спросил я, - или он держится исконной веры?

- Это дело странное, - ответил Халльдор. - Можно подумать, что Харальд - такой же христианин, как его брат конунг Олав, а его уже многие называют святым Олавом. Но я что-то не замечал, чтобы Харальд

стремился побывать в церкви или произнести молитву Христу. Он служит одному богу – самому себе. Он прекрасно знает, чего хочет – завоевать норвежский трон, и будет исповедовать любую веру и верить в любого бога, коль это поможет ему добиться желаемого.

Именно эти слова убедили меня связать мою судьбу с Харальдом, сыном Сигурда. Со временем я присоединился к нему, но не ради богатства, а потому, что он казался мне единственным человеком, способным возродить исконную веру. Я думал: коль я помогу Харальду получить трон и покажу ему, что Один и исконные боги благоволят к нему, тогда он вернет свое королевство к исконной вере. Этот замысел оттачивался и приобретал очертания у меня в голове в последующие недели и месяцы, но возник он в тот самый день, когда Халльдор, сын Снорри, поведал мне о честолюбивых намерениях Харальда.

– Да будет тебе известно, Харальд не просто смелый воин, – продолжал Халльдор, не зная, что каждое его слово придает мне уверенности в том, что сам Один уготовил Харальду роль своего поборника. – Харальд покровительствует скальдам. Он может судить о поэзии, ибо сведущ в древних знаниях, как мало кто из живущих, и он щедро одаривает любого искусного скальда, воспевающего мир богов. Он ведь не просто знаток. Он и сам складывает прекрасные строфы. Большинство из нас, его дружинников, знает стих, сказанный им, когда он бежал из битвы, в которой убили его сводного брата. – Здесь Халльдор остановился. Потом набрал воздуха и произнес:

Вот влачусь из чащи
В чащу – мало чести:
Но – кто знает – славным

Прослыву я в мире.

- Неплохо для пятнадцатилетки, раненного, бившегося на стороне проигравших в бою, где на кону стоял трон, - заметил он.

И вновь я почувствовал, что Один указывает мне путь. Мне тоже было пятнадцать, когда я сражался и был ранен в великой битве, в которой решалась судьба королевства, трон Ирландии. Норны, сплетающие судьбу человека, воткали схожие узоры в жизнь Харальда, сына Сигурда, и в мою. И теперь Один привел нас туда, где наши дороги пересеклись.

Шаги, раздавшиеся у меня за спиной, заставили меня обернуться. Вот он - этот человек собственной персоной. При солнечном свете, озарявшем этот лик морского орла, я увидел нечто, чего не заметил раньше: черты лица его были правильны и складны, оно было красиво, и только одно было странно - кривые брови: левая была гораздо выше правой. И я подумал, что кривизна эта - знак Одина, Одина одноглазого.

- Итак. Что ты думаешь об этом Аральтесе? - спросил орфанотроп Иоанн, когда я на другой день явился к нему с докладом.

Я заметил лежащий перед ним на столе кусок пергамента и предположил, что это письменный доклад из дромоса. Было хорошо известно, что имперские ведомства ни при ком не работали столь четко и быстро, как при Иоанне.

- В нем нет притворства, ваше превосходительство. В Норвегии его зовут Харальд, сын Сигурда, - отвечал я, стоя по стойке смирно и глядя на золотое полукружие. То был нимб святого на иконе, висящей на стене позади

орфанотропа. Я все еще боялся этого человека и не хотел, чтобы он смотрел мне в глаза и читал мои мысли.

- А насчет рассказней, будто он знатный человек?

- Это так, ваше превосходительство. Он состоит в родстве с королевской семьей Норвегии. Он и его люди пришли предложить услуги его величеству базилевсу.

- А что ты скажешь о состоянии его боевого духа и вооружения?

- Высочайший боевой дух, ваше превосходительство. Оружие наилучшее и в хорошем состоянии.

- А корабли?

- Требуют некоторого ремонта, но годны для плавания.

- Хорошо. Вижу, ты не тратил времени даром. Мои дотошные коллеги из ведомства дромоса позаботились напомнить мне о правиле, по которому никакой иноземный принц не может служить в имперской дворцовой гвардии. Это слишком рискованно. Вдруг у него появятся мысли, превышающие его положение. Но, думаю, что использовать этих варваров можно. Я пошлю записку аколупу, начальнику гвардии, с извещением, что ты отозван для особых поручений. Ты будешь связным между моим ведомством и Аральтесом с его войском. Получишь добавочное вознаграждение сверх обычного жалования и, когда не будешь занят моими поручениями, продолжишь отправлять обычные обязанности гвардейца. Это все.

Я вышел и был тут же перехвачен секретарем. Он вручил мне свиток, я развернул его - это были письменные распоряжения для меня. Казалось, орфанотроп еще прежде, чем я явился к нему с докладом, уже все решил. Я прочел, что должен приготовить «гостя Аральтеса» к аудиенции с его императорским величеством базилевсом в день, каковой будет указан впоследствии. До того времени я

должен помочь Аральтесу ознакомиться с устройством и боевым строением имперского флота. Я перечитал это распоряжение, ибо оно стало для меня неожиданностью. Имперский флот был скорее младшей ветвью имперских вооруженных сил, хотя считался сильнейшим флотом в Великом море. Я думал, что Харальд и его люди войдут в дружину «загородных варягов», полк иноземцев, в каковой входили армяне, грузины, валахи и прочие. Но нет – Харальду и его людям назначено было стать моряками.

Во время следующего посещения лагеря у Мамаса я рассказал об этих распоряжениях Халльдору, а тот в ответ только фыркнул.

– Разумно, – сказал он. – Мы привыкли биться на море. Но о какой такой подготовке к приему у басилевса идет речь?

– Вам придется хорошенько усвоить все мелочи, – ответил я. – Ничто так не гневит императорских советников, как ошибки в придворных обычаях. Это укрепляет их в мысли, что всякий, не знающий придворных обрядов, – невежественный и совершенно неотесанный дикарь, с которым не стоит иметь дела. Бывало, что прошения иноземцев отклонялись из-за какого-нибудь пустячного нарушения дворцового порядка. Например, посланник, прибывший ко двору и употребивший неправильный титул в обращении к басилевсу, получит отказ в дальнейших аудиенциях у императора, его посольские грамоты будут отозваны, ну, и так далее.

– И как же должен Харальд называть басилевса?

– Императором ромеев.

Это вызвало у Халльдора недоумение.

– Как же так? Это ведь Константинополь, а не Рим, да и есть же правитель Германии, именующий себя императором Священной Римской империи.

- Об этом-то я и толкую. Басилевс и весь его двор убеждены, что они - настоящие наследники Римской империи, представители ее истинного образа и продолжатели ее славы. Они готовы согласиться, что германец - римский король, но никак не император. Точно так же их священнослужители заявляют, что наиглавнейший священник Белого Христа - это их Великий патриарх, а никак не особа, сидящая в Риме и называющая себя папой. Кроме всего прочего, это объясняет, откуда взялась такая смесь латинского и греческого в воинских званиях - они говорят о декурионах и центурионах, словно это солдаты римской армии, но более высокие чины почти все носят греческие названия.

Халльдор вздохнул.

- Ну ладно, я надеюсь, ты сумеешь уговорить Харальда употреблять правильные слова и делать все, как положено. Не уверен, что он станет пресмыкаться перед басилевсом. Он не из таковских.

Тревога Халльдора оказалась напрасной. Выяснилось, что Харальд, сын Сигурда, вполне согласен обуздать свою гордыню ради собственной выгоды, а поскольку мне страшно хотелось, чтобы норвежский принц преуспел в своих начинаниях, я старался изо всех сил, обучая его предписанному поведению на приеме в Большом Дворце. Подданные императора, сообщил я ему в первую очередь, почитают столь великой честью быть допущенными до лицезрения басилевса, что готовы ждать годами обещанной аудиенции. Для них это равно встрече с наместником их Бога на земле, и все во дворце устроено так, чтобы усилить это впечатление.

- Представь себе, господин, богослужение в самой роскошной церкви Белого Христа, - говорил я. - Все очень церемонно и торжественно. Придворные одеты в особые шелковые платья, каждый точно знает свои

обязанности и место, где он должен стоять, какие именно движения производить и какие слова произносить. Все внимание направлено на императора. Он восседает на золотом троне, одет в усыпанное драгоценными камнями облачение, каковое здесь называют хламидой. На плечах его – длинная стола, каковую носить имеет право лишь император, а на ногах – пурпурного цвета сапожки, тоже в соответствии с титулом. Он неподвижен, взгляд его устремлен через весь зал на двери, в которые ты войдешь. Тебя введут в зал, а потом ты должен будешь пройти по залу и сотворить проскению.

- А что такое проскения? - спросил Харальд, подавшись вперед.

Я понял, что увлекся описанием великолепия церемонии, и запнулся, не зная, как отнесется Харальд к моим объяснениям.

- Проскения – это выражение благоговения, – начал я.

- Дальше.

Я судорожно сглотнул.

- Одним словом, нужно лечь, расprostершись, на пол, лицом вниз, и оставаться так, пока придворный не скажет, что можно встать.

Последовало долгое молчание, пока Харальд обдумывал это. Я боялся, что он откажется так унижить себя, но он спросил:

- Как далеко буду я находиться от трона, когда стану проделывать это представление с лежанием?

Я перевел дыхание.

- Когда ты будешь подходить по залу к басилевсу, смотри вниз и увидишь на мраморном полу пурпурный круг. Он обозначает место, где ты должен лечь.

- Откуда ты все это знаешь? - быстро спросил Харальд.

- Потому что часть гвардии стоит позади императора во время этой церемонии, и я много раз видел, как это делается. Гвардейцам известны и маленькие хитрости для усиления впечатления. На самом-то деле порою бывает трудно не рассмеяться.

- Например?

- Коль придворный камерарий полагает, что проситель достаточно впечатлителен, трон басилевса поднимают во время проскении. Пока проситель валяется на полу ниц, слуги крутят подъемную машину, скрытую позади трона, так что когда проситель поднимает голову, то вдруг видит, что император сидит выше, чем прежде. Зрелище его удивления порою очень забавно. Но, - поспешно добавил я, - не думаю, что они прибегнут к такой уловке в тот день, когда ты получишь аудиенцию у императора.

Вот, вспомнил я этот давнишний разговор с Харальдом, и пришло мне в голову, что, пожалуй, я ошибался, полагая, будто готовлю его только к встрече с басилевсом. Боюсь, что Харальд на самом деле получил совсем другой урок: он понял, как важно показать свою власть над другими, как ослепить их. Коль так, то излишним своим рвением, стремясь помочь Харальду, я посеял семена своего же будущего разочарования.

Орфанотроп также повелел мне познакомить норвежского принца с императорским флотом, и я повел Харальда в морской арсенал на Золотом Роге. Там эпарх верфи, страшаясь за свои секреты, принял нас холодно и потребовал, чтобы в обходе нас сопровождали чиновник из дромоса и его собственный подчиненный. Я показывал Харальду одно за другим - спуски, на которых строят и чинят военные корабли, и склады с морскими припасами, навесы с мачтами и парусные сараи; рассказывал, что большую часть моряков набирают из прибрежных жителей по ту

сторону пролива, в Малой Азии. Харальд, прекрасно знавший корабельное строение, задавал столь мудреные вопросы мастерам-плотникам, что порою я не мог найти нужных слов, чтобы перевести на греческий. Потом он потребовал, чтобы ему показали военный корабль в исправности. Представитель епарха заупрямился, но Харальд стоял на своем. Коль скоро его людям предстоит служить на императорских кораблях, они хотя бы должны знать, что их ждет. Он указал на самый большой дромон – трехмачтовый быстроходный военный корабль, в ожидании приказа стоявший на якоре в Золотом Роге. Ему хотелось бы осмотреть это судно, сказал он. Как я не раз замечал впоследствии, просьба Харальда, сына Сигурда, всегда звучала скорее как приказ.

Мы отправились на морской лодке. Дромон вблизи оказался еще больше, чем представлялось. Я никогда не бывал на борту столь большого судна, оно было огромно, по меньшей мере в полтора раза длиннее самого длинного из длинных кораблей, какие мне доводилось видеть в прошлом, и раза в два-три шире. Но что воистину особенно поражало, так это его высота над водой. Наши норвежские военные суда низкие и сглаженные, а императорские военные корабли строятся вверх от воды – для устрашения противника и для того, чтобы лучники с палубы могли стрелять вниз. Дромон навис над нами, когда мы подошли к нему, и высоту его увеличивала поставленная в середине судна постройка, похожая на крепость. Мы поднялись по борту на палубу и сразу же столкнулись с кентархом, начальником. Он сердито осведомился, кто этот иноземного вида человек с длинными усами, что поднялся на борт его судна так, словно он его владелец. Когда человек из дромоса объяснил, что у Харальда, сына Сигурда, есть письмо от секретаря орфанотропа, кентарх недовольно глянул на него, а

потом ходил с нами повсюду на палубе, с подозрением косясь в нашу сторону.

Харальд ничего не упустил. Увлеченный этим неизвестным ему устройством военного судна, он спрашивал, как дромон ведет себя в море, как ставятся паруса и как берут рифы, легок ли он в управлении, с какой скоростью идет, когда все две сотни гребцов сидят на скамьях, и как долго они могут сохранять среднюю скорость. Кентарх отвечал неохотно. Для него бородатый норвежец был естественным врагом. Снова и снова приходилось мне напоминать нашему провожатому, что Харальд, сын Сигурда, по приказу орфанотропа должен ознакомиться с имперским военным флотом, и что в один прекрасный день люди Харальда могут оказаться на борту этого корабля. У кентарха был такой вид, будто он предпочел бы затопить свое судно.

Наконец, мы подошли к баковой надстройке на носу дромона.

– А это что такое? – спросил Харальд.

Бронзовая труба торчала из металлической пластины, выступая вперед, как единственная ноздря. Сразу позади трубы стояли два металлических корыта, от коих тянулись медные трубки к устройству, похожему на насос.

– Это судовой сифон, – сказал человек из дромоса. Кентарх гневно глянул на него и уже без всяких церемоний встал перед Харальдом, нарочно загородив ему обзор.

– Даже прямое повеление императора не понудит меня сказать тебе большее, – рявкнул он. – А теперь вон с моего корабля!

К моему удивлению, Харальд подчинился.

Гораздо позже, когда мы благополучно вернулись в арсенал и нас не мог услышать никто из чиновников, Харальд пробормотал:

- Вот как они пускают огонь. Но как они его делают?

- Не знаю, - сказал я. - Я даже не знаю толком, что это такое.

- Будучи в Киеве, я слышал рассказы о том, как был уничтожен флот во времена их дедов, - сказал Харальд. - Люди дивились, как огонь зажигается в воздухе, обращая в пепел все, к чему прикоснется. Он горит даже под водой. Это поразительно.

В тот же вечер я расспросил Пелагею об огне, но мой обычно надежный источник сведений мало чем помог. Она сказала, что о том, как сотворить огонь, известно лишь горстке мастеров, а из чего он состоит - это самая охраняемая из государственных тайн. По слухам же, огонь делают из негашеной извести, смешанной с маслом, истекающим из земли. Я рассказал ей о странной бронзовой трубе на борту дромона, и она засмеялась: мол, иные из иноземных моряков полагают, будто императорский флот разводит огнедышащих драконов, и держат их под палубами, отправляясь в поход, а перед самой битвой выпускают вверх.

Вскоре после праздника Преображения - это один из главных праздников в Константинополе, - и через два месяца после прибытия Харальд наконец-то получил аудиенцию у Михаила. Она имела место в другом великолепном зале в Большом Дворце, Магнауре, часто используемом для приема иноземных послов, и мне повезло - я оказался в составе императорского караула. Заняв свое место позади трона и возложив на плечо секиру, я волновался, подобно учителю, которому скоро предстоит увидеть, как покажет себя его лучший ученик. Изнутри зал походил на огромную церковь, с колоннами и галереями и высокими окнами, застекленными цветными стеклами. Дальний конец открывался на широкий двор, усаженный деревьями, и там собрались просители.

Среди них я видел Харальда, он на целую голову возвышался над остальными. Впереди стояла толпа придворных сановников, ожидающих знака от распорядителя. Даже меня, бывшего очевидцем множества таких церемоний, все еще удивляло их великолепие. Придворные и сановники одеты соответственно рангу и ведомству, каковое они представляют: сенаторы и патрикии в синем и зеленом, военачальники Этерии в белых туниках с золотыми поясами, судьи и высокопоставленные чиновники в блестящих узорных шелках и с должными регалиями в руках, знаками своего отличия – золотыми посохами, жезлами из слоновой кости, придворными мечами в ножнах, выложенных эмалевыми пластинами, а еще – украшенными драгоценными камнями кнутами, табличками и свитками с цветными рисунками. Многие одеяния так расшиты золотом и серебром, а также драгоценными камнями и жемчугом, что их обладатели едва могут двигаться. Но и это тоже – часть обряда. Все собравшиеся должны стоять неподвижно или почти неподвижно. Любое движение должно быть замедленным и величавым.

Трубы возвестили о начале церемонии, и собрание, стоя лицом к Михаилу, сидевшему на своем троне (Зоэ не была приглашена), запело хвалебную песнь в честь басилевса. После нескольких минут восхвалений и приветственных возгласов я увидел издали, как дворцовый евнух, чьей обязанностью было представлять сановников императору, подошел к Харальду и жестом показал, что тот должен выйти вперед. Толпа расступилась, оставив проход, ведущий к трону. На мраморном полу, на пустом месте перед тронном мне хорошо был виден пурпурный круг, где Харальду предстояло пасть ниц и сотворить проскению. И тут я вдруг вспомнил, что не предупредил Харальда о зверях. Я сказал ему о поднимающемся троне, но забыл,

что в Магнауре по обе стороны пурпурного круга стоят, совсем как живые, два бронзовых льва. Изнутри они полые и сочленены, а с помощью искусно расположенных скрытых воздушных насосов этих бронзовых животных можно заставить махать хвостами, открывать пасти и издавать рык. Обслуга же этих механизмов спрятана и по приказу приводит их в движение, и звери рыкают в тот самый миг, когда проситель собирается простереться перед троном.

Я смотрел, как Харальд с непокрытой головой, в бархатной тунике темно-зеленого цвета и в свободных шелковых штанах, идет по просторному залу между рядами наблюдающих придворных. Единственная драгоценность на нем – простые золотые браслеты на каждой руке. В столь блестящей и пышной толпе он должен бы оставаться незаметным, но его фигура возвышается над окружающими. Дело не только в росте и явной телесной силе, поразившей присутствующих. Дело в том, что Харальд из Норвегии шел по залу так, будто этот зал для церемоний принадлежит ему, а не басилевсу.

Он приблизился к пурпурному кругу и остановился на открытом месте перед троном, на виду у толпы. Настало молчание, растянутый миг тишины, пока он стоял перед императором. И как раз в этот момент механические звери забили хвостами и зарычали. Коль скоро собравшиеся ожидали, что Харальд дрогнет или выкажет страх, то ничего подобного не случилось. Он повернул голову, посмотрел на открытую пасть сначала одного зверя, потом другого. Он казался задумчивым, даже любопытствующим. Потом небрежно опустил на мраморный пол и сотворил проскению.

Гораздо позже он рассказал мне, что заглядывая в разверстые пасти бронзовых львов и услышав шипение воздуха в воздушных насосах, заставлявших их двигаться и рычать, он понял, как устроен огонь.

Глава 3

Почти четыре месяца я не видел Харальда. После проскении перед базилиевсом он со своей дружиной покинул Константинополь. Орфанотроп поставил перед ним задачу справиться с нарастающей угрозой со стороны арабских пиратов, постоянно нападающих на корабли, идущие от Диррахия на западном берегу Греции. Порт Диррахий был важнейшим перекрестком на дорогах империи. Через его гавань проходили имперские курьеры, войска и торговцы на пути в Константинополь и обратно, в колонии южной Италии. В последнее время пираты настолько осмелели, что устроили стоянки на соседних греческих островах, откуда их быстрые галеры нападали на проходящие суда. Поначалу орфанотроп собирался послать в эти края дополнительные части имперского флота с людьми Харальда на борту. Но по словам моих сотоварищей-гвардейцев, флотоводец-друнгарий воспротивился. Он ни в коем случае не желал брать так много варваров на свои суда, а Харальд окончательно все испортил, заявив, что не будет выполнять приказы греческого начальника. Это безвыходное положение уладилось, когда Харальд предложил использовать его собственные корабли, легкие моноциклоны, послав их в Диррахий. Оттуда он мог сопровождать торговые суда и караулить неприятеля.

Харальд уехал, а я вернулся к моим обычным обязанностям в гвардии и выяснил, что слухи о нездоровье Михаила правдивы. Молодой император страдал хворью, каковую дворцовые врачи благоразумно называли «священной болезнью».

В первый раз я заметил ее признаки, когда Михаил одевался к пиршеству, коим отмечается рождение

Белого Христа. Я с еще пятью телохранителями сопровождал Михаила в императорскую палату для одевания. Там веститоры, сановники, торжественно облачающие императора, церемонно открыли сундук, содержащий одежду басилевса. Чином младший из них вынул плащ-хламиду и торжественно передал следующему по старшинству чина. Из рук в руки одеяние передавалось, пока в конце концов не дошло до старшего веститора, а тот почтительно приблизился к ожидающему басилевсу, произнес нараспев молитву и накинул плащ на плечи императора. Дальше последовали расшитая жемчугом стола, перчатки в драгоценных камнях и нагрудный кулон. Все это время басилевс стоял неподвижно, пока ему не протянули корону. В этот миг что-то пошло не так. Вместо того чтобы наклониться и поцеловать крест на короне, как требовал ритуал, Михаил задрожал. Это был всего лишь легкий трепет, но, стоя позади него, мы, его телохранители, видели, как его правая рука непроизвольно затряслась. Веститор ждал, держа корону на вытянутых руках, но Михаил, как расслабленный, не мог двинуться, только руки у него дрожали. Стояла полная тишина, перерыв затянулся, все в комнате застыли неподвижно, как вкопанные, и единственным движением было мелкое дрожание правой руки Михаила. Потом – а прошло столько времени, сколько требуется для семи или восьми глубоких вдохов, – рука постепенно затихла, и к Михаилу вернулось полное обладание собственным телом. В тот день, как ни в чем не бывало, он присоединился к процессии, шедшей вдоль увешанных гирляндами улиц к службе в церкви Айя-Софии, после чего провел несколько торжественных приемов в Большом Дворце, где старшим чиновникам вручались рождественские подарки, а вечером появился на большом пиршестве в трапезной Большого Дворца.

Однако орфанотропа, очевидно, уведомили о коротком припадке, постигшем императора, ибо обычное расположение в застолье было изменено. Отныне Михаил сидел один за отдельным столом из слоновой кости, на виду всех знатных гостей, но никто не мог подойти к нему близко.

- Говорят, что такие болезни вызываются демоном в голове, - заметил вечером в караульне Хафдан, когда мы снимали с себя парадные доспехи.

- Возможно, - ответил я. - Но иные считают это неким даром.

- Это кто?

- Лопари Пермии. Я прожил зиму в семье одного их мудреца, и тот порой вел себя точно так же, как император, но у него дрожала не одна только рука. Иногда он падал на землю и лежал без движения в течение почти часа. Когда же приходил в себя, то рассказывал нам, как его дух посещал иной мир. Такое может случиться с басилевсом.

- Коли так, то христиане не поверят, что он посещал какой-то там мир духов, - проворчал Хафдан. - Они не верят в подобное. Их святые являютя на землю и творят чудеса, но никто не странствует в обратном направлении и не возвращается.

Оказалось, что я не ошибся. Шли недели, и необычное поведение Михаила проявлялось явственнее, а припадки длились все дольше. Иногда он сидел, что-то бормоча себе под нос, или начинал ритмично жевать, хотя во рту у него ничего не было. В других случаях он вдруг начинал бродить по дворцу в помрачении рассудка, пока столь же внезапно не приходил в себя, и тогда вертел головой, озираясь и пытаясь понять, где он находится. Караульные гвардейцы сопровождали, сколько это было возможно, почти ничего не сознающего басилевса, пока кто-нибудь бегал за дворцовым лекарем. Коль случалось встретить кого-

либо, не знающего о нездоровье императора, на такой случай у гвардейцев был приказ встать вокруг басилевса и укрыть его от взглядов. Немногие врачи, посвященные в состояние Михаила, применяли опий и розовое масло, заставляли его пить мутную бурду из праха, собранного в их Святой Земле и растворенного в святой воде священного источника церкви в Пеге, стоящей сразу же за пределами городских стен. Но император не выздоровел. Скорее, стал еще более странным и непредсказуемым.

В то время как его недуг набирал силу, мои тревоги, напротив, словно бы стихли. Я рассудил, что после успеха порученных мне орфанотропом переговоров с Харальдом и его людьми Иоанн будет держать меня про запас как посредника во все время службы Харальда. Пелагея поддерживала во мне эту уверенность по вечерам, когда после смены я приходил потрапезничать в ее жилище – она всегда приносила свежие лакомства с рынка, где по-прежнему держала хлебный прилавок, – и мы сидели, толкуя, по видимости ради того, чтобы усовершенствовать мой греческий, но все больше потому, что ее общество стало для меня приятным отдохновением от полковой жизни, да еще потому, что я все больше ценил проницательность ее суждений о властных играх, наблюдаемых мною во дворце.

– Пока ты полезен орфанотропу, – говорила она, – тебе ничего не грозит. Нынче, когда у его брата нелады со здоровьем, ему хватает забот.

– Значит, сведения о состоянии императора просочились наружу?

– Само собой, – ответила она. – Мало что из происходящего во дворце не становится в конце концов сплетнями на рынке. Слишком много народу работает во дворце, чтобы тамошнее могло остаться тайным. Кстати, – добавила она, – твои бородатые друзья с севера, которых отправили вместе на кораблях в

Диррахий, неплохо справляются. Тот сыр, что я подала сегодня вечером к первому блюду, прибыл из Италии, а до недавнего времени достать его было почти невозможно. Итальянские сыровары не слишком охотно посылали к нам свои продукты – слишком много торговых судов попадало в руки арабских пиратов. А теперь сыр снова появился на рынке. Это хороший знак.

Я вспомнил этот наш разговор, когда получил следующий вызов к орфанотропу. На этот раз он оказался не один. Там присутствовали начальник флота, друнгарий, а также кентарх, по случайному совпадению тот самый, что прогнал нас с Харальдом с дромона. Оба они удивились и вознегодовали, что я вызван вместе с ними, но я постарался выказать все возможное уважение, снова устремив глаза на золотой нимб на иконе, и при этом очень внимательно слушал орфанотропа.

– Гвардеец, я получил странное письмо от судоводителя Аральтеса, ныне занятого охотой за пиратами. Он хочет, чтобы ты сопровождал следующий корабль с деньгами для нашей армии в Италии.

– Как прикажет ваше превосходительство, – бодро ответил я.

– Все обстоит не так просто, – сказал орфанотроп, – иначе я не вызвал бы тебя лично. Этот груз будет несколько иным, чем обычно. Аральтес – или Харальд, как, по твоим словам, называют его у вас – действовал весьма успешно. Его люди разрушили несколько пиратских стоянок и захватили или потопили несколько сарацинских кораблей, однако не все. Один из самых опасных разбойников по-прежнему на свободе. Аральтес докладывает, что стоянка корабля находится в Сицилии, и варягам на их моноциклонах туда не добраться. Друнгарий согласен с этим. Он также утверждает, что несколько его военных кораблей

пытались настичь этого разбойника, но не преуспели в этом.

- Судно оказалось слишком быстроходным, - стал оправдываться друнгарий. - Оно мощное, хорошо управляемое и смогло уйти от моих дромонов.

Орфанотроп не обратил внимания на это вмешательство в разговор.

- Очень важно, чтобы наша армия на юге Италии получила жалованье в ближайшие недели. Коль скоро этого не произойдет, воины падут духом. Им не платили полгода из-за того, что два последних корабля с жалованьем исчезли. Мы полагаем, что деньги были перехвачены все тем же пиратом. И он должен за это поплатиться. Либо этому разбойнику на редкость везет, либо, как считает Аральтес, пирату сообщают заранее, когда и куда направляется груз.

Я спокойно ждал, что скажет орфанотроп дальше. Пока что ни слова не было сказано о том, почему Харальд хочет, чтобы я сопровождал следующее судно с жалованьем.

- Судоводитель Аральтес предложил некую хитрость. Он предложил послать жалованье не обычным путем, то бишь сначала по суше, по имперскому большаку из столицы в Диррахий, а оттуда уже морем в Италию. Он же предлагает отправить деньги морем на быстроходном корабле из Константинополя, вокруг Греции и прямо в Италию.

- Это безумная затея, ваше превосходительство. Вполне достойная варвара, - возразил кентарх. - Как можно полагать, что торговое судно с тем же успехом не будет перехвачено пиратом? А ведь невооруженный корабль вовсе беспомощен. Он станет еще более легкой добычей.

- Это еще не все, - невозмутимо продолжил орфанотроп. - Аральтес, кроме того, предлагает послать подложное судно с жалованьем в то же время и

обычным путем, дабы отвлечь разбойника. Грузом послужат свинцовые слитки вместо золотых. Корабль пойдет с полным сопровождением, как будто везет настоящее жалованье, привезенное в Диррахий и погруженное на судно с усиленной охраной, каковую предоставит Аральтес. Судно-приманка отправится в Италию. И коль скоро лазутчики пирата донесут ему об этом и разбойник перехватит его, то на этот раз, он, возможно, погибнет. Тем временем настоящее жалованье беспрепятственно пройдет мимо.

- Если угодно вашему превосходительству, - вступил в разговор кентарх, - почему бы жалованье не доставить по морю, к примеру, на борту дромона? Ни один пират не осмелится напасть.

- Друнгарий утверждает, что это невозможно. У него нет свободных боевых кораблей, - ответил орфанотроп. - Все дромоны уже в деле.

Краешком глаза я наблюдал за друнгарием. Он посмотрел на своего кентарха и пожал плечами. Друнгарий, подумал я, настолько же придворный, насколько моряк. Он не хочет рисковать - а вдруг имперский флот потеряет еще один груз золота? - и не хочет противоречить орфанотропу.

- Итак, каково твое мнение?

По тону я понял, что орфанотроп обратил свой вопрос ко мне, но я все еще не осмеливался посмотреть ему прямо в лицо и не сводил глаз с иконы на стене у него за спиной.

- Я плохо разбираюсь в морских делах, ваше превосходительство, - сказал я, тщательно выбирая слова, - но я бы предложил в качестве предосторожности направить моноциклоны, чтобы они сопровождали судно с золотом через ту область, где вероятнее всего орудует пиратский корабль, по меньшей мере, на такое расстояние, какое они способны преодолеть.

- Странно, что ты заговорил об этом, - заметил орфанотроп. - Именно то же предлагает Аральтес. Он говорит, что может послать два моноциклона навстречу грузу к южной оконечности Греции. Вот почему он просит, чтобы ты был на борту судна со слитками. Чтобы не было недоразумений, когда греческий судоводитель встретится с варяжскими.

- Как угодно вашему превосходительству, - ответил я. Хитрый план Харальда явно был по душе орфанотропу.

- Аральтес просит еще об одном. Он просит прислать ему мастера и материалы для огня.

Стоявший рядом со мной кентарх чуть не подавился от удивления. Иоанн заметил это.

- Не волнуйся, - успокоил он кентарха. - Я вовсе не намерен вооружать огнем корабли варваров. В то же время я не хочу унижать Аральтеса. Он явно из тех, кто легко обижается. Он же просит не о сифоне для метания огня. Так что я пошлю ему мастера и материалы, но не сифон. Последнее было бы недопустимой ошибкой.

На подготовку ушло три недели. Сначала чиновникам логофета доместика - военного ведомства - пришлось выписать два набора приказов: один - обычный для подложного груза, а второй - секретный - для настоящего. После чего чиновники логофета дромоса, отвечающие за имперские дороги, произвели приготовления для сопровождающего конвоя, который пойдет из Константинополя в Диррахий. Держателям придорожных станций было приказано подготовить смену мулам, каковые повезут жалованье, равно как и лошадей для конного отряда. Эпарх дворцовой казны получил указания прямо от орфанотропа: он должен был отлить восемь сотен брусков свинца общим весом в тысячу золотых номизм - имперских монет, каковыми платят войскам. И последнее по порядку, но не по

значению – военный флот должен был найти подходящее торговое судно для отправки настоящего груза.

Отправившись в Золотой Рог, чтобы осмотреть выбранное судно, я должен был признать, что кентарх, коему это поручили, знает свое дело. Он выбрал корабль, известный здесь под названием доркон, или «газель». Для грузового судна двадцати шагов в длину корабль был необычайно легкий и быстр. Он был о двух мачтах, с треугольными парусами и довольно мелкой осадкой, что позволяло идти близко к берегу, и с дополнительными гребными скамьями на шестнадцать человек, так что мог двигаться и во время штиля, а также благополучно проложить себе дорогу в гавань и обратно. Его кормчий сразу вызвал у меня доверие. Низкорослый мускулистый грек по имени Феодор, родом с острова Лемнос, содержал судно в полном порядке. Дав мне для начала понять, что он здесь главный, а я отвечаю только за груз, он стал вежлив и дружелюбен. Ему сообщили только то, что он должен плыть в Италию прямой дорогой и ожидать встречи на море с вспомогательными судами имперского флота. Что это будет за груз, ему не сказали. А он и не спрашивал.

В следующий раз я увидел Феодора в тот вечер, когда мы покидали гавань. В соответствии с секретностью нашего задания мы отплыли, как только сундуки со слитками были погружены. Водные стражники ждали нас. Они охраняли огромную железную цепь, натягиваемую поперек входа в Золотой Рог в сумерках, чтобы воспрепятствовать незаконному провозу товаров или нападению врага, и открыли проход ровно настолько, чтобы доркон мог проскользнуть в него и поймать благоприятное течение, которое доставит нас к Пропонтиде, или Внутреннему морю. Глядя на черную громаду Константинополя, раскинувшегося на семи холмах, я припомнил тот день,

когда прибыл сюда. Тогда размеры и великолепие Миклагарда вызвали у меня восторг. Теперь же город обозначился точками огней в многоквартирных домах, где тысячи и тысячи обычных горожан еще не спали. Неподалеку над водой сиял негасимый луч Константинопольского маяка. Множество его светилен было заправлено оливковым маслом, и оно горело в больших стеклянных кувшинах, призванных защитить пламя от ветра.

Доркон шел даже лучше, чем я ожидал. Мы взяли курс прямо на Пропонтиду, а это само по себе было мерилом мастерства нашего кормчего. Греческие моряки обычно останавливаются на ночь и бросают якорь в постоянных прибежищах или заходят в какой-то местный порт, а посему они держатся вблизи берега и редко теряют землю из вида. Но Феодор направился прямо к проливу, ведущему в море, которое он именовал Великим. Не зашел он и в гавань Абидоса, где империя держит пост досмотра и где всякое торговое судно должно остановиться и заплатить пошлину. Караульная лодка, встревоженная сигналами с одного поста, сумела перехватить нас, но я показал грамоту с полномочиями, выданную мне старшим хартулярием орфанотропа, и нас пропустили. В грамоте говорилось, что мы идем по срочному государственному делу и не подлежим задержанию. Я отметил, что Иоанн поставил свою подпись пурпурными чернилами.

Скатав свиток со свинцовой печатью, я собрался было уложить его в свою сумку, как вдруг ветер выхватил из сумки сложенный лист пергамента и понес по палубе. Феодор ловко перехватил листок, прежде чем тот исчез за бортом, и возвращая его мне, глядел на меня вопросительно. Разумеется, он разглядел, что это карта. Я собирался показать ее позже, однако почему бы и не сейчас.

- Этой картой снабдил меня кормчий того корабля, что выйдет нам навстречу, - сказал я, разворачивая пергамент. - Он прислал ее с нарочным из Диррахия в ведомство дромоса в Константинополе для передачи мне. Здесь указано место, где мы должны встретиться с нашим сопровождением.

Грек глянул на очертания берега, нарисованные на пергаменте, и сразу же узнал берег.

- Как раз за мысом Тенар, - сказал он, потом пожал плечами. - Твоему кормчему ни к чему было утруждать себя. Я знаю это побережье так же хорошо, как родной порт. Ходил вдоль него столько раз, что и не упомню.

- Ну, лучше знать точно, - сказал я. - Здесь отмечено, где его корабли будут ждать нас.

И я поставил палец рядом с руной, начертанной на пергаменте. Вспомнив, что Халльдор говорил мне, что Харальд сведущ в древних знаниях, я понял, что это тайнопись.

- Что это за знак? - спросил Феодор.

- Первый знак из того, что можно назвать алфавитом, коим пользуется мой народ. Он называется «феху» и означает домашний скот или богатство.

- А вот это? - спросил капитан.

Вертикальная черта с одной косой перекладиной была начертана рядом с берегом немного дальше к северу.

- Это «наут», знак нужды или горя.

Грек, внимательно разглядывая карту, заметил:

- Для чего он здесь поставлен? На том берегу ничего нет, кроме голых утесов. Нет там места, где можно было бы пристать в случае бури. Глубокая вода прямо у суши, и негде высадиться. В мгновение ока разнесет на куски. Разумней обойти это место.

- Не знаю, зачем, - сказал я, ибо недоумевал не меньше, чем он.

С каждой милей, пройденной нашим судном, я обнаруживал различия между дорогой по Великому морю и плаванием в холодных северных водах. Синева моря здесь гуще, гребешки на волнах на темном фоне белее и ярче, а сами волны живее. Они строятся и перестраиваются, как в быстром танце, и никогда им, так кажется, не обрести весомости и величавости океанских валов. Тогда я сказал об этом Феодору, и его ответ был серьезен.

- Видел бы ты, каково здесь в бурю, - предостерег он. - Просто безумие. Крутые волны рушатся друг на друга, накатываясь с разных сторон, чтобы сбить с толку рулевого. И каждая столь велика, что способна утопить корабль. А что хуже всего - никаких тебе предзнаменований близящегося ненастья. Оно является при ясном небе и приводит море в ярость прежде, чем успеешь убрать парус.

- А у тебя случались кораблекрушения? - спросил я.

- Ни разу, - сказал он и осенил себя знаком креста. - Но не дай бог убаюкать себя спокойствием. Великое море повидало много кораблекрушений, начиная с Одиссея во времена наших первых мореходов и до самого святого Павла.

В это время доркон шел вблизи берега под высоким мысом, и грек указал на его вершину. Там, на высоте, виднелся двойной ряд близко стоящих белых колонн, увенчанных связью из белого камня. Сооружение сверкало яркой белизной.

- Видишь? Это храм старым богам. На каждом большом мысе ты найдешь либо такой храм, либо какой-нибудь могильный холм.

На мгновение мне показалось, что он говорит о моих исконных богах, но потом я понял, что он имеет в виду богов, которым поклонялся его народ прежде, до того как уверовал в Белого Христа.

- Их строили так, чтобы мореходы, проходящие мимо, могли их видеть, - продолжал кормчий. - Надо полагать, в те времена моряки молились на эти храмы, прося у своих языческих богов послать им благополучное плавание, или возносили благодарения за успешное завершение странствия. Вроде как я сегодня перед отплытием засветил свечку и вознес молитву святому Николаю Мирскому, покровителю мореходов.

- А кто были эти старые боги?

- Не знаю, - ответил он. - Но это было что-то вроде семьи во главе с богом-отцом, а другие боги отвечали за погоду, за урожай, за войну и все такое.

Очень похоже на моих богов, подумал я.

Наш корабль добрался до места куда скорее, чем можно было ожидать, и когда мы обогнули мыс Тенар, где нас должны были встретить два корабля Харальда, море было пусто. Отсутствие двух моноциклонов меня не удивило, но мне с трудом удалось убедить Феодора подождать еще несколько дней. Он прекрасно знал, что мы входим в воды, где хозяйничают пираты, но не меньше его тревожила близость этого опасного берега.

- Я же говорил тебе, - он указал на виднеющуюся вдали линию берега, - там нет ни единой гавани, и коль скоро поднимется ветер, жди беды.

В конце концов он согласился подождать три дня, и мы провели их, ходя в полветра то туда, то сюда и стоя по ночам со спущенными парусами. Каждое утро на мачту поднимали впередсмотрящего в деревянной люльке, и он сидел там, глядя на север, откуда мы ожидали прибытия кораблей Харальда.

На рассвете третьего дня, когда впередсмотрящего подняли наверх, он, оглядевшись, издал предупредительный крик. Какой-то корабль приближался с юго-запада. Феодор вскочил на поручни, уставился в ту сторону, потом спрыгнул на палубу и

бросился ко мне. Всякий намек на обычное для него дружелюбие исчез. Ярость и подозрение смешались на его лице.

- Значит, вот зачем ты настаивал, чтобы мы ждали? - кричал он, схватив меня за руку и притянув к себе. Из его рта невыносимо несло какой-то дрянной рыбной подливкой, излюбленной тамошними моряками. Мгновение мне казалось, что сейчас он меня ударит.

- О чем ты? - не понял я.

- Вон там! - крикнул он, кивая в сторону отдаленного паруса. - И не говори, что ты этого не ожидал. Мне давно следовало понять это. Ты предатель-дикарь. Ты врал, будто ждешь конвоя. Это сарацинский корабль, и он в два раза больше нашего, а ты - причина, почему он оказался здесь так вовремя.

- Как ты можешь быть уверен, что это арабское судно? Этого никто не может узнать на таком расстоянии, - защищался я.

- Ха, я могу! - проревел капитан, сильнее впиваясь пальцами в мою руку. - Смотри, как оно оснащено. Три треугольных паруса на трех мачтах. Это арабская галера из Сицилии или...

- Успокойся, - прервал я его. - Я понятия не имею, как этот корабль оказался именно здесь и именно сейчас. Но даже если ты мне не веришь, мы зря теряем время. Ставь все паруса, вели гребцам занять свои места и правь к северу. Я уверен, наши караульные корабли давно в пути, и мы встретимся с ними прежде, чем сарацины настигнут нас.

Грек с горечью рассмеялся.

- Бесполезно. Если я не ошибся, и этот корабль - сарацинский, далеко нам все равно не уйти. Ты знаешь, что значит галера? Это слово значит «рыба-меч», а коли ты видел рыбу-меч, как она бросается на жертву, ты бы знал, что они нас нагонят. Вероятно, к полудню, и

даться нам некуда. Нет даже гавани, где мы могли бы укрыться.

Его слова напомнили мне о карте, присланной Харальдом. Я порылся в сумке и вытащил пергамент.

- Послушай, а как насчет вот этого? - я указал на руну «наут». - Этот знак поставлен здесь не случайно. Это место, куда нам следует идти, если мы попадем в беду.

Капитан посмотрел на меня с неприязнью.

- Почему я должен тебе верить? - проворчал он.

- Можешь не верить, - ответил я. - Но коли ты прав, и этот арабский корабль такой ходкий и опасный, как ты говоришь, выбора у тебя нет.

Он немного подумал над этим, потом сердито повернулся и отдал приказ ставить все паруса, а потом взяться за весла.

Став у кормила, он направил доркон под углом к дальнему берегу. На меня он вообще не смотрел, но, сжав зубы, сосредоточился на том, чтобы выжать из своего корабля все, что можно.

Даже самый невежественный моряк увидел бы, что наш корабль - не пара арабской галее. Для торгового судна наш корабль весьма быстроходен и легок, но сарацин был построен исключительно для морской погони. Он нес гораздо больше парусов и очень умело управлялся. Хуже того, ему помогал южный ветер, и он начал нагонять нас слишком уж резво, его нос резал море и взбивал завитки белой пены, так что было неизвестно, успеем ли мы хотя бы дойти до берега. Мне уже доводилось в море уходить от погони, тогда нас преследовали длинные корабли, и мы получили временную передышку, перевалив через песчаную отмель и уйдя в воды, слишком мелкие для наших врагов. Но теперь у нас не было и такого выхода. Берег приблизился, и я убедился, что он совершенно

неприступен, – перед нами высилась крепостная стена утесов.

Арабский корабль был, без сомнения, пиратом. Когда он подошел к нам ближе, стало видно, что на борту у него по меньшей мере восемь десятков человек, гораздо больше, чем требуется для захвата любого торгового судна, и по тому, как они выполняли свои обязанности, то были опасные мастера своего дела. Они безупречно установили три огромных паруса, потом выстроились на наветренном борту, чтобы уравновесить судно, и ждали там. Они не кричали и не подбадривали друг друга, но спокойно и хладнокровно в полном молчании ожидали, будучи уверены в результате погони. На носу корабля я заметил лучников, сидящих со своим оружием и тоже ждущих, когда мы окажемся на досягаемом расстоянии.

Феодор понимал, что наше положение безнадежно, но все же, забыв о страхе, принял вызов. Всякий раз, обернувшись и увидев, насколько сократилось расстояние между кораблями, он не менялся в лице, но просто поднимал взгляд, чтобы проверить, стоят ли паруса наилучшим образом, потом снова поворачивался лицом к приближающимся утесам. После трех часов погони мы находились не более чем в миле от берега, и я убедился, что Феодор прав. В обе стороны миля за милей тянулась голая стена скал желтовато-коричневого цвета, выжженных солнцем и совершенно пустынных. Темное море вздымалось и опадало у их подножья. Либо галера преследователей настигнет нас и возьмет на сцепку, либо мы просто разобьемся о скалы. В пятидесяти шагах от скал наш кормчий повернул руль, и судно побежало вдоль опасного места, так близко, что можно было слышать крики морских птиц, гнездящихся на высоких уступах. Здесь ветер, отражаясь от скальных обрывов, стал переменчивым, паруса заполоскали, и мы потеряли скорость.

– Весла на воду! – рявкнул Феодор.

Моряки гребли изо всех сил, но совладать с такой беспокойной водой было почти невозможно, да и гребцы они оказались не ахти какие. К тому же все были ошеломлены и напуганы, но, нужно отдать им должное, они были почти столь же молчаливы, как и пираты-преследователи. Только время от времени слышались всхлипы от усилий или отчаянья, когда люди налегали на вальки весел.

Разумеется, я тоже сидел на гребной скамье. Мне доводилось грести на длинном корабле, я умел обращаться с веслами, но все старания наши были тщетны. Единственная была надежда – а вдруг оттуда, с севера, появятся две ладьи Харальда. Но всякий раз, когда я оглядывался через плечо, море оказывалось пустым. С одного борта, теперь почти вровень с нами, подвигалась арабская галера. Пират приспустил паруса, чтобы не обогнать свою жертву. Половина его гребцов, примерно сорок человек, гребли, сохраняя расстояние. Ясное дело, кормчий не хотел слишком близко подходить к утесам, чтобы не повредить судно. Я подумал, что он будет тянуть время, пока мы не выйдем на более открытое место, а потом приблизится и возьмет нас.

Мы подходили к низкому мысу, выступу в стене скал, не позволявшему видеть берег за ним.

– Внимание, ребята! – крикнул капитан. – Я посажу корабль на мель, коль увижу подходящее место. Тогда уж спасайтесь, всяк кто как может. Бросайте весла, прыгайте за борт и бегите. А пока подналягте, гребите что есть сил и ждите моего приказа.

Доркон уже шел, кренясь, мимо мыса, так близко, что я мог бы добросить камешек до скал. Пиратская галера тоже подошла ближе. Просвистели одна-две стрелы. Лучники стреляли наудачу – а вдруг удастся

подранить кого-нибудь из наших гребцов. Не многих, разумеется, ибо покалеченные рабы стоят дешевле.

Стал виден берег за мысом. Справа - широкий мелкий залив, окруженный все теми же утесами и скалами. Места для высадки не было. Феодор резко мотнул головой в мою сторону, и я, бросив весло, подошел к нему, стоявшему у кормила. Вид у него был почти что спокойный, он смирился с судьбой.

- Вот место, помеченное на твоей карте, здесь нам следует быть в случае нужды. Но я ничего не вижу.

Я окинул взглядом пространство залива. Впереди, примерно в полумиле, я заметил узкий проход в скалах, а дальше - опять стена.

- Вон там, - указал я. - Может быть, там мы найдем, где высадиться. И может быть, этот проход слишком узок, чтобы арабское судно могло пройти за нами. Если сможем ускользнуть туда, будем надеяться, у нас будет несколько минут, чтобы бросить корабль и бежать.

- Попытаться стоит, - проворчал капитан и повернул кормило.

Мы подошли ближе, держа на расщелину. Но вблизи стало ясно, что я все-таки ошибся. Проход был шире, чем я надеялся, а значит, наш доркон может пройти в него, но пиратское судно тоже может это сделать, коль у кормчего хватит смелости. Наверное, кормчий арабов подумал о том же, ибо не стал беспокоить нас, когда мы приблизились к тому месту, где два низких рифа выступали из воды, оставляя узкий проход. Наши преследователи были столь уверены в себе, что перестали грести: равномерные взмахи весел прекратились. Они ждали и смотрели.

Полоща парусами, наш доркон скользнул в проход. Мы вошли, и я понял, что мы обречены. Мы оказались в природной гавани, маленькой бухточке, почти полностью окруженной желтыми голыми скалами, поднимающимися уступами ввысь. В них был замкнут

круглый водоем, шагов сорок в поперечнике. Здесь вода была бледно-голубой и такой прозрачной, что видно было песчаное дно в десяти футах под килем. С отчаяньем я понял, что этой глубины хватит и для арабской галеи. И ни единого дуновения ветерка. Окружающие бухточку утесы кое-где нависали над водой так, что камни с этих выступов могли обрушиться прямо на нашу палубу. Мы нашли убежище, отмеченное на карте и, окажись мы здесь хотя бы на день раньше, могли бы укрыться и спокойно ждать Харальда. Я ошибся.

– Мы в ловушке, – спокойно сказал Феодор.

Вдали послышался крик. Должно быть, предводитель арабов у входа в пролив приказал своим людям убрать парус, готовясь провести их более крупный корабль на веслах. Потом послышался скрип канатов в деревянных блоках и стало ясно, что арабы опускают еще и реи. Они не спешили, зная, что мы в полной их власти.

– Спасайся всяк как может! – крикнул Феодор. Команду не нужно было торопить. Люди стали прыгать в воду – чтобы доплыть до берега, требовалось сделать всего лишь несколько взмахов. В глубине бухточки виднелся уступ, на который можно было взобраться. Оттуда еле видимая козья тропа вилась вверх по камням. Если не станем медлить, нам, быть может, удастся убежать прежде, чем до нас доберутся охотники за рабами.

– Мне очень жаль... – начал было я, но Феодор оборвал меня:

– Поздно жалеть. Уходи.

Я прыгнул за борт, он последовал за мною мгновение спустя. Мы покинули корабль последними, оставив его тихо покачиваться на спокойной воде.

Я выбрался на каменный выступ, подал руку Феодору и втянул его на берег. Он двинулся по цепочке

мокрых следов там, где наши люди карабкались по козьей тропинке. Сверху доносился шум падающих камней – люди спешили.

Обернувшись, я увидел арабское судно, осторожно пробирающееся в проходе между скалами. Оно шло почти впритирку, грести было невозможно, и несколько пиратов, стоя на палубе, длинными шестами проталкивали корабль в бухту.

Я повернулся и полез наверх, спасая свою жизнь. Перед тем как прыгнуть в воду, я скинул башмаки, а теперь обдирал босые ступни об острые камни. Я оскальзывался и хватался за что только мог, смотрел вверх, пытаюсь различить тропу. Земля и мелкие камешки, сбитые греком, сыпались на меня. Я был меньше чем на середине дороги, когда догнал его. Места, чтобы обогнать, не было, так что я остановился, задыхаясь от напряжения, и кровь стучала у меня в ушах. Я оглянулся на бухточку.

Арабская галера уже стояла борт о борт с нашим брошенным кораблем, и с дюжину грабителей уже перебрались на палубу доркона. Они поднимали крышку люка, скоро доберутся и до ящиков со слитками. Крики, донесшиеся снизу, сказали мне, что предводитель арабов – я легко отличил его по тюрбану из ткани в красную и белую полоску – приказал нескольким своим людям последовать за нами и поймать нас.

Вдруг какая-то точка пролетела на фоне утеса на дальнем конце бухты. Я было подумал, что это обман зрения, пылинка в глазу или одна из тех черных точек, что порой проплывают перед глазами, когда человеку не хватает воздуха. Но за ней последовали еще две, и я увидел всплески там, где они упали в воду. Что-то падало с выступа скалы. Я взгляделся туда и заметил какое-то движение в низких кустах. То была рука, метнувшая что-то. Снаряд пролетел по воздуху,

описывая долгую дугу и набирая скорость, пока не угодил на палубу галеи. От прикосновения с палубой он взорвался. Я с изумлением наблюдал за этим. Пролетело еще несколько снарядов. Тот, кто бросал их, уже приноровился. Один-два первых снаряда упали в воду, но остальные четыре или пять угодили на пиратское судно.

Снизу слышались тревожные крики. Те, кто перебрался на доркон, начали карабкаться обратно на свой корабль, а предводитель бросился на корму. Он кричал на своих и подгонял их, размахивая руками. Один из арабов подобрал с палубы снаряд, который не взорвался, и бросил его за борт. Я разглядел, что это глиняный горшок размером с человеческую голову. Сарацины сохраняли порядок, хотя их и застали совершенно врасплох. Те, что плыли к берегу, повернули вспять, к своему кораблю. Другие рубили канаты, которыми привязали галею к захваченному доркону, и принялись отталкиваться от него. Остальные заняли свои места на скамьях и вставили весла в уключины, однако бухта была слишком мала, чтобы галея в ней могла развернуться. Предводитель арабов прокричал что-то, и гребцы ударили веслами. Они табанили, пытаясь выйти из узкого прохода задним ходом.

Тем временем глиняные горшки продолжали сыпаться на них. От нескольких, ударившихся о палубу, вспыхнул огонь. Он пошел по полотняным парусам, аккуратно свернутым на реях. Эти полотнища стали огромными фитилями, и я видел, как языки пламени бегут по реям, потом охватывают просмоленные снасти и взбираются по мачтам. Упало еще несколько огненных горшков. Они разбились, и, разливаясь по палубе, из них потекла темная жидкость. Иногда жидкость сама собой вспыхивала. Иногда она растекалась, пока не соприкасалась с уже разгоревшимся пламенем, а

вспыхивала уже потом. За несколько мгновений палуба галеи уже вся была охвачена огнем – лужи огня расширялись, сливались и разгорались еще ярче.

Сарацин охватила паника. Завитки горячей жидкости бежали под скамьи. Один гребец вскочил и в отчаянии сбивал огонь со своей одежды. Его товарищи на скамьях бросили свое занятие и попытались помочь ему погасить пламя. Им это не удалось, и я видел, как гребец бросился за борт, в воду.

И тут я увидел нечто такое, в возможность чего никогда бы не поверил. Горящая жидкость из огненных горшков текла по водоотливам, стекала по обшивке и расплывалась по поверхности воды, продолжая гореть. Она горит даже в воде! И тут до меня дошло, что я своими глазами вижу, как действует то ужасное оружие, каким был погублен флот русов, когда они напали на Царьград два поколения назад. Это и есть греческий огонь.

Когда огонь разгорается, его нельзя остановить или потушить или направить в другое русло. Пылающая жидкость разлилась по палубе галеи, затекла в трюм, побежала по гребным скамьям и окутала судно чадящими языками огня. Расширяющееся пламя лизало бока брошенного доркона, и вскоре наш корабль тоже запылал. Дым от двух горящих кораблей поднимался вверх. Столбы огня крутились и ревели. Огненная лужа расширялась и двигалась, захватывая несчастных арабов. Одни закутывали лица тюрбанами, чтобы защититься, и тщетно пытались сбить пламя. Большая часть прыгала в огненную воду. Я видел, как они пытались поднырнуть под плывущую шкуру огня. Но когда выныривали, чтобы глотнуть воздуха, то втягивали огонь в легкие и снова уходили под воду, чтобы больше никогда не всплыть. Горстке все-таки удалось выбраться на чистую воду, вынырнув за пределами огня, и они пустились в проход между

скалами. Но и этот путь к спасению оказался закрыт. Теперь напавшие на них уже не скрывались.

Вдоль скал по камням продвигались вооруженные воины. Крупные, с тяжелыми бородами, в штанах, повязанных снизу крест-накрест, в кожаных безрукавках – я узнал их сразу: это люди Харальда из Норвегии. С длинными копьями в руках они встали там, где их оружие могло достать плывущих. Мне вспомнилось, как рыбаки в северных краях ждут на речном берегу или на галечной отмели или у рыбной запруды, готовясь нанизать на копье идущего на нерест лосося. Только здесь они нанизывали людей. Ни одному из плывущих не удалось уйти через проход.

Пятеро же пиратов сумели добраться до каменистого мыса подо мной и выбраться на сушу. И тут меня оттолкнул в сторону какой-то норвежец, он вел десятерых своих товарищей вниз по козьей тропе к выступу. На этот раз врагов не убили, потому что арабы пали на колени, умоляя о пощаде.

– Эй, Торгильс, лезь-ка сюда, наверх!

То был веселый зычный голос Халльдора. Я увидел его на дальней губе утеса, он махал мне рукой. Я отвернулся от бойни. Зрелище умирающих людей оставило неизгладимый след в моей душе. За несколько недель до того в Константинополе я видел какого-то изувера Белого Христа, на рыночной площади он обращался к толпе со страстной речью. Мне он показался полубезумным, ибо грозил своим слушателям ужасными карами, коль скоро они не раскаются в своих грехах. Они попадут в бездну, кричал он, их ждет страх и ужас, они будут гореть в муках. Эта картина была очень схожа с той, что я видел только что.

– Вы использовали нас как наживку! – упрекнул я Халльдора, поднявшись на вершину утеса и обнаружив человек сорок норвежцев, очень довольных собой. Неподалеку был устроен лагерь, скрытый в складках

земли, горстка палаток, где они обосновались в ожидании, когда можно будет защелкнуть капкан.

- Да уж, наживка была что надо, - ответил Халльдор, торжествуя ухмыльнувшись и блеснув белыми зубами сквозь бороду.

- Могли бы по крайней мере предупредить меня, - сказал я, все еще недовольный.

- Так оно было задумано. Харальд решил, что ты поймешь значение рунических знаков на карте и, поняв, будешь столь доволен собой, что не станешь думать ни о чем другом, лишь бы выполнить поручение. А это пойдет только на пользу делу.

От его ответа мне стало еще тошнее. Меня, как и арабских пиратов, одурачили.

- А что, если бы наш корабль пришел сюда раньше, либо арабские пираты появились позже? Ваш прекрасный замысел рухнул бы.

Халльдор ничуть не каялся.

- Опоздал бы араб, тогда бы слитки благополучно дошли бы до места. А появившись вы раньше и укройтесь в этой бухте, он начал бы вас искать. Разумеется, мы бы в этом ему помогли, привлекли бы его внимание дымом от нашего костра или каким-нибудь иным способом.

Я оглядел отряд норвежцев. Их было слишком мало, чтобы напасть и потопить самое мощное сарацинское судно в этих краях.

- Неужели ты не понимаешь, как здорово это придумано? - продолжал Халльдор, будучи не в состоянии скрыть свою радость. - И пираты, и этот начальник-евнух в Константинополе решили, что здесь задуман двойной обман. Начальник думал, что мы приманим пиратов поддельным грузом, а настоящие слитки благополучно дойдут. Пираты возомнили, что разгадали этот замысел и что они без труда захватят вас. Но Харальд играл в тройную игру. Он решил

использовать настоящий груз как настоящую приманку, и смотри, как хорошо все вышло.

- А если бы галера догнала нас в море и захватила бы и нас, и золото?

Халльдор пожал плечами, отмахиваясь от моего вопроса.

- На этот риск Харальд готов был пойти. Я же говорил, ему везет в бою.

Я огляделся.

- А где же сам Харальд?

- Он доверил засаду мне, - ответил Халльдор. - Мы наткнулись на эту бухту, когда искали стоянки пиратов на побережье. Харальд тут же понял, что здесь можно устроить отличную засаду. Но он считает, что имперское чиновничество настолько пропитано соглядатаями и предателями, что нужно принять все предосторожности. Он послал лишь половину своих людей сюда, чтобы их отсутствие не было замечено в Диррахии, а сам со своими кораблями остался там. Они придут через день-другой, и Харальд с ними.

Наверное, вид у меня все еще был недовольный, потому что Халльдор добавил:

- Есть еще одна выгода. Хитрость Харальда обнаружила источник, из которого пираты получали сведения. Он должен находиться в ведомстве дромоса. Кто-то, кто ведает исполнением указа о доставке золота, сообщает сарацинам время и место нападения. Харальд подозревал это, так что, посылая карту с рунами, подстроил еще одну западню.

Я вспомнил чиновников дромоса, сопровождавших меня во время моего первого посещения лагеря Харальда в Мамасе. Даже тогда я подумал, не научился ли кто-то из толмачей дромоса норвежскому языку.

- Ты хочешь сказать, что соглядатай должен уметь прочесть рунические знаки, коль скоро он смог понять значение карты, - подытожил я. - А стало быть,

нетрудно отыскать того, кто обладает этим знанием. Халльдор кивнул.

- Скажи об этом своему кастрату, когда вернешься в Константинополь.

Сам Харальд прибыл на сторожевой ладье к тому времени, когда Халльдор и его люди начали спасать грузы с двух сгоревших судов. Глубина в бухте была столь невелика, что обнаружить сундуки со слитками с доркона не составило труда. Их содержимое осталось невредимо. Потом ныряльщики Харальда занялись поисками того, что затонуло вместе с галеей. Ко всеобщему восторгу, оказалось, что судно было нагружено добычей, ранее захваченной пиратами. Огонь повредил множество ценных вещей, а морская вода разрушила многое из того, что избежало огня, но все равно там осталось немало такого, что стоило взять. Наиболее ценной оказалась церковная утварь, награбленная по христианским городам, - серебряные блюда и миски, а также алтарные покровы. Ткани превратились в почерневшие тряпки, но жемчужины и полудрагоценные камни шитья уцелели. И были добавлены к растущей груде драгоценностей.

- Одна шестая отойдет государственной казне как доля императора, остальное - нам. Таково правило, - обрадовался Халльдор, когда очередная куча добычи, с которой стекала вода, была поднята на поверхность.

Харальд, как я заметил, очень внимательно следил за всеми находками. Он доверился своим людям, когда те без его пригляда устроили западню, но когда дошло до раздела добычи, постарался, чтобы каждый предмет был в точности учтен. Он стоял у сколоченного наспех стола, на который для рассмотрения выкладывался каждый найденный предмет, и наблюдал за подсчетом его стоимости. Когда принесли кучу серебряных арабских динаров, причем монеты от жара сплавившись в

ком, он трижды приказывал взвесить их, прежде чем удовлетворился.

Глядя на него, я не мог не размышлять о том, что творится в глубине его души. Я видел, как он лежал, распростершись, на мраморном полу перед базиликом, считавшим себя представителем Белого Христа на земле, и я опасался, что удачный исход его предприятия окажется шагом на пути, ведущем Харальда к принятию христианской веры. Ему нетрудно будет соблазниться богатством и роскошью. Стоя с этими людьми – Харальдом, Халльдором и несколькими его советниками, – я видел, как ценнейшие из всех вещей с галеи ложились на стол. Христианский крест – без сомнения, украденный из какого-то богатого монастыря или церкви: каждая ветвь креста по меньшей мере в три пяди длиной, толщиной же с мужской палец, покрыта литыми узорами. Еще будучи послушником в ирландском монастыре, я понял: чтобы сотворить такую вещь, необходимо быть человеком, преданным вере. Этот великолепный крест лежал на голом столе, поблескивая тусклым сиянием, присущим только золоту.

Халльдор с восхищением провел пальцами по этому предмету искусства.

– Сколько это стоит? – подумал он вслух.

– Взвесь его – и мы узнаем, – последовал резкий ответ Харальда. – За каждый фунт золота дают семьдесят две номизмы.

Если Харальд по природе своей склонен идти за каким-либо богом, подумал я, то это не Белый Христос, а богиня Гульвейг. Брошенная в огонь на погибель, Гульвейг, чье имя означает «сила золота», всегда является в еще большем блеске, чем прежде, она – истинное воплощение трижды переплавленного золота. Но она же – коварная и злобная ведьма-богиня, и внезапно меня кольнуло дурное предчувствие:

присущая Харальду жажда золота приведет его к гибели.

Глава 4

- Ваше превосходительство, Харальд обезвредил пиратов и теперь собирается вернуться в Константинополь, - доложил я орфанотропу Иоанну, вернувшись в столицу. - Он доставил золото в Диррахий, там купит греку Феодору вместо потерянного другой корабль, и на том корабле жалование для армии продолжит путь в Италию. Вполне возможно, в данный момент они его уже получили.

- Этот Аральтес действует, не дожидаясь приказа, - заметил орфанотроп.

- Такова его природа, ваше превосходительство.

Орфанотроп некоторое время молчал.

- Среди чиновников процветает мздоимство, - проговорил он, - и сведения о том, что у пиратов в ведомстве дромоса есть свой человек, весьма полезны, но не слишком неожиданны.

Эти слова прозвучали так, что я задумался, не собирается ли министр использовать этого обнаруженного предателя в своих целях. Иоанн равно мог покарать этого человека или под угрозой кары заставить работать на себя. Я даже испытал некое сочувствие к этой его жертве, чье положение мало чем отличалось от моего собственного.

- Доверяет ли тебе Аральтес? - резко спросил евнух.

- Не знаю, ваше превосходительство. Он не из тех, кто легко дарит доверие.

- В таком случае, я желаю, чтобы ты завоевал это его доверие. Когда он вернется сюда, ты будешь помогать ему всем, чем считаешь нужным, чтобы завоевать его доверие.

Когда я вечером рассказал Пелагее о своем новом назначении, она исполнилась дурных предчувствий.

- Торгильс, похоже, тебе никогда не выпутаться из государственных дел, сколько ни пытайся. Судя по твоим рассказам о Харальде, это человек замечательный, но и опасный тоже. В любом столкновении интересов между ним и орфанотропом ты окажешься посередине. Незавидное положение. На твоём месте я бы попросила помощи у своего бога.

Её замечание заставило меня спросить у неё, знает ли она что-нибудь о старых богах, которым поклонялись греки до того, как стали последователями Белого Христа.

- Феодор, кормчий-грек, с которым я плавал, - сказал я, - указал мне на разрушенный храм на одном мысе. Он сказал, что старые боги были как семья. Вот я и думаю - может быть, это те же боги, кому мы поклоняемся в северных странах.

Пелагия пожала плечами.

- Я не сумею тебе ответить на этот вопрос. Я не набожна. Да как мне быть набожной, коль мне дали имя в честь раскаявшейся блудницы? - Сообразив, что эти слова требуют пояснения, она продолжала насмешливо: - Святая Пелагея была уличной шлюхой, а потом уверовала и стала монахиней. Она одевалась, как одеваются евнухи, и жила в пещере на Масличной горе в Святой земле. Да она и не единственная блудница, исполнившая свой христианский долг. Мать Константина, основавшая этот город, до того держала постоялый двор, где продавала желающим не одно только дешёвое вино и черствый хлеб. Но, заметь, именно она нашла Истинный крест и могилу Христа в Святой Земле.

Убедившись, что мне искренне хочется узнать побольше о старых верованиях, Пелагея смягчилась.

- Есть тут у нас на Мессе здание, называемое Базиликой, рядом с Мильоном. Оно битком набито всякими старыми, никому не нужными статуями. Иные

хранятся веками, и, может статься, там ты найдешь каких-нибудь старых идолов. Вот только не уверена, сможет ли кто-нибудь назвать их тебе.

На другой день я без труда отыскал эту Базилику и дал старику-сторожу несколько монет, чтобы он позволил мне поглядеть. Разумеется, меня интересовало, кто были эти старые боги и почему их сменили. Я надеялся узнать что-то такое, что помогло бы спасти моих богов Севера от подобной участи.

В Базилике было темно и мрачно. Чердака залов была наполнена запыленными статуями, расставленными без всякого порядка – иные повреждены, иные лежат на полу или небрежно прислонены друг к другу работниками, принесшими их сюда. Солнечный свет попадал только на главный дворик, где хранились самые крупные. Все было свалено так, что протиснуться между ними было трудно. Бюсты бывших императоров, части триумфальных колонн и всевозможные мраморные обломки, головы без тел, лица с отбитыми носами, всадники без лошадей, воины без щитов или со сломанными мечами и копьями. То и дело я наталкивался на мраморные доски с надписями – разных размеров и толщины, они когда-то красовались на пьедесталах, именуя статуи, стоявшие на них. Я читал имена давно умерших императоров, забытых победителей, неведомых побед. Где-то в этой куче скульптур, думал я, лежат изваяния тех, о ком говорят эти надписи. Совокупить же их снова было делом невозможным.

Я стоял перед мраморной плитой, пытаюсь разобрать стертые буквы, когда за моей спиной раздался голос с присвистом:

– Какого размера ты ищешь?

Я повернулся и увидел какого-то старика. Шаркая ногами, он явился из-за нагромождения фигур. На нем

был безобразный шерстяной плащ с замахрившимся подолом.

- Лучшие плиты уходят очень быстро, но можно найти большие с трещинами. Отрежь поврежденные куски и пускай их в дело.

Я понял, что старик ошибочно принял меня за человека, ищущего кусок мрамора. Пелагея говорила, что в городе предпочитают использовать мрамор отсюда, с этой свалки.

- А я и не знал, что здесь хранится столько брошенных статуй, - сказал я.

Старик чихнул; пыль забивала ему нос и глаза.

- Городским властям не хватает места, - пояснил он. - Всякий благотворитель, изваяв новый памятник, желает поместить его в центре города, чтобы его видело побольше народу. Но центр уже переполнен. Ничего удивительного - вот уже семь сотен лет, как мы начали ставить памятники. Вот и сносят что-нибудь и, чтобы поменьше тратиться, используют старые цоколи. Теперь уже мало кто может припомнить, кому или чему посвящена прежняя статуя. И это не говоря о статуях и монументах, которые сносят, когда нужно построить новый жилой дом, или которые падают из-за небрежения или во время землетрясений. Городской совет не желает раскошелиться на то, чтобы поднять их и вернуть на место.

- Я хотел бы взглянуть на старейшие статуи, - небрежно сказал я, не желая быть заподозренным в том, что я язычник. - Может быть, найду кого-то из древних богов.

- Ты не первый такой, - сказал старик, - хотя вряд ли тебе повезет. Трудновато превратить античного бога в нового человека. - Он хихикнул, по-прежнему полагая, что я - ваятель, ищущий дешевого и легчайшего способа выполнить заказ, переделав старую статую.

- Ты не мог бы сказать, где тут стоит поискать?

Старик пожал плечами.

– В этом я тебе не помощник, – коротко ответил он. – Ищи, где хочешь.

И окончательно утратив интерес к разговору, он отвернулся, а я про себя заметил, что когда отвергают старых богов, те уходят в забвение.

Несколько часов я бродил по Базилике. Нигде не нашел я статуи, походившей бы на кого-то из моих богов, хотя и нашел кого-то, кто явно был морским богом, ибо имел рыбий хвост и в руке держал раковину. Но то не был Ньерд, мой бог моря, посему я решил, что он принадлежит к другой вере. В каком-то углу обнаружилась мускулистая фигура, щеголяющая лохматой бородой, и я решил, что наткнулся на Тора. Но взглядевшись повнимательней, я понял, что ошибся. Неведомый бог держал в руке дубинку, а не молот. Ни один истинный верующий не преминул бы изобразить Мьелльнир или железные рукавицы Тора и дающий силу пояс. Другая статуя, вызвавшая у меня надежды, изображала корчащегося человека, прикованного к скале. Он явно испытывал мучения, и я решил, что это, может быть, злохитрый Локи, коего боги покарали, привязав его к скале, как веревками, кишками его же сына. Но не увидел ничего похожего на змею, яд которой капал бы на лицо Локи, когда бы его верная жена Сигюн не собирала ее в чашу, не было и самой Сигюн. Это изваяние осталось загадкой, но больше всего я огорчился, не найдя здесь даже намек на бога, коего ожидал увидеть, – Одина. И среди всех надписей не нашлось ни единой руны.

Я дошел до самого конца последнего склада, когда, наконец, наткнулся на изображение, каковое мог с точностью определить. То была резьба на плите, имеющей отверстия для крепления, – когда-то она была выставлена на всеобщее обозрение, – а изображены на ней были три норны, три женщины, прядущие судьбы

всех живущих. Одна из них прядет нить, другая отмеряет, а у третьей в руках – ножницы. Пока я разглядывал эту плиту, мне пришло в голову, что она, пожалуй, содержит поучение, каковое мне следует помнить. Даже сами боги не в силах изменить судьбу, спряденную норнами, а уж мне и подавно не по силам изменить предрешенную участь исконной веры. Лучше попытаться понять, что идет ей на смену.

Возможно, эту мысль в меня вложил сам Один, ибо очень скоро он устроил так, что это мое желание исполнилось. Вернувшись в казармы гвардии, я обнаружил там послание из секретариата Иоанна. В нем сообщалось, что я прикреплен к отряду Аральтеса и должен служить толмачом между ним и архитектором Тирдатом на время предприятия, имеющего великую важность. Я показал это послание Пелагее и спросил, знает ли она, кто он, этот Тирдат, чем он занимается или куда едет. Она же пришла в недоумение.

– Все в городе знают имя Тирдата, – сказала она, – но это не может быть тот человек. Тот был архитектором и восстанавливал храм Айя-Софии, Святой Мудрости, поврежденный землетрясением. Но это случилось во времена моего деда. Тот Тирдат сейчас, должно быть, давно уже в могиле. Он был армянин и непревзойденный зодчий. Все в один голос говорят, что ни у кого больше не хватило бы таланта произвести столь искусный ремонт. Может быть, этот Тирдат его внук или внучатый племянник. Ведь должность архитектора потомственная.

– А что за таинственное предприятие огромной важности, о котором пишет орфанотроп? Нет ли в рыночных слухах ключа к разгадке этой тайны?

– Ясное дело, это как-то связано с басилевсом, – ответила она. – Его болезнь – хотя ты по-прежнему не хочешь считать ее болезнью – не проходит. На самом деле ему стало даже хуже. Теперь приступы случаются

чуть ли не каждый день. Врачи не смогли излечить его, и Михаил обратился к священникам. Он становится все более и более набожным, говорят, прямо до безумия. Он полагает, что может обрести излечение, молясь Богу и творя богоугодные дела.

- До возвращения Харальда в Константинополь мне нужно еще кое-что выяснить у тебя, - продолжил я. - Об этом я не докладывал орфанотропу, но Харальд просил меня найти наилучший способ обратить его долю добычи с пиратского корабля в наличные или в золотые слитки. И ему хотелось бы сделать это тайно, чтобы власти ничего не проведали.

Пелагея тонко улыбнулась.

- Твой Харальд уже приобретает привычки этого города. Но, я еще раз тебе повторяю, тебе следует быть осторожным. Коль орфанотроп прознает, что ты, не известив его, помогаешь Харальду обратить добычу в наличные на черном рынке, тебе не поздоровится.

- А я скажу ему, что выполняю его же волю - завоевываю доверие Харальда. Разве не лучший способ для достижения этой цели - стать посредником в его денежных делах?

- Какую добычу может предложить Харальд? - напрямик спросила Пелагея, и я напомнил себе, что она женщина деловая.

- В основном серебряные и золотые вещи. Тарелки, кубки, кувшины и все такое, монеты из разных стран, кое-какие ювелирные изделия, немного жемчуга. Этот пират совершал береговые набеги и захватывал торговые суда, прежде чем попался. На его галее чего только не было. Наши ныряльщики достали со сгоревшего корабля маленький глиняный кувшин, завернутый в солому и тщательно уложенный в клеть - поэтому он и не разбился. Увидев его, Феодор, грек, вдруг разволновался. Он прочел клеймо и сказал, что

это краска, которую везли на имперскую шелковую прядильню.

- Еще бы тут не разволноваться, коль видишь кувшин с пурпурной краской! - воскликнула Пелагея. - Эту краску получают из морских раковин, а чтобы выкрасить одно-единственное императорское одеяние, нужна вытяжка из двенадцати тысяч раковин. На вес-то эта краска гораздо ценнее чистого золота.

- Где может Харальд продать такие вещи, не привлекая к себе внимания?

Пелагея задумалась, а потом сказала:

- Ему придется иметь дело с человеком по имени Симеон. Числится он аргиропратом, торговцем серебром. Но занимается и золотом и драгоценными камнями. На самом же деле есть и еще кое-что, чем он занимается, - он дает деньги в рост. Считается, что он этим брезгует, но восемь процентов - перед таким соблазном он не смог устоять. Цеху ростовщиков наверняка об этом известно, но они ему не мешают, полагая для себя небесполезным иметь под рукой человека, время от времени совершающего сделки для них, не заноса в книги. Однако лучше будет для начала мне самой переговорить с Симеоном. На Мильоне у него меняльная лавка, недалеко от хлебного рынка, и в лицо мы друг друга знаем. Коль мне удастся свести Симеона и Аральтеса, за такое знакомство я спрошу, ну, положим, полпроцента.

Пелагея сдержала слово, и оказалось, что полпроцента - такова цена услуг, каковые Симеон готов предоставить Аральтесу. Аргиропрат всегда умудрялся сыскать тех, кто готов платить серебром или золотом за парчу, шелка, коробочки со специями, священные предметы и даже - однажды - за пару львят. За последних хранителю зверинца басилевса в Большом Дворце пришлось заплатить баснословную цену.

Харальд вернулся в Константинополь незадолго до праздника Вознесения и едва успел встретиться с Симеоном с глазу на глаз – я при этом был толмачом – до того, как получил подробные указания насчет своего нового назначения: его отряд должен был быть приведен к присяге как отряд загородных варягов с постоянным жалованием и постоянным местожительством, сам же Харальд должен выбрать двадцать своих лучших людей и явиться на борт боевого корабля, стоящего под погрузкой в гавани Букефалон.

Копию этого приказа прислали мне с заметкой на полях, сделанной старшим хартулярием орфанотропа, в коей сообщалось, что я должен сопровождать Аральтеса. Я уже давно жил в Константинополе и знал, что гавань Букефалон предназначена для кораблей, используемых императорской семьей. Насколько мне было известно, единственный боевой корабль, стоявший там, был быстрый дромон самого басилевса. И я никак не мог понять, почему Харальд и его люди должны быть на борту.

Молодой человек с умным лицом, встретивший меня на палубе дромона, быстро прояснил обстоятельства. Этот человек, склонный к полноте, с массой блестящих вьющихся черных волос, состоял на государственной службе и был, похоже, из тех, кто всегда готов найти повод для улыбки или шутки.

– Меня зовут Тирдат, – сказал он радушно. – Добро пожаловать на корабль. Я так понял, что ты будешь толмачом между мной и отрядом сопровождения. Хотя ума не приложу, на кой ляд он мне нужен.

Речь его так была проста и непринужденна, что я подивился – что он-то делает на борту личного дромона басилевса.

Тирдат небрежно махнул рукой, указав на туго натянутую оснастку содержащегося в безукоризненном

порядке военного корабля, на надраенную палубу, на позолоту, на нарядно одетых корабельщиков. Даже лопасти длинных весел длиной в тридцать футов были отделаны императорским пурпуром и золотом.

- Ничего себе кораблик, а? Невозможно себе представить ничего лучшего для легкого путешествия по морю в лучшее время года.

- А куда мы идем? - спросил я. - И зачем?

- А что, эти надутые чинуши так тебе и не сказали? Это очень на них похоже. Всегда кичатся своей скрытностью, особенно, когда и скрывать-то нечего, зато весьма охотно продают секретные сведения, коль это может пополнить их кошелек. Мы идем в Святую Землю посмотреть, что там можно сделать с Голгофой. Это задание его величества базилиевса. Кстати, а я зодчий, архитектор.

- Но мне рассказывали, что архитектор Тирдат поновлял храм Святой Софии более сорока лет тому назад.

- Это был мой дед, - улыбнулся зодчий. - И он сработал очень недурно. Потому-то мне и поручили это дело. Базилиевс надеется, что я все сделаю не хуже моего деда. Задумано еще одно подновление.

- Не расскажешь ли ты мне поподробнее, о каком деле идет речь, чтобы я мог объяснить твоему сопровождению, когда оно прибудет?

- Не хочу утомлять тебя подробностями, а по твоему произношению я угадываю, что ты из северных краев - не обижайся, ведь сам-то я по происхождению армянин, - а стало быть, вполне возможно, что ты даже не христианин. Но место, где умер и был погребен Христос, это одно из истинно священных мест нашей веры. Вскоре после того, как блаженная августа Елена нашла Истинный крест и ее люди обнаружили пещеру, где покоилось тело Христа, там была построена великолепная базилика. Святость этой гробницы

почиталась веками, даже когда она попала в руки мусульман. К несчастью, времена переменились. В дни моего отца один калиф, справедливо получивший прозвание Мюрид Безумный, отдал приказ разрушить и базилику, и гробницу. Он велел местному правителю не оставить там камня на камне. И еще правителю было приказано закрыть все другие христианские церкви в провинции и не пускать христиан-паломников. С тех пор у нас не было надежных сведений ни о том, насколько разрушена гробница, ни в каком состоянии она находится ныне. Мюрид Безумный отправился на встречу со своим создателем шестнадцать лет назад. Его убил некий религиозный фанатик – занятно, не правда ли? – и наш басилевс ведет переговоры с его наследниками о разрешении вновь построить базилику и восстановить гробницу. Вот куда я еду. Мне поручено оценить состояние зданий и произвести немедленную починку. Может быть, эти государственные чиновники и продажные бездельники, но архивы они хранить умеют, и мне удалось найти планы первоначальной базилики. Однако, коль скоро окажется, что разрушения слишком велики и храм нельзя восстановить, тогда я должен сделать чертеж совершенно нового здания, достойного этого места.

– Это большая ответственность, – заметил я.

– Да, император вкладывает немалые средства в это дело. Он решил показать всю глубину и степень своей набожности и надеется, что будет вознагражден улучшением здоровья. Я так думаю, тебе известно, что у него с этим не все в порядке. Вот почему он предоставил императорский дромон в мое распоряжение. Это говорит о том, насколько он встревожен.

К моему удивлению, говоря о состоянии здоровья Михаила, Тирдат не счел нужным понизить голос. Он заметил:

- Не сочти за труд, передай своим друзьям-воинам: мы будем готовы отплыть, как только я погружу последние краски и смальту - это такие маленькие кусочки, из которых изготавливают мозаики. Самый поздний срок - послезавтра. Мои подчиненные - мозаичисты, штукатуры, живописцы и остальные - уже готовы. Впрочем, мы еще посмотрим, найдется ли для них работа в Святой Земле.

Я изложил все эти сведения Харальду, и по нему было видно, что он доволен. Полагаю, про себя он подумал, что личное судно басилевса - это средство передвижения, коего он вполне достоин. И разумеется, когда Харальд со своими людьми, в том числе и Халльдором, которого я был рад увидеть, прибыли в Букефалон, норвежский конунг поднялся по сходням так, будто он владелец корабля, а не просто начальник охраны какого-то строителя.

- Скажи своим варягам, что по дороге мы сделаем всего одну остановку, - сказал мне Тирдат. - Нам понадобится пристать к острову Проконнес, чтобы взять мрамора на тот случай, коли место, где воскрес Господь, окажется возможным просто поновить.

Дромон вышел в море на веслах, за каждым взмахом которых внимательно следил протокарв, начальник гребцов. Он прекрасно понимал, что за кораблем наблюдают из окон Большого Дворца, и хотел, чтобы отплытие выглядело как можно лучше.

У меня мелькнула мысль, что архитектор должен что-то знать о заброшенных статуях в Базилике, и я спросил у него, бывал ли он когда-нибудь там.

- Разумеется, - ответил он. - Мой отец, да и дед, покуда был жив, всячески меня мучили. Меня заставляли изучать все, что должно знать зодчему, и даже больше того - геометрию, арифметику, астрономию, физику, сооружение зданий, гидравлику, плотницкое дело, работу по металлу, рисование.

Казалось, этому не будет конца. К счастью, это все доставляло мне удовольствие, особенно рисование. Я и до сих пор испытываю удовольствие, когда делаю наброски и чертежи. Они понуждали меня изучать древние храмы, водили по Базилике и никогда не упускали случая указать на оставшиеся в Константинополе древние скульптуры. А они стоят себе, где стояли, надо только знать, на что ты смотришь. К примеру, та высокая бронзовая скульптура женщины на форуме. Все уверены, что это покойная императрица или какая-то святая. На самом деле это древняя греческая богиня. А ты когда-нибудь замечал фигуру наверху Анемодулиона?

- Это рядом с форумом Таури, пирамида с бронзовой фигурой женщины наверху, которая поворачивается, указывая направление даже самого легкого ветерка? У нас, в северных краях, на кораблях и жилищах ставят похожие ветряные вертушки, только они гораздо меньше и проще.

- Да, это верно, - сказал Тирдат. - Но немногие знают, что, взглянув на Анемодулион, чтобы узнать, откуда дует ветер, они на самом деле спрашивают совета у давнишней языческой богини. Но мы еще успеем поговорить об этом. Ведь даже самому быстроходному дромону нужно не менее трех недель, чтобы добраться до Святой Земли.

Общество Тирдата превратило наше плавание в одно из самых поучительных морских странствий, в каких я когда-либо участвовал. Армянин любил поговорить и щедро делился своими знаниями. То он рассказывал мне о берегах, вдоль которых мы плыли, то о том, как рос в семье прославленных зодчих, и я получил некоторое понятие о его ремесле. Он отвел меня в трюм и, открыв там мешки, показал кубики и пластинки из мрамора, терракоты, разного цвета стекла и перламутра. Он показал, как их вставляют в подушку

из мягкого известкового раствора, создавая портреты либо узоры на стене или на полу, и сказал, что умелый мозаичист, работая до изнеможения, может за один день заполнить площадь шириною в сажень.

- Представь себе, сколько времени понадобилось, чтобы украсить изнутри храм Святой Премудрости. Дед Тирдат подсчитал, что на это ушло два с половиной миллиона мозаичных кубиков.

Когда мы добрались до мраморного острова Проконнес, расположенного на полпути через Пропонтиду, он предложил мне сойти с ним на берег и осмотреть каменоломню, где добытчики камня с грохотом расщепляли скалы и отрезали куски мрамора, готовые под распилку и обработку.

- Проконнесский мрамор так широко используется, что мне он кажется довольно скучным, - признался Тирдат. - Только его и видно - один и тот же белый камень с серо-голубыми прожилками. Однако добывать его легко, и запасы его, похоже, неисчислимы.

- А я думал, что на новые произведения в основном идет мрамор от прежних.

- Так-то оно так. Но многие из этих старых вещей сделаны из того же проконнесского мрамора, а владельцы каменоломни достаточно сообразительны, чтобы потворствовать лености зодчих. Они изготавливают плиты прямо здесь, на острове, придавая им очертания и узоры, и те лежат готовые и ждут на берегу. Просто собираешь из этого набора готовые части колонн, капителей и фронтонов. Однако это ограничивает творческий полет зодчего, коль ему приходится все время работать с готовыми фрагментами только потому, что заказчик прижимист. Мне известны по крайней мере девятнадцать разновидностей мрамора, но, пройдясь по Константинополю, можно подумать, что существует один-единственный - с Проконнеса. Мне нравится работать, когда случается такая возможность,

с темно-красным порфиром из Египта, серпентином из Спарты, зеленым из Фессалии или с красно-розовым из Сирии. Существует даже черный с белым мрамор, его можно привезти с дальней оконечности Великого моря.

В конце концов мой новообетенный друг выбрал всего лишь несколько простых плит проконнесского мрамора, которые, как он сказал, «достаточно хороши для мощения вокруг могилы Христа, коль скоро, по приказу Безумного Мюрида, настил был взломан».

Харальд, Халльдор и другие варяги всю дорогу держались особняком, хотя я чувствовал, что у них просто руки чешутся самим взяться за кормило или поставить паруса. Судоводителем дромона был назначен придворный, не имеющий особых навыков в мореходстве, и у него хватило здравого смысла оставить управление судном на протокарва и его помощников. Трудностей во время плавания почти не было, корабль вели от острова к острову так, чтобы следующий уже маячил впереди по ходу, когда вершина предыдущего еще не исчезла за кормой.

Когда корабль взял направление на отдаленную громаду какого-то очередного острова, Тирдат отпустил замечание, пробудившее во мне воспоминания. Щурясь на гору, медленно обретавшую очертания, он заметил:

- Это, должно быть, любимое пристанище хромого кузнеца.

Его слова вызвали во мне образ моего первого наставника в исконной вере, Тюркира Германца. Как он, раскаляя и придавая нужную форму куску железа в кузнице, поведал мне о Велунде, кузнице, которого злобный конунг Нидуд умышленно изувечил, чтобы пленник не мог покинуть остров, где вынужден был работать на того, кто держал его в неволе.

- Хромой кузнец на этом острове - как его звали? - спросил я Тирдата.

- Гефест, бог-кузнец, - ответил тот. - А остров, вон он - Лемнос. Легенда гласит, что Гефест жил на нем. Там есть и его святилище, и культ его, как мне говорили, все еще процветает, хотя все делается в тайне.

- А почему Гефест хром? Его умышленно искалечили?

- Нет, - ответил Тирдат. - Насколько я знаю, он хром от рождения, и к тому же довольно уродлив. Но он слыл великим кузнецом, лучшим из всех известных. Он мог сделать все. Он, к примеру, выковал металлическую сеть, каковую подвесил над своим ложем, когда заподозрил, что жена ему изменяет с другим богом. Он сделал вид, что ушел из дому, а потом прокрался обратно, и когда его жена с любовником занимались делом, Гефест опустил сеть на них, совершенно голых. Потом призвал других богов в свой дом, и все смеялись. Говорят, произошло это здесь, на острове, внутри огнедышащей горы.

- Странно, - сказал я. - У нас тоже есть рассказ о хромом кузнеце, отомстившем своему врагу, но иначе: он убил его сыновей, сделал кубок из их черепов, а из глаз и зубов драгоценные украшения и подарил их ничего не подозревающим родителям.

Тирдат скривился.

- Эти ваши боги - кровожадный народ, - сказал он.

- Наверное, - отозвался я. - Они могли быть жестокими, когда на то были причины. К примеру, Локи они наказали за бесконечные козни, привязав его к скале кишками его же сына. Когда Локи пытается освободиться, земля дрожит. И в Базилике я видел статую Локи.

Тирдат громко рассмеялся.

- Это не Локи или как ты там его зовешь. Я помню эту скульптуру. Она стояла на форуме Константина до тех пор, пока кому-то не понадобилось место, и статую

сняли и выбросили в Базилику. Это один из древнейших богов, Прометей, сын того, кого называли титаном. Он был неслухом и слишком часто гневил Зевса, главного бога. Зевс и наказал его, велел Гефесту приковать его к скале. Потом Зевс послал орла, чтобы тот каждый день клевал печень Прометея, которая за ночь снова отрастала. Так что он пребывал в постоянных мучениях.

- Похоже, твои древние боги были жестоки столь же, сколь и мои, - заметил я.

- Как люди, сказал бы я, - откликнулся Тирдат. - Или, если хочешь, можно сказать, столь же бесчеловечны. Все зависит от того, как на это посмотреть.

- Не обманулся ли я подобным же образом, решив, что в Базилике есть мраморная плита, на которой изображены норны?

- Никогда не слышал о таких. Кто это?

- Богини. Они определяют нашу судьбу, когда мы рождаемся. Им ведомо прошлое, настоящее и будущее, и они прядут узор нашей жизни.

- Не помню этой плиты, но ты, верно, говоришь о трех парках, - ответил Тирдат, немного подумав. - Одна прядет нить человеческой жизни, другая отмеряет ее, а третья обрывает. Норны или парки - смысл один.

Мы достигли места нашего назначения - порта Яффа на берегу Палестины - и обнаружили, что здешний правитель не был предуведомлен о нашем приезде. Три дня мы изнемогали от летнего зноя, заключенные на борту дромона, пока правитель запрашивал вышестоящих в столице Рамле, можно ли позволить нам сойти на берег.

В конце концов Харальд, а не покладистый Тирдат, взял на себя решение этого вопроса. Он прорвался на берег, и я пошел с ним в дом правителя, где негодование огромного северянина с длинными усами и странными кривыми бровями произвело устрашающее

впечатление, и правитель позволил небольшому отряду произвести предварительный осмотр гробницы, в то время как большая часть рабочих и мастеров Тирдата должны были оставаться на корабле. Когда мы вышли из дома правителя, нас окружила толпа галдящих стариков, каждый из коих предлагал стать нашим проводником. Многие годы они зарабатывали себе на жизнь, провожая благочестивых христиан к их святым местам, но запрет Мюрида Безумного прекратил это занятие. Теперь же они предлагали повозки, палатки, ослов, и все по самой низкой цене. Харальд отрывисто велел мне сообщить им, что в повозках он не ездит, а уж на ослах тем более. Будет нанят тот, кто первым придет к причалу с двумя дюжинами лошадей.

Лошади, которых нам привели, оказались столь малорослыми и тощими, что поначалу мне показалось, что Харальд примет это за оскорбление. Но владелец лошадей, такой же сухопарый и недокормленный старик, заверил меня, что эти создания вполне справятся с задачей, ведь до цели нашего путешествия всего два дня легкой езды. Однако когда Харальд уселся в седло, оказалось, что ноги его свисают почти до земли, да и остальные варяги выглядели такими же громоздкими на своих скакунах. Так что из города выехал весьма неприглядного вида караван, пересек узкую, безводную прибрежную равнину и начал подниматься по каменистым склонам того, что наш проводник с восторгом именовал Землей Обетованной.

Признаюсь, я ожидал чего-то лучшего. Земля вокруг бесцветна и гола, с редкими маленькими полями, возделанными на склонах, с немногочисленными поселениями – жалкими кучками маленьких квадратных глинобитных хижин, а постоялый двор, где мы остановились на ночь, был ветхим и неприятным. Нам предложили грязный двор, где можно было поставить лошадей, ужасную трапезу из гороховой похлебки и

тощего хлеба да подстилки, кишасшие насекомыми. Но если верить нашему проводнику, человеку весьма словоохотливому и с одинаковой легкостью говорящему на латыни и по-гречески, сухая бурая земля, которую мы пересекали, была удачливее всех прочих. Он подробно перечислял имена святых людей или чудесные события, связанные с каждым местом, мимо которого мы проезжали, начиная с Яффы, на берег которой, как заявил он, огромная рыба извергла пророка.

Когда я перевел эту историю Харальду и варягам, они пришли в недоумение.

- И христиане осуждают нас за то, что мы верим, что змей Мидгарда лежит на дне Мирового океана! - заметил Харальд. - Торгильс, не утруждай себя, не переводи болтовню этого старого дурня, разве что он скажет что-то правдоподобное.

На второй день в полдень мы проехали по мосту, и здесь, раскинувшись на склоне следующего холма, явилась нам наша цель: священный город христиан, Иерусалим. Размером не больше какого-нибудь из пригородов Константинополя, город этот окружен высокой стеной, утыканной по меньшей мере дюжиной сторожевых башен. Огромный храм привлек наше внимание. Выстроенный на возвышении, он вздымался над городом, и рядом с ним все окружающие дома казались карликами.

- Это и есть то место, где похоронен Белый Христос? - спросил я нашего проводника.

Мое невежество его ошеломило.

- Да нет же, - воскликнул он, - это Святая Святых, святыня для последователей Мухаммеда и тех, кто иудейской веры! Гробница находится вон там, - и он указал вправо.

Я посмотрел в ту сторону, но ничего не увидел, кроме неопишуемого беспорядка крыш.

Мы въехали в городские ворота, пересекли большой открытый форум с высокой колонной в центре и проследовали по широкой улице с колоннами по обеим сторонам туда, куда указывал проводник. Наше появление вызывало любопытные, а порой и враждебные взгляды толпы. То была удивительнейшая смесь - сарацинские чиновники в просторных белых одеяниях и тюрбанах, купцы в черных плащах и сандалиях кирпичного цвета, женщины под покрывалами, полуголые уличные мальчишки.

Проехав половину улицы, мы оказались у большого проема в череде домов, и проводник объявил:

- Вот оно, это место.

Тирдат пришел в ужас. Нам открылось зрелище полного разрушения. Огромные строительные блоки, расколотые и смещенные, обозначали очертания прежних стен. Груды битой черепицы - вот все, что осталось от кровли. Обугленные балки указывали на места, где огонь способствовал разрушению. Не осталось ничего, кроме пыли и камней. Не говоря ни слова, Тирдат нагнулся и поднял из сорных трав, разросшихся на мусоре, камешек. Он грустно вертел его в пальцах. То был одинокий кубик темно-синей смальты из мозаики, некогда украшавшей базилику - пристанище паломников, приходивших сюда. От самого же храма не осталось ничего.

Наш проводник, подобрав свое просторное одеяние, стал пробираться через груды мусора, жестами приглашая следовать за ним. Харальд и остальные остались на месте. При виде такого разрушения замолкли даже суровые северяне.

Я подошел к Тирдату и проводнику как раз когда этот последний произнес:

- Это было здесь, - и указал на щербины на голом камне. На мой взгляд, это напоминало грубые беспорядочные шрамы, оставляемые зубилами и

кирками в Проконнесских каменоломнях, где добытчики мрамора вырубали нужное, а пустую породу – битый камень – швыряли в сторону в кучу.

– Что было здесь? – спросил Тирдат сдавленным голосом.

– Склеп, сама гробница. Люди Мюрида разбили ее на куски.

Потрясенный Тирдат утратил дар речи.

Вожатый провел нас обратно проулками к постоялому двору, где мы и расположились. Несколько часов архитектор не говорил ни слова, разве что попросил меня послать в Яффу извещение, что мастерам, ждущим на дромоне, должно оставаться на месте. Им не имело смысла ехать в глубь страны. Великолепные здания, когда-то стоявшие вокруг гробницы, восстановлению не подлежали.

– Я никак не думал, Торгильс, что столкнусь со столь сложной задачей, – признался мне зодчий. – Задачей еще более устрашающей, чем та, что стояла перед моим дедом при восстановлении храма Святой Премудрости после землетрясения. У него было хотя бы, с чем работать. Здесь же придется начинать все сначала. Мне понадобится твоя помощь.

Вот так и получилось, что я, Торгильс, приверженец Одина, оказался помощником в воссоздании того, что наш проводник называл Гробом Господним. Отчасти моя работа заключалась просто в помощи: держать конец мерной ленты, когда Тирдат делал нужные замеры, и вести записи углов, которые он измерял. Я помогал расчищать очертания разрушенных стен так, чтобы он мог проследить план прежних строений и сравнить с архитектурным планом, привезенным из константинопольских архивов. Я составлял списки материалов, здесь находящихся, кои можно было снова использовать, – уцелевшие части колонн, крупные строительные камни и тому подобное. Но важнейшим

моим вкладом в его дело была помощь, каковую я оказывал ему в беседах с людьми, знавшими святое место до того, как оно подверглось разрушению по приказу Мюрида Безумного.

Первым источником стал наш словоохотливый проводник, однако слухи о наших расспросах распространились по городу, и к нам украдкой стали являться последователи Белого Христа, чтобы поведать о том, как выглядело святилище до разрушения. Согласуясь с тем, что сообщили нам все эти христиане, мы расчистили какую-то часть мусора и мелом обозначили очертания могилы по их указаниям. То было небольшое, отдельно стоящее помещение, высеченное в цельной скале, обшитое мрамором и увенчанное золотым крестом. В довольно просторной пещере могло поместиться до девяти человек молящихся, а в глубине стояло ложе, на котором когда-то лежало тело Белого Христа.

Тирдату требовалось выяснить размеры и подробности устройства помещения. По рассказам, пещера была довольно высокой, свод ее на полтора фута превышал человеческий рост, а ложе имело в длину семь футов; устье пещеры смотрело на восток, по словам одних, или на юг, по словам других. Они говорили, что потребовалось усилие семи человек, чтобы сдвинуть большой камень, закрывавший вход в пещеру со времен погребения Христа, но что камень раскололся пополам. Из этих двух его половин, обтесанных и выровненных, сделали два алтаря, каковые были установлены внутри большой круглой церкви, некогда укрывавшей все это место. Свидетель, сообщивший нам эту особенную подробность, водил нас среди мусора, пытаясь отыскать один из алтарей, но безуспешно.

Тирдата неудача не обескуражила. Он сделал быстрый набросок прямоугольного камня и показал его

этому христианину.

- Он так выглядел? - спросил он. Тот взглянул на рисунок.

- Да, похоже, - с готовностью согласился он.

Тирдат бросил на меня насмешливый взгляд и нарисовал еще один алтарный камень, слегка отличающийся от первого.

- А второй - он был вот такой?

- О да, ты прекрасно его нарисовал, - ответил свидетель, настолько желавший угодить нам, что едва взглянул на рисунок.

Позже вечером на постоялом дворе я спросил Тирдата, верит ли он этим свидетельствам.

- Верю ли я? - пожал он плечами. - Это не имеет значения, ибо люди поверят в то, во что захотят поверить. Конечно, я сделаю все, что могу, и попытаюсь воспроизвести первоначальный облик в своих рисунках для воссоздания. Но с годами - я в этом не сомневаюсь - набожные люди поверят, что то, что они видят - оригинал, а не копия.

Все это время Харальд и остальные варяги были на удивление терпеливы. Большую часть времени они проводили на постоялом дворе, играя в кости, либо приходили туда, где работали мы с Тирдатом. Присутствие бородатых воинов было не бесполезно - оно заставляло зевак держаться поодаль и сдерживало сарацин, которые выкрикивали проклятия и швыряли в нас камни. По вечерам Тирдат сидел за столом, без устали делая наброски, чертежи и расчеты. Время от времени кто-нибудь из варягов неторопливо подходил и заглядывал через плечо в его работу, а потом возвращался обратно. Но я понимал, что терпение их не вечно. Я понимал, коль скоро их как-то не отвлечь, Харальд и его люди захотят уехать.

Совершить эту прогулку предложил наш проводник. Он предложил показать нам христианские места в

городе и его окрестностях, а потом съездить к соседней реке, где, как он сказал, «Белый Христос совершал обряд крещения». Тирдат в то время корпел над продольными и поперечными разрезами, и ему хотелось остаться одному на постоялом дворе в мире и покое, а посему он с готовностью позволил Харальду, Халльдору и остальным принять предложение проводника, а меня отправил с ними в качестве толмача.

Эта поездка по Святой Земле потрясла меня. Там почти нельзя было найти такое место, здание или угол улицы, каковые не были бы как-то связаны с Белым Христом или его последователями. Голгофа, где был распят Белый Христос, – наш проводник указал на пятна крови на скале, которые, если верить ему, сохранились с того времени. Там же – трещина в скале, и он уверял нас, что, приложив к ней ухо, услышишь журчанье воды, а коль скоро в щель бросить яблоко, то оно появится в пруду за пределами городской стены на расстоянии мили отсюда. А в восьмидесяти шагах в том же направлении, заявил он, находится центр земли. Оттуда берут начало четыре великих подземных реки.

Потом, то и дело озираясь, не следят ли за нами, он отвел нас в кладовую, где показал чашу, каковую благословил Белый Христос на своей последней трапезе, а также трость, каковая, очевидно, была использована, чтобы предложить смоченную в воде губку Христу, когда тот висел на кресте, да и саму губку, всю сморщенную и сухую. Больше всего меня заинтересовало ржавое копье, стоявшее в углу. По словам нашего провожатого, этим самым копьем пронзили Христа в бок, когда тот висел на кресте, и оружие вынесли из Гроба Господня прежде, чем люди Мюрида разрушили его. Я подержал копье в руках – для своего возраста оно хорошо сохранилось – и подумал: странно, что приверженцы Белого Христа утверждают, будто владеют такими реликвиями, а для нас,

приверженцев истинной веры, обладать копьем, пронзившим Одина, когда тот висел на древе познания, – это попросту невыносимо. Для нас то, что принадлежит богам, – принадлежит только им.

Перечень чудес за пределами города был столь же обширен. Тут – следы коленей на камне, на коем Белый Христос молился, – камень тот был подобен расплавленному воску. Там – фиговое дерево, на котором повесился предатель по имени Иуда; а еще проводник показал нам железную цепь, каковой тот удавился. На Масличной горе – другие отметины в камне, на этот раз следы, оставшиеся после того, как Белый Христос был взят в то место, какое приверженцы истинной веры называли бы Валгаллой. Вспомнив мой разговор с Пелагеей в Константинополе, я спросил, можно ли увидеть пещеру, где жила ее тетка, одетая евнухом. Меня незамедлительно провели к маленькому сырому гроту в склоне горы. Я зашел внутрь, но не надолго. Кто-то использовал его под загон для животных. Там воняло козлом.

Чем больше я видел, тем больше удивлялся, отчего это вера в Белого Христа имеет такой успех. Все, связанное с ней, кажется столь обыкновенным. Я спрашивал себя, как люди могут верить в столь явные выдумки, как фиговое дерево самоубийцы, и задал этот вопрос Харальду, улучив момент, когда тот был в добром настроении, ибо мне хотелось знать, какое впечатление производит на него учение Белого Христа.

Он окинул меня своим великолепным хищным взором, взглядом морского орла, и сказал:

– Торгильс, ты не учел одного. Важны не все эти вещи – копье, губка и все прочее, что нам показывают. Сила заключается в самом смысле христианской проповеди. Она предлагает обыкновенным людям надежду. Это их награда.

- А для тех, кто стоит выше обыкновенных людей, господин? - осмелился я спросить.

Харальд немного подумал и ответил:

- Для них тоже кое-что имеется. Разве ты не заметил, как покорны христиане своему Богу? Они твердят, что следуют за ним и ни за кем больше. Именно этого любой правитель хочет от своих подданных.

Я все еще размышлял над ответом Харальда, когда мы забрали своих лошадей из конюшни постоянного двора и выехали из города вслед за Косьмой, нашим проводником. Мы выехали через восточные ворота, и Косьма попросил меня предупредить Харальда и остальных, что кое-кто из встреченных на дороге людей может выказать недружелюбие. Самыми враждебными считаются самаритяне. Они испытывают ужас перед неверующими, будь то христианин или иудей. Коль скоро нам понадобится что-то купить у самаритянина, придется кинуть монеты в миску с водой, поскольку прямо из наших рук они не возьмут ничего, почитая это скверной. А когда мы уедем, они сожгут солому над следами копыт наших лошадей, дабы очистить все следы, оставленные нами.

Я подозреваю, что наш проводник был втайне доволен, когда, подъехав к реке, мы и вправду встретили толпу этих людей. Самаритяне вели себя именно так, как он предсказывал, заступили нам дорогу, плевались и ругались, потрясали кулаками и довели себя до состояния неистовой ярости. Потом стали хватать камни с обочин дороги и швырять в нас весьма метко. Тут уж Харальду и варягам пришлось действовать. Они пустили своих лошадок легким галопом, устремились на мучителей, колотя их мечами плашмя, и рассеяли вопящих изуверов, каковые разбежались по склону, весьма удивленные столь нежданном обращением.

Местность стала еще более пустынной. Мы пересекли плоскогорье, и дорога стала спускаться по отвесному склону ущелья, где единственной постройкой был далекий монастырь, примостившийся на скале, точно ласточкино гнездо. Наш проводник сообщил, что до сих пор в нем живут несколько монахов, ибо до этого полуразрушенного здания очень трудно добраться, так что сарацины оставили их в покое. Выехав из ущелья, мы оказались в песчаной пустыне, поросшей кустарником и совершенно безлюдной, коль не считать единственной семьи кочевников, раскинувшей свои бурые палатки среди дюн. Они готовили пищу, разведя костры из колючих кустиков, а их животные паслись на привязи. Я уже видел этих животных – верблюдов – в императорском зверинце и удивился, что существа, коим так дивились в Константинополе, здесь столь же обычны, как ослы и мулы.

Мы расположились на окраине разрушенного города. Сильное землетрясение когда-то сравняло его с землей, и глядя на развалины, Косьма заявил, что еще прежде, в древности, стены города вот так же рухнули, когда осаждавшее его войско, трубя в трубы, обошло вокруг стен, призывая своего Бога помочь им.

- Этот шум, верно, разбудил Локи, и он стал корчиться в своих оковах, - едко пробормотал Халльдор. Рассказы проводника казались ему все более и более нелепыми.

Еще одно разочарование ожидало нас – река, узреть каковую, как нам обещали, само по себе есть чудо. Она оказалась не больше тех ручейков, у которых я играл в детстве в Гренландии. Грязным потоком она бежала среди камышей, и вода, когда мы ее опробовали, скрипела на зубах песком и на вкус была неприятной. Но все же именно в эту реку, уверял нас проводник, погрузился Белый Христос, подтверждая свою веру.

Проводник показал нам несколько каменных ступеней, ведущих вниз, к воде. Иных ступеней не хватало, другие шатались, а перилами служила полусгнившая веревка. По этой лестнице, сказал он, в былые времена спускались верные, чтобы последовать примеру Белого Христа.

И как нарочно – по правде говоря, у меня возникло подозрение, что Косьма устроил это заранее – из маленькой тростниковой хижины, стоящей неподалеку, явился оборванный священник Белого Христа. Он предложил за небольшую плату провести обряд, обещая, что всякий, кто это проделает, обретет «богатства на небесах». Я перевел это предложение, и, к моему ужасу, Харальд принял его. Он снял с себя одежду, сложил ее на берегу и, оставшись в одной просторной рубаше, сошел вниз по ступеням и вошел в воду. Там Харальд позволил священнику плеснуть на себя водой и произнести молитву. Я был в смятении. До этого мгновения я был уверен, что смогу обратить Харальда к исконной вере. Халльдор заметил выражение моего лица.

– Не бери в голову, Торгильс, – сказал он. – Знал бы ты Харальда столько, сколько знаю я, ты понял бы, что никакие богатства его не волнуют, кроме земных. Он готов на все, чтобы обрести их, даже окунуться в эту грязную речку. Прямо сейчас он, верно, думает, что Белому Христу повезло – он завербовал его, Харальда.

Ужас не отпускал меня всю обратную дорогу в Элию, как именуют греки Священный Город, и рассеялся только при встрече с Тирдатом. Зодчий едва сдерживал волнение, он просто трепетал от счастливого предвкушения.

– Ты даже не представляешь, что случилось в твое отсутствие! – начал он, поздоровавшись со мной. – Неслыханное дело, по крайней мере, со времен моего деда.

- Какое неслыханное дело? У тебя такой вид, будто ты нашел клад, - сказал я.

- Лучше, чем клад. Пока вас не было, я вернулся к гробнице, чтобы сделать кое-какие промеры для моих чертежей, и ко мне подошел пожилой сарацин посмотреть, чем я занят. На вид очень важный и в хорошей одежде. Конечно, я показал ему мою работу, жестами попытался объяснить, что делаю, и так далее. Оказалось, что он немного говорит по-армянски и достаточно хорошо по-гречески, чтобы объяснить мне, что он - один из сановников, отвечающих за содержание Святой Святых, Золотого храма. Он пригласил меня побывать там, коль я поклянусь держать все в тайне. Только представь себе! Много лет ни одному христианину не разрешали заглянуть внутрь храма и узреть его чудеса!

- Не говори мне о чудесах здешней религии, - сказал я. - За последние дни я достаточно разочаровался.

- Послушай, Торгильс. Такая возможность больше не повторится. Конечно, ты должен пойти со мной в храм. Мое посещение назначено на завтра.

Когда последние отзвуки сарацинской молитвы замерли вдали, слуга позвал нас, и, должен признаться, я был взволнован, когда мы с Тирдатом, одетые в сарацинские одежды, пустились в путь. Впереди в лучах утреннего солнца сверкал огромный храм, и казалось, что он плывет над крышами города. У наружных ворот священного места слуга попросил нас переобуться, снабдив шлепанцами, а потом провел по широкому помосту, вымощенному гранитными плитами, туда, где уже ждал нас знакомец Тирдата. Тирдат представил меня как своего помощника-зодчего, а потом, прежде чем наш хозяин успел заговорить, архитектор схватил меня за руку и выпалил:

- Башня ветров!

К моему удивлению, он смотрел не на великолепное здание, возвышающееся перед нами, но на гораздо меньшую постройку, стоящую сбоку.

- Это храм Цепи, - пояснил наш хозяин, коего звали, как я понял, Назир. - Это модель главного здания, построенная первыми зодчими. Они возвели ее для того, чтобы калиф Абд-аль-Малик, повелевший воздвигнуть храм, мог оценить его вид до начала строительства. А сейчас мы используем его как сокровищницу.

Но Тирдат его не слышал - он спешил к этому меньшему зданию.

- Торгильс, ведь это же восьмигранное основание, на котором стоит храм, - крикнул он через плечо, - точно такое же, как было когда-то в древних Афинах! Вот для чего дед заставлял меня изучать классические сооружения - дабы постигнуть их мастерство. Так же поступили, должно быть, и те, кто строил этот храм. Как жаль, что мой дед не может этого видеть.

Тирдат взволнованно обошел вокруг маленького здания.

- Вы не будете возражать, если я сделаю кое-какие приблизительные измерения? - спросил он у Назира.

Сарацин немного поколебался, а потом ответил:

- Полагаю, никакого вреда от этого не будет. Внутри Куббат-ас-Сахр - в самом храме - это не было бы дозволено. Туда вы можете только заглянуть.

Тирдат обошел вокруг храма Цепи, считая шаги. Потом по числу плит мощения подсчитал его поперечник.

- Блестяще, - восхищенно выдохнул он, отойдя подальше, чтобы оценить высоту строения. - Вот это геометрия, Торгильс! Высота восьмигранного основания равна его ширине, и высота храма - точно такая же. Результат: превосходные пропорции и гармония. Тот, кто замыслил это здание, был гений.

- Их было двое, - заметил Назир. - Здешний горожанин по имени Йазид ибн-Саллам и великий ученый по имени Абдул ибн-Хайях.

Тирдат присел на корточки и начал рисовать пальцем на покрытой пылью плите.

- Жаль, я не принес воск и стило, - сказал он. - Но, думаю, я знаю, что мы увидим внутри главного здания.

Назир посмотрел на армянина так, словно тот повредился в уме.

- Мы не будем там задерживаться. Вам дозволено только заглянуть внутрь, - предупредил он, отводя нас к Золотому храму.

Мне храм показался торжеством ювелирного искусства, диадемой. Ряды сверкающих мозаик покрывали наружные стороны восьмиугольника, а купол над ним блестел, как чистое золото.

- Как вам удастся содержать купол в такой чистоте? - спросил я.

- Зимой, когда идет снег или дождь, мы покрываем его звериными шкурами и войлоком, - ответил Назир. - Калиф не намеревался золотить купол, но работа подвигалась так успешно и так быстро - на все строительство ушло всего четыре года, - что из денег, выданных зодчим, осталось сто тысяч золотых динаров. Тогда было решено расплавить эти монеты и использовать их, дабы покрыть храм золотыми листами.

Мы подошли к входу в здание, и он поднял руку, давая понять, что дальше нам путь закрыт, однако мы стояли так близко, что смогли заглянуть внутрь. В середине, прямо под куполом, был участок голого камня цвета меда, с которого, как объяснил Назир, их пророк вознесся на Седьмое небо. Эта Святая Святых располагалась в кольце мраморных колонн, державших огромный свод, уходящий ввысь. Глядя вверх, в чашу купола, я ахнул от изумления. Изнутри он был покрыт золотой мозаикой, а из самой середины свисал на цепи

огромный светоч. Свет сотен и сотен светильников отражался и отсвечивал от золотой поверхности.

- Теперь вдохните поглубже, - посоветовал нам Назир. Воздух был тяжел от запаха шафрана, амбры и розового масла. - Вот этим-то я и занимаюсь, - гордо сообщил наш проводник. - Я надзираю за изготовлением этих ароматов, а служители рассеивают их по священному камню и возжигают в курильницах. Но нам пора идти.

- Двойные квадраты, - задумчиво проговорил Тирдат, когда мы возвращались на постоянный двор. - Так я и думал. Именно это я пытался вычислить, вычертив на пыли. Внутренняя часть здания основана на двух наборах сочлененных квадратов. Внутренние квадраты определяют объем самого храма, наружные обеспечивают размеры восьмиугольника. Главное, теперь я знаю, какие размеры и очертания купола я предложу для новой базилики на Голгофе. Я возьму за модель то, что видел сегодня, поставлю двенадцать колонн по числу апостолов. Теперь у меня есть все необходимое для разработки планов воссоздания гробницы и окружающих ее строений. Нам пора возвращаться в Константинополь.

Харальд и варяги, когда я сообщил им эту новость, были очень довольны.

- А что, купол великого храма и вправду из чистого золота? - спросил Халльдор.

- Сто тысяч динаров переплавили в золотые листы, - ответил я.

- Кто же смог потратить такие огромные деньги? - удивился он.

- Сарацинские правители готовы отдать любые деньги за то, что для них дороже всего, - сказал я небрежно, еще не зная, что это мое замечание поможет Харальду достичь цели всей его жизни - норвежского престола.

Глава 5

Дромон бросил якорь в гавани Букефалон. Обратное плавание оказалось куда менее приятным. Нам мешали встречные ветры, и возвращение в Константинополь заняло гораздо больше времени, чем ожидалось, так что, когда я простился с Тирдатом и отправился вместе с Харальдом, Халльдором и другими в казармы загородных варягов, в городе уже чувствовалась зима.

Мы вернулись вовремя, в самый разгар яростного спора между норвежцами из отряда Харальда и старшим начальником из военного ведомства, греком. Армия, тагмата, должна была вскоре отправиться воевать на запад, в Италию, и арсенал, имперская оружейная, работал на всю мощь, готовя оружие и припасы. Чиновники, ведавшие лошадьми и оружием, составили расписание, по которому войска получали то, что им было предписано. Пять же сотен варягов Харальда напрочь отказались оснащаться предписанным оружием, предпочитая сохранить собственные секиры и щиты. Харальд коротко сообщил греческому начальнику, что его люди – это особый отряд, набранный под его личным руководством, и он подчиняется только приказам из дворца или непосредственно предводителя армии, стратега. Грек сердито посмотрел на норвежца и бросил:

– Ладно. Очень скоро ты узнаешь, что новый стратег требует неукоснительного повиновения, особенно от варваров.

И удалился, кипя возмущением.

– Что это за шум вокруг нашего оружия? – спросил у меня Халльдор. – Почему оно кажется грекам неподходящим?

- Они страшно гордятся своей историей, - ответил я. - Они управляют империей уже семь сотен лет и потому полагают, что выработали наилучшее устройство для всего, будь то сбор налогов или война. Они любят все делать по правилам - по букве закона. Когда я состоял в дворцовой страже, у нас в начальниках ходили молодые греки, и головы у них были забитыми воинской наукой. Они постигали ее по учебникам, написанным полководцами в отставке. Там можно найти кучу полезных сведений - к примеру, как грузить вьючных мулов или вести разведку в тылу врага, - но все это они знали по книгам, а не на деле.

- Битва есть битва, - проворчал Халльдор. - Чтобы знать, как это делается, не нужно читать книги. Отрабатывай боевой строй или учись рубить левой рукой - вот это дело. А в конце концов победит лишь отвага и сила.

- Только не тогда, когда речь идет об имперской армии, - возразил я. - Они называют себя «ромеями», римлянами, потому что их военная наука восходит к цезарям, и они дрались на границах империи много столетий, нередко без особых надежд на победу. Они выиграли большинство своих войн благодаря превосходному искусству военачальников, или лучшему вооружению, или лучшему устройству, или... - и здесь я подумал о кознях орфанотропа, - или потому, что смогли подкупить военачальников противника или внести разброд во вражеский стан при помощи слухов и козней.

- Тоже мне умники, - пробормотал Халльдор. - Неудивительно, что им приходится нанимать чужеземцев, чтобы защищать империю. Они так заняты кознями, что это вошло у них в привычку, и они забывают, кто на самом деле их враги. В конце концов, они колют друг друга в спину и уже не доверяют своим же.

Харальд, слушавший наш разговор, ничего не сказал. Может быть, он уже и сам понял то, о чем говорил я, хотя спустя несколько лет мне пришлось вспомнить этот наш разговор с Халльдором и спросить себя, не я ли, уже в который раз, подтолкнул Харальда к выбору его судьбы. Ежели так, значит, я был нечаянным орудием, если не Одина, то норн, или – как сказал бы Тирдат – парок.

Оставив Харальда и его людей в казармах, я не стал терять времени даром и отправился к Пелагее, ибо соскучился по ней, пока был в Святой Земле. До сих пор мы были друзьями, а не любовниками, но я начинал чувствовать, что коль скоро наши отношения продолжатся, она может стать для меня чем-то большим, чем просто приятной собеседницей и мудрой советчицей. Я думал найти ее дома и был несколько обескуражен, обнаружив, что она уже не живет в своем старом жилище. Меня направили в роскошный дом, расположенный в более дорогой части города. А на мои поздравления с переездом и с богатой обстановкой ее нового жилища она, как обычно, ответила весьма по-деловому:

– Приходится думать о предстоящей войне. Просто удивительно, сколько можно заработать на сделках с армией. Это такое облегчение – не нужно гоняться за покупателями, не то что в лавке. Правительство всегда платит исправно, нужно только позолотить несколько рук в ведомстве.

– Однако армии еще рановато закупать хлеб, – заметил я. – Воинский хлеб, по себе знаю, черств и затхл, однако до начала похода осталось несколько месяцев. Все начнется лишь весной, а к тому времени войско будет в Италии и получит хлеб на месте.

– Я продаю не хлеб, – сказала Пелагея. – Я заключила договор на поставку неприкосновенного запаса продовольствия, того, что используется во время

быстрых переходов. Ведомство нового стратега искало, с кем заключить подряд, и я нашла такого человека, поставляющего морской лук по приемлемой цене. А найти остальное было совсем нетрудно.

- Что за морской лук?

- Растение, похожее на огромную луковицу, иногда размером с человеческую голову. Его варят, моют в воде, сушат, а потом очень тонко нарезают. По договору к пяти частям лука должна быть добавлена одна часть кунжута, и одна часть макового семени - к пятнадцати частям лука, и все это давится и смешивается с медом. Опытному пекарю сделать это очень просто.

- А каково оно на вкус? - спросил я. Пелагея скривилась.

- Ужасная мерзость. Но ведь это снесь на крайний случай. Воинам выдают ежедневно по одной лепешке размером с две маслины. Утверждают, будто это сладко и сытно и не вызывает жажды. Как раз то, что нужно новому стратегу для его войск. Он вникает во все.

- Уже второй раз я слышу об этом новом стратеге, - заметил я. - Похоже, он на всех нагнал страху.

- Так и должно быть. Приехал он откуда-то с восточной границы, где был каким-то мелким градоначальником. Прославился тем, что истребил отряд разбойников-сарацин. В то время имперские войска совсем утратили боевой дух, и сарацины устроили набег на город. Потребовали сдаться. Тогда он притворился, что перепугался, и пообещал, что сдаст город на следующее утро без боя, и даже прислал сарацинам припасов, чтобы подтвердить свои добрые намерения. Однако, среди прочего, он умышленно послал слишком много вина, и сарацины перепились. В ту ночь защитники города ворвались в сарацинский лагерь и перебили всех до единого. Он предстал перед басилевсом с мешком и вывалил из него целую гору сарацинских носов и ушей. Император тут же повесил

его до должности полководца. С тех пор он не проиграл ни единой битвы. Это блестящий тактик, и его войско пойдет за ним куда угодно.

- Он очень похож на Харальда, - сказал я. - И этот образцовый полководец возглавит поход в Италию?

- Только сухопутные силы, - ответила Пелагея. - Моя сестра - она ведь работает в женской части дворца - говорит, что морские силы возглавит зять Иоанна, Стефан. Это обычное дело. Дворец никому не доверяет настолько, чтобы поручить кому-то одному все дело, и никого не наделяет полной властью.

- А как зовут этого полководца?

- Георгиос Маниакес, - ответила она.

К моему удивлению, орфанотроп как будто забыл обо мне. Я ожидал вызова и думал, что придется докладывать о поведении Харальда в Святой Земле, однако такового не последовало, но поскольку мне продолжали выплачивать жалованье гвардейца - а я договорился, что получать и хранить деньги будет Пелагея, - я решил, что должен продолжать выполнять обязанности, возложенные на меня орфанотропом. Вне всяких сомнений, у него хватало более важных дел, ибо здоровье басилевса, несмотря на всю его лихорадочную благочестивую деятельность, не показывало признаков улучшения. Настоящая власть все больше и больше переходила в руки человека, которого все называли Иоанном Евнухом.

- Тебе следует быть настороже больше прежнего, когда он тебя призовет, - предупредила меня Пелагея. - Иоанн взвалил на себя слишком много и, чтобы расслабиться, устраивает оргии, пьянствует со своими друзьями, и ведут они себя по-скотски. А на следующее утро друзьям его приходится сожалеть о том, что они сделали и сказали. Орфанотроп вызывает их для

объяснения всех вольных речей, какие они произносили ночью. Это еще один из его способов держать их в узде.

- А как относится к этому его брат, базилиус? - спросил я. - Я думал, он очень набожен.

- Набожен? Не то слово. Михаил не только послал Тирдату в Святую Землю, он осыпает золотом женские и мужские монастыри по всему Константинополю. Он тратит огромные суммы на храм Косьмы и Дамиана, что стоит в восточной части города. Там все перестраивают. Будут новые часовни, рядом - монастырь, полы из наилучшего мрамора, стены с фресками. Как-нибудь сходи посмотри. Базилиус надеется, что эти пожертвования принесут ему исцеление, потому как Косьма и Дамиан оба были врачами прежде, чем стали мучениками. Их звали Бессребрениками, они никогда не брали денег за лечение, в отличие от врачей в этом городе, а уж я-то их знаю. Но это еще не все. Базилиус содержит новый городской приют для нищих и задумал спасти души всех блудниц в столице. Он строит великолепный женский монастырь, и глашатаи ходят по улицам, объявляя, что когда здание будет готово, любая блудница, желающая стать монахиней, будет в него принята. Ясное дело, монастырь этот будет во имя святой Пелагеи.

Тагмата выступила в поход спустя неделю после того, как мы, приверженцы исконной веры в отряде Харальда, отпраздновали Йоль, а христиане - Рождество их бога. Я наблюдал за этим упорядоченным исходом войск, и, должен признаться, на меня произвел впечатление разумный его порядок. Первыми вышли из столицы отряды с тяжелым оружием, ибо двигались они медленнее прочих. Огненные машины, дальнобойные стрелометы и баллисты, имеющие очертания огромных самострелов, были разобраны, и повозки, груженные ими, со скрипом выехали из города через западные ворота. Отсюда они начали свой долгий сухопутный

переход в Диррахий, где их погрузят на корабли и перевезут в Италию. Когда половина колонны растянулась по дороге, об этом сообщили по цепочке сигнальных постов, и полки легкой пехоты, пращников и лучников двинулись следом. Все делалось точно и последовательно. Отрядам лучников были приданы мастера-лучники, а пехоте – оружейники, дабы чинить или заменять оружие на походе. Отряд огнеметателей сопровождался конным отрядом для защиты повозок с боеприпасами – таинственными составами для этого секретного оружия. И разумеется, у каждого отряда имелась собственная полевая кухня, а где-то в середине колонны двигались военные лекари с ящиками хирургических инструментов и лекарств.

Тяжелая пехота и кавалерия в доспехах вышли последними. Сам басилевс присутствовал на церемонии их исхода. Это было блестящее зрелище. Четыре дворцовых полка вынесли свои боевые знамена из церкви святого Стефана и церкви Господа, где их освятили священники, затем строем двинулись по Триумфальной. Впереди шли тяжелые конники, и разноцветные флажки трепетали на концах их пик. Каждый воин поверх доспехов был в подбитом ватой кожухе из толстого войлока, а каждая лошадь защищена попоной из жесткой кожи и кольчугой на груди. Вид их устрашал. Замыкал же шествие мой бывший полк дворцовой гвардии, они шли пешим ходом, окружив басилевса на боевом коне. Им предстояло проследовать только до Золотых Ворот, где император простится со своими войсками, после чего дворцовая гвардия вернется с басилевсом во дворец и там продолжит выполнять свои обязанности.

Сам же Михаил имел вид нездоровый, лицо его посерело от усталости и странно распухло. Я вспомнил, как выглядел его предшественник, убиенный Роман, во время похорон, когда гвардия в последний раз

сопровождала его по Триумфальной улице. Тогда вокруг царила почти полная тишина. Теперь же, когда имперская армия отправлялась в поход, звучала музыка. Единственный раз в своей жизни я слышал походный оркестр – барабаны, дудки и лиры – и в то же время задавался вопросом, не повторяется ли история на моих глазах, и не опаивают ли басилевса Михаила медленной отравой в ходе какой-то запутанной придворной каверзы.

Неделю спустя я отправился в Италию морем с Харальдом и его дружиной. Норвежцам Харальда было вновь назначено служить на море, может быть, в награду, каковую они заслужили в борьбе с пиратами, а может быть, и в наказание за их норвежскую строптивость и неподчинение воинским уставам. В итоге все последующие два года нас держали на вторых ролях в войне, целью которой было вернуть бывшую жемчужину империи – замечательный остров Сицилия.

Нашими врагами были сарацины из Северной Африки. Более века, с тех пор, как они разгромили греческую армию, сарацины правили островом. Они превратили Палермо в свою великолепную столицу и совершали с острова набеги на имперские провинции южной Италии, и, разумеется, их корабли угрожали морским путям империи. И вот басилевс решил изгнать сарацин и вернуть Сицилию под свою руку.

Вторжение началось через Мессинский пролив. Дружине Харальда назначено было прикрывать южное крыло тагматы, так что я стал очевидцем искусности имперского войска. Легкая кавалерия готовилась к делу несколько недель, и наступление прошло безупречно. Они прибыли на место высадки на специально выстроенных грузовых кораблях вскоре после рассвета. Впереди шли три дромона с лучниками – корабли эти с малой осадкой не страшились мелей и, плавая вдоль

берега, стрельбой отгоняли сарацинскую конницу, пытавшуюся помешать высадке. Когда грузовое судно коснулось отмели, моряки спустили паруса, и всадники, уже в седле, зацокали по сходням. Они прошлепали по воде, построились и атаковали берег. Сарацины повернулись и бежали. В последующие десять дней корабли, большие и малые, грузовые и боевые, непрестанно сновали туда и обратно через пролив, перевозя войска и припасы, и очень скоро десятитысячная имперская тагмата уже стояла на сицилийской земле.

Сам Маниакес прибыл на четвертый день. И в этом он показал себя искусным военачальником – он полагал неуместным выказывать свою доблесть и лично возглавить передовые отряды. Со своими советниками он сошел на берег только тогда, когда главная ставка и шатер были вполне готовы принять его. Там-то на военном совете старших военачальников я и увидел его впервые.

Порою боги, я в этом уверен, шутят над нами шутки. Себе на забаву они ставят людей в положение, каковое, когда бы не они, показалось бы немыслимым. Тирдат говорил мне, что древние боги греков поступали так же и с удовольствием наблюдали, что же из этого выйдет. Встреча Харальда из Норвегии и Георгиоса Маниакеса была одним из таких совпадений, каковые обычно называют случайностью, но я-то уверен, что это боги озорничают. Иначе, спрашиваю я, как могли сойтись и оказаться рядом два человека столь схожих, при том, что каждый из них столь своеобразен и неповторим. Харальд, я уже говорил, был великаном, на пол головы выше своих товарищей, надменен, неукротим и хищен. Он вселял страх в тех, на кого гневался, и по природе своей был вожаком. Георгиос Маниакес был точно таким же. Тоже необычайно высокого роста, почти великан-людоед с мощным телом, мощным голосом и

грозным взглядом, заставляющим людей дрожать. Он был столь же властен и господствовал над окружением. Когда в шатре имперской ставки эти два человека впервые сошлись лицом к лицу, казалось, что больше в ней нет никого. Они возвышались над всеми остальными. И каждый из них даже представить себе не мог, что встретит человека столь похожего на себя, хотя один был белокур, а другой темноволос. Сначала момент удивления, затем молчаливый обмен взглядами – оба оценивали друг друга. Все это видели. И стало ясно, что они заключили временное перемирие. Вот так же два крупных лося, встретившись в лесу, застывают на месте, глядя один на другого, а потом осторожно обходят друг друга, не бросая вызова, но и не уступая дороги.

Дружине Харальда, как было подтверждено на совете, предстояло плавать вдоль побережья Сицилии и совершать отвлекающие набеги на сарацинские поселения с целью удерживать местных сарацинских военачальников от посылки подкрепления эмиру, который, как предполагалось, соберет свои силы вблизи Палермо и двинется на запад, надеясь сбросить имперскую армию в море. Чтобы предупредить это наступление, Маниакес решил вести войска в глубь острова и захватить большак, связывающий Палермо с богатыми городами восточного побережья. Как только большак будет захвачен, Маниакес повернет на юг и пойдет на Катанию и Августу, а главная цель – Сиракузы.

Боги устроили еще одно совпадение в тот день, предварявшее в некотором роде то, что ожидало меня и Харальда в будущем. Харальд, Халльдор и я выходили из шатра совета, когда увидели идущих в нашу сторону пеших воинов. Их было четверо или пятеро. Издали они походили на норвежцев. И поначалу мы приняли их за варягов; они и были варягами по телосложению и

манерам. Мы решили, что это наемники, недавно прибывшие из Киева или из земель русов. Когда же они приблизились, обнаружили отличия. Во-первых, они были чисто выбриты, что необычно. Во-вторых, их оружие и доспехи не совсем схожи с нашими – длинные мечи вместо секир, остроконечные шлемы, почти как у нас, зато кольчужные рубахи длиннее, а подолы кольчуг разрезаны посередине. Еще мгновение, и стало ясно, что это – доспехи воинов-всадников, а не мореходов. Мы смотрели друг на друга в полном замешательстве.

– Приветствую! Из какого вы отряда? – крикнул Халльдор по-норвежски.

Незнакомцы стояли и смотрели на нас. Очевидно, они не поняли вопроса Халльдора. Один из них ответил на языке, каковой я узнал по звучанию и окончаниям. Однако говор их я понимал с трудом. Иные слова казались знакомыми, но общий смысл сказанного ускользал. Я призвал на помощь латынь, выученную подростком в ирландском монастыре, и повторил вопрос Халльдора. На этот раз один из незнакомцев понял.

– Мы едем верхом из Эрве, – медленно проговорил он. – А вы?

– Наш предводитель – Харальд из Норвегии. Мы поступили на службу в армию басилевса.

– Мы тоже служим басилевсу, – отозвался воин. – Они называют нас франками.

Мне стало ясно: эти люди – наемники из Франкии, но не из срединного королевства. Они говорят на франкском языке, но с северным произношением. Это потомки викингов, несколько поколений назад они обосновались в землях Норманнии, и потому показались нам столь знакомыми. Они прослыли доблестными воинами-всадниками и продают свои услуги тому, кто предложит лучшую цену. В то время как наш,

варяжский, путь проходит по рекам и морю, франки приезжают по суше, тоже ища удачи на императорской службе. Тут и главная разница между нами: варяги стремятся разбогатеть и вернуться домой; люди же из Норманнии – или из Нормандии, как говорят они сами – предпочитают осесть на землях, ими завоеванных.

Маниакес взял франкских наемников с собой внутрь острова, и они оправдали свою воинскую славу, когда силы эмира попытались остановить Маниакеса. После этого автократор начал свой долгий, трудный поход, отвоевывая города Сицилии. Армия упорно продвигалась вдоль берега, осаждая один город за другим и терпеливо дожидаясь, когда они падут. Маниакес не желал рисковать, а в Харальде и его людях росло недовольство. Норвежцы вступили в армию басилевса, надеясь на нечто большее, чем годовое жалованье в девять номизм: они жаждали добычи. Но добыча была скудна, и что еще хуже, люди Харальда получали меньшую долю, когда армейские счетоводы делили трофеи, ибо норвежцы считались приписанными к флоту под начальством Стефана, зятя орфанотропа, а не к основным силам Маниакеса. Шла вторая весна войны, и Харальд по-настоящему забеспокоился.

Тогда мы осаждали Сиракузы. Городские укрепления оказались необычайно мощными, городское ополчение – многочисленным и умело направляемым. Двенадцать легких галер Харальда должны были занять просторную гавань с тем, чтобы с моря к защитникам не поступало никакого подкрепления, и чтобы ни единый гонец, посланный за помощью, не мог проскользнуть мимо них. С наших кораблей мы слышали звуки военных труб – это Маниакес расставлял свои полки на стороне, обращенной к берегу, и видели, как булыжники и огненные стрелы перелетали через стены в город. Мы даже заметили верхушку осадной башни, когда ее выдвинули вперед. Но стены Сиракуз

оставались неприступны уже более тысячи лет, и мы сомневались, что Маниакес сможет взять эту твердыню, разве что после многих месяцев осады.

Однажды к нам прибыл ученый механик. Его привезли на гребной лодке, и он поднялся на борт корабля Харальда.

Как обычно, меня вызвали в качестве толмача, и когда механик поднялся на борт, мне почудилось в этом человеке что-то знакомое.

- Разрешите представиться, - сказал он. - Меня зовут Никифор, я из механиков тагматы, мастер осадного дела. С вашего разрешения мне хотелось бы выяснить, можно ли здесь поставить плавучую осадную башню.

- Что для этого требуется? - спросил я.

- Я должен понять, можно ли, связав борт о борт две или три ваших галеры, получить плот, который послужил бы основанием для башни, которую потом можно будет подвести под стены города.

Я перевел его просьбу Харальду, и тот дал согласие. Механик достал восковую дощечку и стал делать чертежи и подсчеты, и тут я понял, кого он мне напоминает.

- Случайно, не знаком ли ты с Тирдатом, зодчим?

Инженер широко улыбнулся и кивнул.

- Еще бы мне его не знать - всю жизнь мы прожили рядом. Мы двоюродные братья и учились вместе. Он учился строить, а я - разрушать.

- А я ездил в Тирдатом в Святую Землю, - сказал я.

- Вот оно что. Ты, стало быть, Торгильс. Тирдат прозвал тебя «образованным варягом». Он не раз рассказывал о тебе. Очень рад с тобой познакомиться. Мы еще поговорим, когда я покончу со своей арифметикой.

В конце концов Никифор подсчитал, что ширины и устойчивости плота может не хватить для плавучей

осадной башни и есть опасность, что сооружение опрокинется.

- Жаль, - вздохнул он. - Мне бы хотелось придумать что-нибудь новенькое и пойти по стопам великого мастера из Сиракуз.

- А кто это? - полюбопытствовал я.

- Архимед, разумеется. Великий изобретатель и механик. Он создавал махины и устройства для защиты Сиракуз от римлян. Подъемными махинами он поднимал их корабли из воды, и они разваливались на части, обрушивал камни на них и топил, и даже с помощью какой-то разновидности сферических зеркал, вроде наших сигнальных, поджигал их. Впрочем, это его не спасло, он был убит, когда город пал. Но Архимед - герой для всякого, кто изучает искусство осады и науку о защитных сооружениях, о том, как брать города и защищать их.

- Вот уж не думал, что твое дело требует стольких знаний.

- погоди, - воскликнул Никифор, - я еще покажу тебе, скольких знаний оно требует! Только бы твой предводитель отпустил тебя на пару дней. Отправишься со мной на сушу, на ту сторону города, и увидишь, как действует военная механика.

Харальд согласился отпустить меня, и в следующие несколько дней я удостоился чести наблюдать за работой Никифора. Выяснилось, что он скромно умолчал о своей должности. На самом же деле, он был главным механиком тагматы и отвечал за создание и работу всего тяжелого вооружения у стен Сиракуз.

- Заметь, что эти коловороты направлены под небольшим углом кверху. Так они действуют лучше, - говорил он, водя меня вокруг сооружения, похожего на крепкий деревянный навес, поставленный на колеса. Внутри находились разные зубцы и блоки, связанные с неким инструментом, подобным тому, каким судовые

плотники сверлят отверстия, только инструмент этот был гораздо больше. – Навес подталкивают к основанию городской стены, крыша служит защитой от камней и прочих снарядов, каковые мечут сверху защитники. Коловорот просверливает отверстия в городской стене, которые затем набивают горючим материалом и поджигают. Раскаленный камень охлаждают – для этого лучше всего подходит моча – и камень растрескивается. Коль отверстий просверлено достаточно много и образовалось достаточно трещин, стена в конце концов рухнет.

– А не безопаснее ли и не легче ли прокопать подземный ход под основанием стены так, чтобы она рухнула? – спросил я.

Никифор кивнул.

– Тирдат прав. Тебе следовало бы стать механиком. Будь у армейских механиков девиз, он звучал бы так: «Подкапывай, подпирай и поджигай». Сделай подкоп под стену, своды его укрепи деревянными подпорами, а уходя, подожги эти подпоры, после чего жди, когда стена рухнет. Беда в том, что на подкоп требуется время, и нередко враг копает встречные ходы, устраивает подкопщикам засаду и убивает их, как крыс в водосточной канаве.

– Потому ли ты предпочитаешь строить осадную башню? – спросил я. – Мы видели ее верхушку с наших кораблей. И слышали звуки труб.

Никифор покачал головой.

– То была всего лишь уловка. Башню мы построили на скорую руку, только для видимости. В начале осады имеет смысл нашуметь как можно больше. Пусть враг думает, что войско у тебя многочисленнее, чем на самом деле. Устраивай ложные атаки, не давай врагу передышки. Таким образом ты приведешь его в уныние, и что важнее, сможешь увидеть, как он отвечает на

каждый ложный выпад, насколько организован, каковы сильные стороны в его обороне, а где в ней прорехи.

Потом он показал мне настоящую осадную башню, каковую еще только строил. Сооружение это уже выглядело грандиозным. В конечном счете оно станет выше городских стен, пояснил Никифор, и настил на самом верхнем уровне, когда его опустят, образует мост, а ударный отряд по нему перейдет прямо к стене с бойницами.

- Вот работа как раз для твоих варягов, вооруженных секирами, - добавил он с усмешкой. - Но чтобы достроить башню, потребуется еще не одна неделя. Как видишь, я успел собрать только остов. Надо настелить пол на среднем уровне, где я намереваюсь разместить отряд метателей огня, а снаружи все следует обшить сырыми бычьими шкурами. Ведь сарацины примут свои меры, они, полагаю, как только мы приблизимся к стене, попытаются поджечь башню снарядами из горячей смолы или нефти. Я же задумал приладить к башне сеть труб с тем, чтобы мои люди, стоящие на самом верху с бочками воды, могли направить поток воды в нужное место и сбить пламя, коль башня загорится.

- Но в таком случае башня станет слишком тяжелой, ее трудно будет двигать? - возразил я.

- Да, это всегдашняя трудность, - согласился Никифор. - Но пользуясь рычагами и имея достаточное количество людей, мы все-таки сможем медленно продвигать ее вперед. Главное, что меня заботит, это то, что сарацины успеют подготовить западню, и башня опрокинется прежде, чем окажется на месте.

Мы уже поднялись по нескольким строительным лестницам и теперь стояли на опасной высоте - на верхней поперечине осадной башни.

- Видишь, вон там? - указал Никифор. - Тот ровный гладкий подступ к городской стене? Похоже, это

лучшее место для башни, когда мы пойдем на приступ. Но у меня есть подозрения. Слишком уж заманчиво это место. Полагаю, защитники зарыли где-то там большой глиняный кувшин. Земля там достаточно плотная, пеших и всадников она выдержит, но коль скоро на то место накатить башню, амфора треснет, и земля провалится. Тогда башня накренится и упадет, и мало того, что погибнут люди, - наши многодневные труды пропадут втуне.

Однако сарацины не стали ждать, когда сработает их подземная западня, буде таковая имелась. Пока мы с Никифором стояли на недостроенной осадной башне, глядя сверху на подозрительный участок, труба пропела тревогу. Зоркий часовой заметил, что бронзовые ворота Сиракуз начали медленно открываться. Еще несколько мгновений - и проем расширился настолько, что через него смог выехать отряд конников. Их было по меньшей мере четыре десятка, и, похоже, они надеялись застигнуть имперские войска врасплох, явившись столь неожиданно. Им это почти удалось.

В имперском стане запела еще одна труба, и еще, и с каждым разом все тревожнее. Снизу до нас доносились крики и приказания, и отряд греческой тяжелой пехоты подбежал к основанию башни. Это были менаваты, копейщики, вооруженные особенными длинными пиками для отражения конницы, их, должно быть, держали наготове именно для такого случая. Они выстроились вокруг основания башни и опустили свои пики, создав защитную изгородь, ибо теперь стало ясно, что именно осадная башня была целью вылазки сарацин.

Предводитель нападающих сразу бросался в глаза. Поверх кольчуги на нем был плащ с зеленым и белым узором, и шарфом того же цвета повязан был шлем, он реял по ветру, когда всадник галопом мчался вперед.

Само великолепие его скакуна, гнедого жеребца, четко выделяло его среди его людей, и он кричал им, призывая, следовать за ним. Даже стойкие копейщики дрогнули под столь уверенным натиском. Наездник вклинился в прорыв между копьями. Двойным умелым поворотом своего ятагана – сначала ударом справа, а потом назад – он зарубил двоих наших, прежде чем конь, ловко повернувшись, не унес его благополучно прочь.

Увидев, что осадная башня уже защищена, большая часть наступающих изменила направление удара и помчалась к рядам пехоты, где легко вооруженные воины вылезали из своих палаток, поспешно надевая латы и шлемы. Сарацины успели проскакать среди них, сразив около дюжины наших людей, развернуться и направиться вспять к городским воротам.

Вся эта вылазка длилась очень недолго. Имперские конники не успели ничего предпринять, за исключением одного человека. Сарацины уже были готовы проскользнуть обратно в городские ворота, когда одинокий всадник выехал из нашего стана. На нем была кольчуга и шлем, он сидел на самой обыкновенной лошади, которая, даже скачи он во весь опор, никогда не настигла бы удаляющихся сарацин. Но он выкрикнул вызов, и одетый в зеленое предводитель, должно быть, услышал его крик, ибо обернулся через плечо и повернул своего жеребца. Затем сарацин застыл на месте, лицом к пославшему вызов. Оценив расстояние, дабы не промахнуться, он пришпорил своего скакуна, и он ринулся вперед.

Лошадь и всадник были великолепны. В левой руке сарацин держал маленький круглый щит, а в правой – ятаган. Пренебрегая поводьями, он правил лошадью при помощи одних только коленей и мчался навстречу противнику. В последний момент он подался вперед в седле и слегка переместил тело вбок. Жеребец в ответ

изменил шаг и промчался мимо лошади противника, так что она отшатнулась и чуть не сбросила седока. В тот же момент сарацин махнул ятаганом. Только по случайности удар был принят на длинный щит, бывший в руках у противника.

С запозданием я понял, что человек, бросивший вызов сарацину, – один из франкских наемников. Громоздко и неуклюже он выглядел на своей лошади, и оружием ему служил длинный стальной меч, а не тяжелая булава имперского конника. Едва сарацин проскакал мимо, как его резвый жеребец тут же развернулся и мгновение спустя галопом вновь помчался на франка. И снова ятаган разрезал воздух, и франк только и успел, что поднять меч и отразить удар.

Теперь уже на стенах Сиракуз стояли ряды зрителей, глядевших на неравный поединок и оглашавших воздух ободряющими криками, а под стенами, внизу, наше войско смотрело и ждало неизбежного конца. Сарацин тешил зрителей. Он играл с франкским всадником, налетал, нанося ложные удары ятаганом, проскакивал мимо, поворачивал и снова налетал галопом. Приземистый франк уже и не пытался воспользоваться прытью своей лошади. Он только и мог, что натягивать поводья, стараясь повернуть ее так, чтобы вовремя стать лицом к противнику.

Наконец сарацину, судя по всему, надоело забавляться, и, отъехав немного дальше прежнего, он повернулся и с криком торжества бросился на свою жертву. Ятаган нацелен, готов разить, но вдруг франк резко откинулся назад на круп лошади. Удар сарацина рассек пустой воздух, и в этот миг франк приподнял свой тяжелый меч. Это был безобразный, не изящный удар, нанесенный вытянутой вдоль земли рукой, и к тому же человеком, почти лежащим на крестце своего коня. Это был неловкий режущий мах, требующий необыкновенной силы. Длинный клинок просвистел над

ушами мчащегося жеребца и ударил всадника прямо в живот, почти разрубив сарацина надвое. Плащ в зелено-белую полоску обмотался вокруг клинка, сарацин сложился пополам, силой удара его выбило из седла, и тело, рухнув на землю, замерло. Шлем с зелено-белым шарфом покотился по ровной площадке.

На мгновение воцарилось молчание, а потом стан имперской армии разразился громкими криками. Жеребец, сбитый с толку внезапным исчезновением всадника, заржал и повернул туда, где лежало тело его хозяина, понюхал его и быстро затрусил к воротам города, открытым для него. Франк без единого слова или жеста тяжело поехал обратно к своим.

За этот подвиг его прозвали Железной Рукой, *Fer de Bras* – так это звучит на его франкском языке. Противник же его, как потом выяснилось, был весьма знатным человеком в Сиракузах. Его поражение в поединке сильно подорвало боевой дух защитников города, а рядовые воины греческой армии с тех пор стали со все большим уважением относиться к дюжим и неразговорчивым наемникам из Норманнии.

Глава 6

Однако недолго праздновала армия Маниакеса эту победу. Стало известно, что сарацины собираются во внутренней Сицилии, готовясь к походу на Сиракузы для снятия осады. Эту новую армию возглавил другой эмир, и он был опасен. Абдалла, сын правителя Кайруна, прибрежного города в Ливии, перевез несколько тысяч закаленных воинов через Великое море, и наши лазутчики доносили, что численность его армии вскоре дойдет до двадцати тысяч и более, ибо ежедневно к нему прибывают все новые и новые воины.

Маниакес действовал с присущей ему решимостью. Он приказал готовиться к маршу, но лагерь не сворачивать. Каждая часть должна была оставить на месте какое-то число людей, чтобы казалось, будто осада продолжается. Им велено было быть на виду, насколько это возможно, разводить костры для приготовления пищи, выставлять часовых и вести обычный образ жизни. В то же время механикам и баллистариям приказано было постоянно метать снаряды, а франкским наемникам из Норманнии – на всякий случай держаться поблизости и не допускать новых вылазок из города. Наши корабли в гавани остались без людей. Малое число их, переходя с одного корабля на другой, создавало видимость, что с моря осада держится. Харальд оставил этих немногих под началом Халльдора, а сам с двумястами варягами – среди них был и я – присоединился к поспешающей армии, которую Маниакес повел внутрь острова, покинув лагерь ночью.

Неделю мы шли ускоренным шагом по сухой и пыльной местности, пока не подошли с запада к огнедышащей горе, напомнившей мне об Исландии, где

боги в гневе вот так же извергают расплавленный камень из недр земли. Здесь эмир устроил и укрепил свой основной лагерь. Он, очевидно, был предупрежден о нашем приближении, ибо к нашему приходу сарацины уже укрылись за своими защитными сооружениями и заперли ворота.

Абдалла хорошо выбрал место. Позади лагеря и по обеим его сторонам земля поднималась уступами, и оттуда прямых подходов к крепости не было. Перед ней же открытое пространство спускалось к реке, достаточно мелкой, чтобы ее можно было перейти вброд. На другом берегу пологий склон поднимался к невысокому хребту – там-то Маниакес и расположил свою ставку, лицом к сарацинам. И там я стал очевидцем, как военный гений Маниакеса обратил явные преимущества Абдаллы против него.

Объяснение происходящему я получал от Никифора. Обнаружив механика в этом походе, я пришел в недоумение, ибо его тяжелое снаряжение было слишком громоздким, чтобы его можно было унести на себе. Когда я сказал ему об этом, Никифор усмехнулся и бодро ответил:

– То, что понадобится для дела, мы как-нибудь отыщем на месте.

И вот, стоя в ожидании у шатра Маниакеса, я увидел, что механик работает за столом, и подошел посмотреть, чем он занят. Он изготовил изображение лагеря Абдаллы и окружающей его местности из мягкой глины на песчаной площадке.

– Привет, Торгильс, – поздоровался он со мной. – Как видишь, я не всегда разрушаю, могу кое-что и построить, но обычно в миниатюре. Вот здесь наш стратег даст сражение.

– Ты и Тирдат – одного поля ягоды, – усмехнулся я. – В Святой Земле Тирдат дольше рассматривал модель Золотого храма, чем сам храм.

- Нет, нет, я говорю серьезно. Победа на поле боя часто зависит от правильного выбора времени и места, особенно, когда враг столь любезен, что заперся и позволяет нам действовать по нашему усмотрению. Видишь эти маленькие цветные пометки? Они изображают наши силы. Серые метки - легкая пехота, оранжевые - лучники и пращники, желтые - тяжелая пехота, а красные - катафракты, наша конница в доспехах. Обрати внимание, половина красных меток расположена в этой низине, там, где их не видно с сарацинских наблюдательных постов. Потом, когда мы добудем побольше сведений, я добавлю метки и для сарацинских войск.

- Как же это возможно? Ведь войска сарацин находятся за стенами?

Никифор подмигнул.

- Надолго от нас не спрячешься. Это всего лишь деревянный палисад, а не высокая городская стена. Обернись.

Я повернулся и увидел, что из земли растет какое-то необыкновенное сооружение. Похожее на корабельную мачту, только много, много выше любой мачты, какую можно вообразить. Мачту эту удерживала сложная сеть веревок и шестов.

- Сделано на скорую руку, - признался Никифор. - Видны стыки там, где моим людям пришлось скреплять части. Но работать будет. Представь себе, что это огромная уда для рыбной ловли, только вылавливать ею мы будем сведения.

- Как это называется? - спросил я.

- Разведочный шест, - сказал он, - но это всего лишь нижняя часть. Верхушку мы поднимем потом и укрепим ее растяжками из скрученного конского волоса. Наверху будет колесо, и мы сможем поднять туда нашего наблюдателя. Разумеется, не самого тяжелого человека в войске. Но он должен знать сигнальную

книгу и, хорошенько оглядев лагерь сарацин, сигналами передать нам сообщения. Наши лазутчики уже сообщили, что Абдалла ожидает удара спереди. Его люди утыкали землю перед главными воротами шипами, надеясь, что наша конница охромеет. Он знает, что катафракты – наша главная сила.

Следующие четыре дня мы провели в ожидании перед лагерем сарацин, а Никифор с помощниками размещали новые цветные метки на песчаном столе в соответствии со сведениями, полученными от наблюдателей. Каждый раз, когда они это делали, Маниакес со своими советниками пересматривал планы. Они двигали метки взад-вперед, обсуждали различные варианты передвижения и выслушивали донесения от лазутчиков. Дважды в день начальники полков получали свежие сведения о противнике, и, глядя на них, столпившихся у стола, я вскоре стал различать их самих. Пехотинцы – в хлопчатобумажных стеганых кафтанах до колен и железных наголенниках, а конники – в кольчугах либо в кожаных куртках с нашитыми на них железными пластинами. Знаками отличия служили ленты из золота, серебра или меди, носимые на обеих руках. Имперские полки набирались из множества разных стран и говорили по меньшей мере на стольких же языках, но все были обучены по единому военному образцу. Полководцы внимательно следили за передвижениями значков, и было ясно, что каждый в точности понимает, чего от него ждут. Я же думал о том, какой беспорядочной и своевольной по сравнению с ними должна казаться наша норвежская рать, и понял, почему Харальда с его людьми поставили на то место, где они будут под прямым присмотром самого стратега.

На пятый день Абдалла первым вызвал нас на битву. Наверное, понадеялся на свое численное превосходство и, может быть, все еще полагал, что нашу конницу

покалечат железные шипы, воткнутые на поле боя. И не знал того, что под покровом темноты наши лазутчики выдернули эти острия и что половина тяжелой конницы Маниакеса скрыта за хребтом, где армейские кузнецы заново подковали всех лошадей плоскими железными пластинами, дабы защитить копыта. И не было у эмира преимущества внезапности. За несколько часов до того, как армия сарацин начала выходить из стен, наш наблюдатель с разведочного шеста дал флажком предупредительный знак, и имперская легкая конница приготовилась помешать сарацинам выстроиться.

Стоя рядом с шатром Маниакеса в ожидании приказа, каковой я должен передать Харальду и варягам, я видел, как наши скорпионы – так называл их Никифор – начали метать камни и железные болты в ряды противника. Эти скорпионы были малыми метательными орудиями – стоящие на треножниках и бьющие на большое расстояние самострелы, достаточно легкие для того, чтобы их нести на походе. В промежутках между совершаемыми всеми одновременно выстрелами волна за волной вперед выходила легкая конница. Один отряд за другим легким галопом подъезжал к противнику на расстояние выстрела, потом все разом дважды выпускали тучу стрел, после чего отряд разворачивался, и напоследок всадники, повернувшись в седлах, выстреливали в третий раз.

– Наша армия научилась этому приему много поколений тому назад, на восточной границе, воюя с персами. Таким образом число выпущенных стрел утраивается, – заметил Никифор.

На мой взгляд, это больше походило на военную игру, чем на серьезную битву, но в рядах сарацин люди падали, когда их настигал очередной ливень стрел, и я видел, что строй их стал рушиться.

- Гляди, Торгильс, - добавил Никифор, - и ты увидишь, что одна треть легкой конницы насаждает на противника, другая готовится к новой атаке, и еще одна треть в тылу занимается ранеными либо отдыхает.

В пятидесяти шагах позади каждого конного отряда ехали восемь человек. У них не было никакого оружия, кроме коротких мечей. Как только они видели упавшего с лошади всадника, один из них пускал лошадь во весь опор, дабы подобрать упавшего, и тот, протянув руку, хватался за предплечье всадника, одновременно ставя ногу в третье стремя, висящее позади седла спасателя. Одним четким движением упавшего конника поднимали с земли, и два человека мчались обратно в тыл, где всадник получал новую лошадь. Это мне понравилось, ибо из пяти всадников, потерявших скакунов, коих поразили сарацинские стрелы, четверо успевали вернуться в свой отряд прежде, чем тот вновь выдвигался вперед. За исключением, разумеется, тех, кто сам был ранен. Однако их не бросали. Их отвозили туда, где врачи армии Маниакеса развернули походную больницу, за хребтом, где противник не мог их видеть.

Все это время Маниакес, наблюдая за схваткой, не покидал своего места у шатра на гребне хребта. Армия растянулась в линию вдоль склона холма, лицом к силам Абдаллы, стоящим на противоположной стороне неглубокой лощины. Сарацины, пятась от повторных обстрелов имперской конницы, никак не могли выстроиться. А из ворот крепости выходили все новые и новые отряды, и пространство перед палисадом заполнилось так, что воинам, стоящим слишком тесно, нигде было развернуться. По большей части то были пехотинцы - видимо, Абдалла не смог привести с собой из Африки достаточно конницы. И слишком много там было новобранцев из крестьян, судя по тому, что вооружены они были лишь маленькими мечами и щитами, а вместо шлемов имели кожаные шапки. Было

видно, как сарацинские начальники пытаются выстроить своих людей в правильные ряды, подталкивая и распахивая их в надежде навести хоть какой-то порядок. Тем временем имперское войско стояло спокойно, полк за полком, почти не двигаясь, а военачальники смотрели на сигнальщиков Маниакеса, ожидая приказа. Я ничего не знал о плане сражения, и учитывая превосходящую численность сарацин, не понимал, что задумал Маниакес.

Мне так и не удалось узнать, каков был тот план, поскольку в дело вмешались боги. Я уже говорил, что к месту битвы мы шли через сухие и пыльные земли, прожаренные летним солнцем. Почва под ногами была сыпучей – почти песок. Я ждал приказа Маниакеса и вдруг почувствовал дуновение ветерка – пыль закрутилась у моих ног. Оглянувшись, я увидел, что приближается буря, накатываясь с далеких склонов раскаленных гор через иссушенную местность. Вихрь гнал перед собой облако мелкой пыли. Должно быть, Маниакес заметил начало пыльной бури почти в тот же момент – он что-то сказал своему приближенному, тот, вынув восковую табличку, что-то начертал на ней, после чего отдал табличку коннику, а тот помчался галопом в тыл, к спрятанной там тяжелой коннице. Через мгновение сигнальщики Маниакеса уже махали флажками, посылали приказы пехоте. Два полка тяжелой пехоты, стоявшие лицом к середине вражеской армии, разошлись на пятьдесят шагов в стороны, создав между собой проход.

Оглянувшись на силы сарацин, я увидел, что сам Абдалла уже выехал из лагеря. Кучка зеленых и желтых стягов поднялась над тем местом, где, судя по всему, стоял он со своими военачальниками. А расположились они прямо против прохода, образованного раздвинувшимися полками нашей тяжелой пехоты.

Ветер взъерошил волосы у меня на затылке. Захлопали полости-двери шатра. Поднялись в воздух веточки и сухие листья, и ветер донес до моего слуха странный звук: то было металлическое клацанье конских подков катафрактов, поднимающихся по склону позади нас, все еще не видимых врагу, но направляющихся прямо в проход, ведущий в средоточие армии Абдаллы.

Еще несколько мгновений – и пыльная буря накрыла нас. Песчинки сыпались мне за воротник, и горячее дыхание ветра прижимало штанины к ногам. Противник исчез из вида, скрытый серо-бурым облаком. Прозвучал горн, ему ответил второй, потом третий. По правую руку сквозь мглу я смог различить очертания тяжелой конницы, текущей плотным потоком.

И тут, столь же внезапно, как появилось, облако пыли умчалось, и воздух очистился. Впереди, на той стороне лощины, вытянутый хвост крутящейся пыли все еще застил глаза сарацинам; иные, защищаясь от нее, повернулись спиной к ветру, иные, склонив голову, закрывали лицо руками, а те, что носили тюрбаны, воспользовались ими. Все они, должно быть, услышали троекратный призыв трубы, подавшей знак имперской тяжелой коннице, и, подняв головы, увидели катафрактов, надвигающихся на них по склону подобно тем песчаным демонам, которых они так боятся, злым духам, порожденным пылью.

Катафракты – клинок имперской армии. Другой подобной конницы не существует. Тщательно отобранная и хорошо обученная, она – лучшее оружие имперской армии. Можно положиться на дворцовые полки – они будут сражаться доблестно, но они сравнительно неповоротливы на поле битвы, ибо бьются в пешем строю. Только тяжелой конницей катафрактов можно без промедления нанести сокрушительный удар по слабому месту в рядах противника. Именно это и

сделал Маниакес, вопреки военным учебникам, каковые советуют полководцам не спешить использовать катафрактов в битве. Маниакес увидел свою удачу и послал тяжелую конницу в дело в самом начале боя.

Пятьсот воинов, как сообщил мне позже Никифор, составляли в тот день отряд катафрактов. Триста тяжеловооруженных всадников, остальные – лучники. Они ехали тесным строем в виде стрелы – воины в доспехах снаружи, а в середине, под их защитой, лучники, посылавшие смертоносный ливень стрел прямо по ходу движения. Передние лошади шли осторожной трусцой – они были слишком тяжело нагружены, чтобы идти рысью или галопом. Бока и ноги их защищены длинными стеганными попонами, стальные пластины привязаны ремнями к мордам, а грудь каждой боевой лошади прикрыта кольчугой. Всадники тоже в крепкой броне – железные шлемы и толстые нательные доспехи, тяжелые рукавицы и поножи, кольчужные порты под передниками из кожи, доходящими до колен. Копья, каковые несли они на прощальном смотре в Константинополе, были парадными. Теперь же они держали в руках боевое оружие катафрактов – тяжелые булавы. Длиной в четыре фута, железные, с шестигранной головой – лучшее орудие, чтобы разить врага.

Катафракты разрубили строй сарацин, как мясницкий нож разрубает куриную тушку на колоде. Они спустились со склона, перешли через мелкую речку и врезались во вражеские ряды. Я видел, как передние воины орудовали булавами – словно били по наковальням. Острие стрелы катафрактов вонзалось все глубже и глубже в толпу противника, и тех сарацин, что не пали под градом ударов, отбрасывали в сторону лошади в доспехах. На таком расстоянии я не мог слышать криков. Многие падали и погибали под копытами лошадей. Наступление катафрактов мог бы

остановить сплоченный отряд копейщиков, но сарацины таковых не имели, а пехота была слишком легко вооружена. Настоящее сопротивление оказала лишь сарацинская конница, защищавшая своего эмира. Последовала беспорядочная схватка, сарацинские всадники отбивались мечами и пиками от безжалостного наступления орудующего булавами ударного отряда. Но напор катафрактов был слишком велик. Они глубоко вклинились в расположение сарацин, и было видно, как собранные вокруг эмира боевые стяги заколебались.

Маниакес тоже это увидел. Он выкрикнул приказ, и сигнальщики объявили об общем наступлении. Забили барабаны, ударились друг о друга военные цимбалы, и этот звук четко прозвучал над долиной. По правую руку от себя я видел поднявшиеся боевые знамена четырех дворцовых полков. За ними для ободрения людей были подняты на шестах иконы Белого Христа и его святых. Под неумолчное клацанье цимбал все войско Маниакеса – около семи тысяч человек – покатило по склону на растерянных и оставшихся без водительства сарацин. Те дрогнули и побежали. И противостояние превратилось в беспорядочное бегство. Тогда и мне было велено передать Харальду и его варягам приказ вступить в бой, но норвежцам не понадобился мой перевод. Они с криком бросились вниз по склону в сечу. Я хотел было присоединиться к ним, но Никифор удержал меня за руку и сказал тихо:

– Останься. Твое место здесь. На тот случай, если положение изменится.

Я посмотрел на Маниакеса. Он все еще стоял, внимательно глядя на смятение в стане врага и, к моему удивлению, на лице его я не заметил радости. Он словно раздумывал – не о только что выигранной битве, но о том, что будет дальше.

Через четыре часа измученные военачальники с трудом поднялись на холм, чтобы доложить о полной победе. Вышедшая из крепости армия эмира была разбита. Большая часть сарацин разбежалась, побросав оружие и укрывшись в зарослях. Остальные либо погибли, либо со смиренным видом сидели на земле, понимая, что вскоре их продадут в рабство. Мы потеряли менее ста человек убитыми и в четыре раза больше ранеными. Но Маниакес был недоволен.

- Где эмир? - с кислым видом обратился он к своим полководцам. - Катафракты должны были обезглавить противника, убив или взяв в плен их предводителя. В противном случае победа - ничто. Сарацины вновь соберутся вокруг своего вожака, и нам предстоит еще одна битва.

Маниакес круто повернулся лицом ко мне. Гнев его меня ужаснул.

- Эй, ты, - крикнул он мне, - скажи своим товарищам-северянам, что теперь им придется отработать свое жалованье! Как только мы вернемся в Сиракузы, все галеры должны выйти в море и перекрыть побережье. Нельзя позволить Абдалле уйти в Ливию. Я приказываю его захватить.

И он снова повернулся к офицерам.

- Дворцовые полки и катафракты вернутся в Сиракузы. Легкая пехота и конница должны преследовать эмира. Идите по его следу. Он должен быть где-то здесь. Я хочу покончить с этим делом навсегда.

Кто-то за моей спиной пробормотал по-норвежски:

- А как насчет нашей добычи?

Маниакес, должно быть, услышал это и понял смысл сказанного, потому что поверх моего плеча бросил ледяной взгляд на норвежцев и сказал:

- Все трофеи, снятые с мертвых тел или найденные во вражеском лагере должны быть принесены в ставку.

Там оценят их стоимость, а поделены они будут по возвращении в Сиракузы.

Сиракузы узнали о нашей победе задолго до того, как армия добралась до городских стен. Больше не надеясь на помощь со стороны Абдаллы, жители открыли городские ворота. Греческая часть населения приветствовала нас с восторгом, сарацины – со смирением. Понятно, что норвежцам Харальда не терпелось узнать, какую награду они получат после великой битвы, и мы решили, что дозорное плавание вдоль побережья подождет, пока счетоводы Маниакеса не закончат оценку. В конце концов, каждый воин в отряде Харальда получил добавочное вознаграждение в тридцать номизм – это больше, чем жалованье за три года. Но некоторые вещи были удержаны для раздачи старшим военачальникам, и это привело к открытой ссоре между Маниакесом и Эрве, вождем франкских наемников. Предметом их спора стал тот самый гнедой жеребец, что нес на себе того знатного воина, которого Железная Рука убил в поединке на глазах у всех – превосходный образец породы скакунов, каковыми славятся сарацины. Когда конюх вывел жеребца и показал Маниакесу, в толпе зрителей не нашлось бы человека, не пожелавшего владеть этим животным.

Эрве, немного говоривший по-гречески, сделал неблагоприятное предложение.

– Автократор, – сказал он, – этого коня следует отдать Железной Руке в знак признания его победы над сарацинским витязем.

Маниакес воспринял это замечание как оскорбление и посягательство на его единовластие.

– Нет, – резко возразил он. – Эта лошадь будет стоять в моей конюшне. Я оставляю ее себе.

Эрве усугубил свою ошибку.

– Это воистину несправедливо, – сказал он. – Железная Рука победил противника в честной схватке,

и по обычаю он должен получить оружие и лошадь побежденного.

Маниакес метнул на него гневный взгляд, и без того мрачное его лицо еще больше помрачнело. Они стояли, глядя друг на друга, посреди главной городской площади. С Маниакесом было несколько греческих военачальников, а с Эрве – полдюжины его наемников. Спор шел на глазах у множества свидетелей.

– Это лошадь принадлежит мне, – повторил Маниакес. Он пришел в такую ярость, что голос его стал похож на звериный рык.

Эрве открыл рот, словно собирался что-то сказать, и тут Маниакес вышел вперед и ударил наемника прямо в лицо. Маниакес, как я уже говорил, был человек огромный, настоящий великан. Удар свалил Эрве с ног, хотя франк был достаточно высок и силен, чтобы устоять перед обычным ударом. Наемник начал подниматься с земли, губы его были разбиты в кровь, но греческий стратег пнул его ногой так, что Эрве снова растянулся на земле. Маниакес тяжело дышал, глаза его горели яростью, когда он смотрел, как униженный наемник медленно встает, опираясь на двух своих людей, подбежавших помочь ему. Приближенные Маниакеса застыли, затаив дыхание, в ужасе от ярости своего предводителя. Я же вспомнил предостережение одного греческого начальника в Константинополе: новый главнокомандующий требует немедленного подчинения, «особенно от северных варваров».

Все молчали, жеребец и конюх стояли на месте, и тут, в самый опасный момент, вмешался один из наемников Эрве, сам Железная Рука. Он вышел из толпы зевак и медленно направился к лошади. На ходу он надевал на правую руку тяжелую рукавицу с металлическими пластинами. Подойдя к жеребцу, наемник принялся ласкать животное, оглаживать великолепную голову и шею, похлопывать по бокам и

теребить уши. Жеребец ответил на ласку, потянувшись своей прекрасной головой, чтобы ткнуться носом в человека. Тогда Железная Рука стал прямо перед ним, положил левую руку ему сзади на шею и щелкнул пальцами. Жеребец вздернул голову, наострив уши, глаза у него были блестящие и словно вопрошающие. В это мгновение Железная Рука поднял правую руку в латной рукавице и нанес жеребцу ужасный удар кулаком прямо между глаз. Жеребец рухнул, ноги его вытянулись, он был убит наповал. Железная Рука спокойно повернулся и пошел обратно к своим товарищам.

На другой день Эрве со всем отрядом наемников покинул Сиракузы и вернулся в Италию, не желая больше служить под началом Маниакеса.

- Какой удар получил этот человек! - заметил Халльдор. - Греческий военачальник еще пожалеет, что поссорился с франкскими наемниками.

Мы выводили наши галеры из гавани, уходили в дозор, и смерть жеребца была единственной темой наших разговоров.

- Маниакес не в духе с тех пор, как Абдалла улизнул от него. Теперь-то эмира вряд ли поймашь. У него было достаточно времени, чтобы сбежать в Ливию. Но уж коль скоро мы должны ходить вдоль берега, может быть, устроим парочку набегов по собственному почину и возьмем кое-какую добычу.

Викинговое чутье Халльдора было вознаграждено сверх самых его безумных мечтаний. Из пяти наших галер Харальд послал две на север, к Палермо, на тот случай, если эмир все еще там. Другие две галеры были посланы следить за побережьем, обращенным к Ливии, откуда эмир скорее всего и попытается бежать. Пятая же галера, галера Харальда, имела особую задачу. Мы

должны были, идя вдоль юго-восточного побережья, осматривать заливы и гавани в поисках следов сарацинских кораблей, каковые могли бы вывезти эмира с острова. Теперь, когда Абдалла оказался в бегах, мы знали, что сможем получать сведения от обитающего на побережье населения, говорящего по-гречески.

Почти неделю мы медленно шли вдоль скалистого берега, заглядывая в расщелины и гавани, расспрашивая рыбаков и не обнаруживая ничего подозрительного. Казалось, Сицилия теперь, когда эмир потерпел поражение, вновь успокоилась, и люди вернулись к своей нормальной мирной жизни. Мы прошли уже половину побережья, когда оказались у длинной отмели из белого песка, позади которой шли низкие дюны, поросшие пучками травы. Место это представлялось весьма необычным, ибо побережье, вдоль которого мы плыли дотоле, состояло из утесов и рифов. Я спросил грека-рыбака, нашего вожатого на этом участке плавания, пользуются ли этой отмелью для высадки, и тот покачал головой. Ближайшая деревня расположена вдали от берега, а рыбаки не приходят сюда, потому что рыбы здесь мало. Я перевел его ответ Харальду, и в нем мгновенно проснулось норвежское чутье хищника. Некоторое время он оглядывал берег. Ничего. Берег казался совершенно необитаемым.

- Причаливай, - приказал Харальд рулевому. - Надо бы оглядеть это место повнимательней.

Нос галеры осторожно ткнулся в песок, и с дюжину наших спрыгнули на сушу. Слышался только легкий плеск волн. Щурясь от блеска белого песка - солнце уже садилось, - мы двинулись по пляжу.

- Вы, четверо, - приказал Харальд идущим следом за ним, - осмотрите все в том направлении, вон до тех дальних кустов. Остальные - со мной.

И он двинулся к дюнам. Я шел следом, ноги тонули в мягком песке, я изо всех сил старался не отстать. Мы прошли шагов пятьдесят, как вдруг откуда-то выскочило четверо сарацин, они бросились наутек в глубь острова – до того они сидели на корточках, прячась за дюной. Они летели так, что я видел, как мелькают голые ступни. Они напоминали зайцев, обычно ждущих до последнего момента, пока охотник не наткнется на них, а потом улепетывающих в страхе. И бежали они так же быстро, как зайцы, и нечего было надеяться поймать их. Мы остановились, глядя, как они, удаляясь, становятся все меньше. Но, оказавшись на расстоянии, не доступном для самого умелого лучника, один из беглецов остановился, повернулся и стал ждать, глядя на нас. Харальд прищурил глаза, глядя на далекую фигуру.

– На что это похоже, Торгильс? – спросил он.

– Я только что подумал, господин, что скачут они быстро, как зайцы.

– Нет, не зайцы, – сказал он. – Вспомни о птицах на гнездах. Что они делают?

Я сразу же понял.

– Покидают гнездо и бегают, как приманка, надеясь отвлечь охотника от птенцов.

– Стало быть, теперь мы поищем гнездо.

Мы вовек не нашли бы гнезда, когда бы не глаза мальчишки. Его закопали в песке под нависшим кустом. Единственное, что оставалась на поверхности, это лицо, но даже оно было прикрыто легкой хлопковой тканью того же цвета, что и песок вокруг. Но ткань от дыхания мальчика слегка сползла на сторону. Я шел мимо куста, когда увидел блеск его глаз. Я тихо поманил Харальда, который обыскивал кусты в нескольких шагах от меня, он подошел и посмотрел туда, куда я указывал. Мальчик понял, что его обнаружили. Харальд протянул руку, разбросал песок и, схватив парнишку за плечо,

вытащил из укрытия. Мальчику было не больше шести-семи лет, он был худенький, с кожей, слишком светлой для сарацина, с тонкими чертами лица. Он весь дрожал от страха.

- Во имя всех святых! - воскликнул грек-рыбак, подошедший посмотреть на нашу находку. - Это же сын Абдаллы!

- Как он здесь оказался? - спросил я.

- Он ехал на лошади своего отца в тот день, когда эмир проезжал нашу деревню. Абдалла поднял его на руках, что бы показать людям и познакомить нас с нашим будущим правителем. Тут не ошибешься. Да ты взгляни-ка на его одежду. Это не крестьянский сын.

Я перевел Харальду слова рыбака, и норвежец вдруг, схватив мальчика, как куклу, подбросил в воздух, поймал и, держа на вытянутых руках над головой, повернулся к стоящему поодаль сарацину, показывая свою находку. Немного погодя сарацин пошел к нам.

- Я его наставник, - объяснил он на хорошем греческом языке резкой и гортанной скороговоркой, обычной для сарацин. Это был человек пожилой, худощавый, седобородый и явно опечаленный. - Умоляю вас, не причиняйте ему вреда.

- Где Абдалла, ваш эмир? - спросил Харальд.

- Я не знаю, - с несчастным видом ответил человек. - Мне приказано было привести мальчика на этот берег и ждать, когда нас подберут. Но я понятия не имею, когда придет корабль. Поначалу мы думали, что ваш корабль пришел за нами. А когда поняли, что ошиблись, слишком поздно было уходить, и мы попытались спрятать мальчика, надеясь, что вы уйдете.

- Торгильс, на пару слов, - сказал Харальд. - А ты, Халльдор, поддержи мальчонку. - Он отвел меня на несколько шагов в сторону и откровенно спросил: - Сколько можно получить за мальчишку?

Я размышлял, а Харальд неистово торопил меня:

- Ну, давай же, думай! Абдалла не может быть слишком далеко отсюда, и он успеет получить от нас весточку. Сколько стоит мальчишка?

Я был настолько ошеломлен его напором, что начал заикаться.

- Г-г-господин, я понятия не имею.

Харальд оборвал меня.

- Что ты там говорил про тот золотой купол в Святой Земле? Что сарацины готовы отдать любые деньги за то, что им всего дороже?

- Но то была святыня.

- А разве сын и наследник не настолько же ценен для отца? Мы не можем терять время, Торгильс. Сколько калиф, или как там его, выделил на золочение купола?

- Наш проводник назвал сумму в сто тысяч динаров.

- Верно. Скажи наставнику мальчишки, что эмир получит своего сына целым и невредимым, коль заплатит сто тысяч динаров. В противном случае мы отдадим парня Маниакесу. Вот мое условие.

- Но как сможет эмир собрать такую сумму сейчас? - возразил я. - Он же в бегах.

- Я еще не слыхивал о таком, чтобы правитель, спасаясь бегством, не забрал бы с собой свои сокровища, если есть, на чем их увезти. И можешь добавить второе условие, чтобы подсластить первое. Выплатив сто тысяч, эмир не только получит обратно своего сына, но я постараюсь, чтобы наши корабли не помешали его бегству в Ливию.

Казалось бы, двурушничество Харальда должно было потрясти меня, но этого не случилось. Видно, годы, прожитые в Константинополе, сделали меня нечувствительным к козням и предательству. И конечно же, каждый норвежец в отряде ждал, что Харальд назначит цену за мальчика, и ни один из них не желал делиться выкупом с автократором, коль скоро Харальд

может это устроить. Но пока Харальд говорил, его откровенное вероломство заставило меня признаться самому себе, что по сути я никогда не был предан константинопольским властителям или их приближенным, но единственно только моему народу. Оказавшись перед прямым выбором – служить басилевсу или Харальду, я не колебался.

– Я постараюсь, господин, как-нибудь это устроить, – ответил я, вспомнив, какой расчетливой бывала Пелагея в своих торговых делах. Уж она-то наверняка бы посоветовала мне извлечь из нашей удачи как можно большую выгоду.

– Хорошо, Торгильс, устраивай. И поторопись. Коль мы хотим добиться цели, все нужно сделать быстро. За три дня – не больше.

Когда я назвал эту огромную сумму, наставник мальчика чуть вздрогнул, но как умелый переговорщик, уклонился от прямой торговли.

– Куда доставить такое количество денег и как будет обеспечена безопасность мальчика? – осведомился он, блестящими глазами тревожно глядя на Халльдора, все еще держащего пленника.

– Что касается безопасности мальчика, вам придется довериться нам, – сказал я. – В наших интересах сохранить его целым и невредимым. Он нам не враг, как и его отец, коль скоро тот согласится на наше предложение. Мы будем держать мальчика на борту корабля, пока не получим выкуп.

– А сам выкуп? Как это будет передано? При виде такого количества золота люди теряют головы и хотят получить еще больше. И нарушают свое обещание.

Я задумался. Никогда прежде я не устраивал выплаты выкупа и не знал, как сделать, чтобы защитить интересы обеих сторон. Потом – наверное, меня надоумил Один – я вспомнил, как жил среди лопарей Пермии. Эти люди торговали пушниной и не доверяли

чужакам, а потому проводили всякий товарообмен заглазно: оставляли свои меха на осмотр в пустынном открытом месте, покупатели же оставляли равные по стоимости товары в том же месте. Можно попытаться устроить то же и для Харальда.

- Выкуп следует привезти на этот край берега в полдень третьего дня, считая от сегодняшнего, - сказал я. - Наш корабль будет стоять в заливе достаточно близко, чтобы мы видели, как ваши люди кладут выкуп на песок и отходят на безопасное расстояние, на дюны, где их еще будет видно. На берегу буду я сам и мальчик, мы будем ждать вас на противоположном конце. Вы сможете воочию убедиться, что мальчик жив и здоров. Но вы не должны подходить ближе. Если вы это сделаете, галера сразу же подойдет и заберет мальчика. Я подойду по берегу, чтобы осмотреть выкуп, и если все будет правильно, дам знак галере забрать деньги. В это время ваши люди смогут приблизиться и взять мальчика. Ни одна из сторон не будет настолько близко к месту совершения обмена, чтобы завладеть и выкупом, и мальчиком. Старик посмотрел на меня и тихо сказал:

- Тебе я доверяю. Но не этому высокому разбойнику, вашему предводителю. Заставь его уважать наш договор. Иначе быть беде.

После того, как сарацины отправились с известием к эмиру, я объяснил условия передачи Харальду. Никогда прежде я не видел его в такой глубокой задумчивости. Он обдумывал мой план, жуя ус и сердито поглядывая на меня.

- Торгильс, - сказал он, - ты слишком долго жил среди этих людей. Ты даже думать стал, как они. Коли все пойдет не так, на берегу, разумеется, останешься сидеть ты, а не мы.

- Полагаю, все получится, - успокоил я его с уверенностью, каковой вовсе не испытывал. - Впрочем,

найдется ли у эмира столько денег – это другой вопрос.

В конце концов, передача выкупа произошла именно так, как я надеялся, за исключением одной погрешности – я ее не предусмотрел, а она могла помешать осуществлению всего нашего замысла.

На третий день вскоре после полудня, когда наша галера стояла в заливе, на песчаных дюнах появился караван из пятнадцати мулов. Я сидел на дальнем краю пляжа с сарацинским мальчонкой, который за все время, что провел у нас, не произнес ни слова. Он никак не мог прийти в себя. Но он увидел приближающихся мулов, и лицо его озарилось надеждой – очевидно, он понял, что происходит. Будь я поумнее, я связал бы его по рукам, по ногам, чтобы он не сбежал, пока я осматриваю переметные сумы, которые погонщики сгрузили на другом конце пляжа, а сами удалились, но у меня не хватило духа сделать это. Он встал и помахал рукой своему наставнику, наблюдавшему за всем издали, а я жестом приказал мальчику сесть и спокойно ждать, что он и сделал. Тогда я пошел по песку к груде поклажи, сгруженной с мулов, развязал тесемки одной-другой сумы и заглянул в них. В жизни я не видел такого количества золотых монет зараз. Ни тогда, когда работал у королевского чеканщика в Лондоне – ведь он чеканил серебряную монету, ни даже тогда, когда басилевс щедро осыпал своих придворных золотом во время приема в Большом Дворце. Там было богатство, выходившее за пределы моего воображения. Как ни странно, весь выкуп был в монете, в основном, в арабских динарах, но также и в номизмах имперской чеканки. Я не заметил ни единого золотого ожерелья или повязки, украшенной драгоценными камнями, стоимость каковых требовала бы оценки. Как должны выглядеть сто тысяч динаров, я понятия не имел, а времени для пересчета не имелось, поэтому я повернулся и махнул рукой мальчику, отпуская его. Он

бежал по дюнам навстречу посланцам своего отца – так он мне и запомнился.

– Торгильс, ты гений! – возликовал Харальд, сойдя на берег. Он открыл суму и зачерпнул пригоршню монет. Никогда я не видел его таким довольным. Его обычно сумрачное лицо теперь светилось радостью.

– Благодарю богов, – ответил я, решив не упустить момент. – Они явно благоволят к тебе.

– Да, боги, – откликнулся он. – Фрейя, наверное, плакала много дней и ночей.

Поначалу я не понял, о чем он говорит – слишком долго я не был на родине, и моя исконная вера начала тускнеть. Но тут же я вспомнил, что Фрейя, богиня богатства, плакала золотыми слезами, когда потеряла мужа.

– Ты не предусмотрел только одной мелочи, – проговорил Харальд. Голос его не предвещал ничего хорошего, и по спине у меня пробежал холодок. – Ты не подумал о греке-рыбаке, опознавшем сына эмира. Мои люди будут молчать об этом сокровище, когда мы вернемся в Сиракузы, потому что получат свою долю. Но греки не умеют держать язык за зубами. Этот рыбак, даже получив хорошую награду, стал бы хвастаться, вернувшись домой, и Маниакес узнал бы обо всем. Мне пришлось подправить твой план, Торгильс. Этот грек мертв.

Глава 7

Маниакес так и не узнал правды. На входе в сиракузскую гавань наша галера встретила с имперским дромомом, выходящим в море. За сутки до того он прибыл с подписанным пурпурными чернилами указом, лишившим Маниакеса власти. Дромон увозил бывшего автократора в Константинополь, ему предстояло держать ответ перед басилевсом и его братом, евнухом Иоанном. Маниакес совершил ошибку, когда оскорбил их зятя Стефана, начальника морских сил, обвинив его в том, что он позволил эмиру бежать морем. Выговор был сделан прилюдно, Маниакес снова вышел из себя и кричал Стефану, что тот бесполезен и изнежен и бил его по голове кнутом. Стефан ответил на это так, как подобает истинному придворному, каковым он и был: послал тайный донос орфанотропу, сообщая, что Маниакес слишком занесся от своих военных успехов и замышляет захватить трон. Ничто не могло вызвать у орфанотропа большей ярости, ибо Иоанн Евнух готов был пойти на все, лишь бы его семья удержалась у власти.

Мы едва верили в свою удачу. Коль скоро в побеге эмира обвиняли Стефана, стало быть, наша измена едва ли могла открыться, а сама опала Маниакеса дала Харальду повод объявить, что он тоже больше не участвует в сицилийском походе. Наши галеры, как только все собрались воедино, отплыли в Константинополь, а оттуда три из них продолжили свой путь к Понтийскому морю и в Киев. На них была спрятана основная часть выкупа, полученного от эмира: отплывшие на них возвращались домой такими богачами, какими и не мечтали стать. Убытие же их устраивало Харальда – чем меньше останется в

Константинополе людей, могущих проговориться о нашей неверности, тем лучше. Так что осталась одна только сотня из первоначального отряда, и военное ведомство решило, что такого количества воинов недостаточно для независимого подразделения. Посему, в знак признания нашего вклада в сицилийский поход, нас перевели из загородных варягов прямо в дворцовую гвардию. И как это ни смешно, Харальда за его службу империи наградили и повысили в ранге до спафарокандидата. Это обязывало его надевать плащ из белого шелка и носить во время церемоний придворный меч, украшенный драгоценными камнями. Я, разумеется, снова оказался рядовым императорским гвардейцем.

Эти мои успехи в продвижении по службе огорчили Пелагею. Вернувшись, я нашел ее такой же энергичной и самоуверенной и еще более процветающей. Теперь у нее появились деловые связи в кораблестроении и производстве маслин, и она владела всей цепочкой хлебопекарен и хлебных лотков. Новообретенное богатство позволило ей купить на галатской стороне Золотого Рога, в приятном месте, только что построенную большую виллу с собственным садом, выходящую на проливы. Именно там я и нашел ее, в главной комнате для приемов, просматривающую счета и записи, связанные с ее делом.

- Торгильс, ты не привез из Сицилии ничего, кроме загара, - заявила она после того, как я коротко рассказал ей о походе. - Ты похудел, у тебя появились седые волосы, но ты ничего не добился. К счастью, твое жалованье я вложила в дело, и будь спокоен, сбережениями на черный день ты обеспечен.

Я решил, что разумнее будет не говорить Пелагее о том, что в конце концов я получу часть денег из выкупа от эмира, равно как и о том, что свою долю добычи,

взятой с пиратского судна, я отдал Халльдору на сохранение.

- Вернешься к караульной службе и сам увидишь - во дворце мало что изменилось, - продолжала Пелагея. - Иоанн по-прежнему правит, а Михаил все меньше и меньше занимается государственными делами. Он стал еще набожней. Два предсказателя - оба жулики - сумели убедить его, что еще прежде женитьбы на императрице Зоэ он продал душу дьяволу взамен на славное будущее и теперь ему воздается за этот грех. Я уже начинаю жалеть его, беднягу. Хворь находит на него волнами, а когда достигает высшей точки, он от боли почти лишается рассудка, но хуже всего то, что он унижает себя.

Мои сотоварищи в караульне подтвердили печальный рассказ Пелагеи.

- Нынче стоять в карауле у императорских покоев - это не для слабаков, - предупредил меня начальник отряда, тот самый Хафдан, который взял на себя руководство, когда утонул басилевс Роман. - Видел бы ты этих мерзких тварей, которых приводят в спальню императора - бродяг, подобранных на улице ночным дозором, либо хворых из больниц. Говорят, Михаил стирает им одежду, промывает раны, даже целует их открытые язвы в подражание своему богу. Он требует, чтобы они спали в императорской постели, а сам ложится на холодный мраморный пол с камнем вместо подушки ради умерщвления своей плоти. Однажды поутру, когда басилевс и его слуги ушли, я заглянул в его спальню, а там, на кровати валялась вонючая гряда лохмотьев. Ночлежка для нищих да и только.

Вызов в присутствии орфанотропа не заставил себя ждать, и евнух, как всегда, перешел прямо к делу.

- Что ты теперь думаешь об Аральтесе? - спросил он. - За два года, проведенных в его отряде, надеюсь, ты завоевал его доверие, как я требовал?

- Полагаю, что так, ваше превосходительство, - ответил я. Я остерегался орфанотропа не меньше, чем в первый день, когда он послал меня соглядатаем к Харальду, но у меня хватило дерзости добавить: - Он хорошо послужил басилевсу. Его сделали спафарокандидатом.

- Знаю, знаю. Но имперская власть покоится на двух столпах: почестях и деньгах, - раздраженно откликнулся орфанотроп. - Твой Аральтес добился почестей, но как насчет денег? Мне известно, что он алчен до золота.

- Об этом я ничего не знаю, ваше превосходительство, - ответил я уклончиво.

- Странно, что он не жаловался на несправедливый дележ трофеев после падения Сиракуз, не то что те франкские наемники, наделавшие столько шуму. Кажется, из-за лошади.

И я задумался, есть ли пределы осведомительской сети, сплетенной этим евнухом. Стараясь избежать прямой лжи, я сказал:

- Аральтес производит впечатление человека, довольного добычей, полученной в Сицилии.

Но дальше орфанотроп сказал нечто, отчего я словно провалился в ледяную прорубь.

- Дошли до меня слухи о неких сделках с золотом, о коих не докладывают городскому архонту. Один из менял как будто получил необычайно высокие прибыли. Как его зовут... - И евнух сделал вид, что заглянул в запись, лежащую у него на столе, хотя я был уверен, что ему вовсе ни к чему освежать свою память. - Некий аргиропрат по имени Симеон. Было замечено, что он имеет дело с варягами.

- Это может быть любой из варягов, ваше превосходительство, - сказал я, стараясь, чтобы голос мой не дрогнул, - не обязательно те, кто служат Аральтесу.

- Гвардеец, - проговорил евнух медленно и с нажимом, - если что-то происходит, я должен об этом знать.

Харальд имел свое жилье, вне казарм дворцовой гвардии, и после разговора с Иоанном я с трудом удержался от того, чтобы не отправиться прямо к нему, дабы предупредить его немедленно. Я подозревал, что соглядатаи орфанотропа ходят за мной, а потому отправился за советом к Пелагее, и она меня не успокоила.

- Последние месяцы вид у Симеона какой-то особенно довольный. Он одевается по последней моде, носит дорогие украшения и обычно с удовольствием выставляет свое преуспеяние на показ.

- А нельзя ли его уговорить держаться не так заметно? Если он будет продолжать в том же духе, рано или поздно люди орфанотропа призовут его к ответу.

- Вряд ли. Симеон слишком высокого о себе мнения.

- А нет ли кого-нибудь другого на Мессе, какого-нибудь менялы поосторожнее, к кому Харальд мог бы обратиться насчет добычи?

- Симеон - единственный, кто рискнет заняться денежными делами Харальда.

- А как насчет тех, что расхаживают по Мессе у меняльных лавок? Я их то и дело вижу, и они предлагают очень выгодный обмен?

Пелагея презрительно фыркнула.

- Я бы не советовала Харальду иметь с ними дело. У них нет разрешений. Доверься им, и они либо сбегут с твоими драгоценностями, либо всучат липовую монету. Да и нет у них столько денег, чтобы обслужить Харальда. Вся их наличность в тех грязных сумках, что они носят с собой. У Симеона хотя бы стол - железный: подозрительную монету бросишь на него и услышишь,

такая ли она звонкая. Так что лучше скажи своему высокому другу с кривыми бровями, чтобы он поостерегся, когда понесет Симеону что-нибудь ценное на обмен.

Я вернулся в Этерию, и моя повседневная жизнь вошла в знакомое русло. Учения, осмотры вещей личного пользования, посменная служба – одна неделя в Большом Дворце, следующая в казармах – и само собой, бесконечные парады. Воистину, нет ничего скучнее, чем торжественно вышагивать из дворца к какой-нибудь большой церкви, дожидаться снаружи окончания богослужения и возвращаться обратно во дворец по той же дороге, а потом чистить свою сбрую и готовиться к следующему параду, каковой может случиться хоть на следующий день.

Харальд по большей части уклонялся от этой отупляющей рутины, ибо его, Халльдора и еще нескольких ближайших соратников назначили в помощь мытарям, то бишь сборщикам податей. Я так никогда и не узнал, как Харальд влез в это дело, но позже понял, что и это было частью его большого замысла. Разумеется, в том, что гвардейцы сопровождают мытарей, ничего необычного не было. Оно и вправду было необходимо. Сборщики податей выезжали из столицы в какую-либо область, обложенную налогом, а местные жители, понятное дело, всяческим образом старались уклониться от уплаты, так что мытари брали с собой вооруженное сопровождение, дабы припугнуть и привести к покорности недоимщиков. А мало что могло так напугать земледельца, как угрожающий вид иноземных варваров, готовых уничтожить его собственность, коль он не заплатит налог императору, – прибытия отряда варягов бывало достаточно, чтобы мощна развязалась. Харальд с его свирепой внешностью, пожалуй, выглядел особенно устрашающе, да к тому же он не чурался прибегать к силе, и

возможно, именно поэтому он и его люди были выбраны для этой работы.

По этой причине Харальд и другие пропустили странное событие, каковое удивило даже столь осведомленного человека, как Пелагея: объявление о том, что у басилевса и Зоэ будет сын. Детей у них, конечно же, быть не могло. Зоэ – не меньше шестидесяти лет, хотя с возрастом тщеславия у нее не убавилось, а басилевс Михаил слишком хвор, чтобы произвести потомство. Этот сын был приемным. Но что воистину ошеломило всех, так это кого они выбрали. То был всего лишь начальник дворцовой гвардии – чисто номинальная должность, каковая не приносила ему ничего, кроме права ношения яркого облачения во время дворцовых церемоний. Звали его, как и императора, Михаилом. Отец его – тот самый Стефан, добившийся того, чтобы Маниакеса отозвали и подвергли опале, а мать – сестра басилевса. Он должен был получить титул кесаря, что означало, что он – наследник императорского престола, и, само собой, этот выбор сделал евнух Иоанн. Орфанотроп понимал, что больной басилевс может умереть в любую минуту, и делал все, чтобы власть осталась в руках их семейства.

Церемония усыновления была еще более безобразной, чем та, когда молодой басилевс женился на Зоэ, годившейся ему в матери. На этот раз ритуал имел место в церкви Влахернского дворца; высшей точкой его стало показное сидение нового кесаря на коленях старухи Зоэ, чтобы собрание священников и высшие чиновники получили право объявить его ее «сыном».

Несколько дней спустя, идучи по двору в караульню, я встретил чиновника среднего ранга из канцелярии. Его лицо показалось мне знакомым, но я прошел бы мимо, когда бы он сам не остановился, сказав:

- Прости, не ты ли тот варяг, что говорит по-гречески, тот, что рассказывал мне, как утонул Роман?

- Это верно, - ответил я, узнав того молодого человека, что расспрашивал меня в день похоронного парада. - А ты - Константин Пселл. Ты, похоже, немало продвинулся с тех пор, как юным студентом наблюдал за похоронным шествием. Поздравляю.

- Ты и сам уже начал говорить, как придворный. На этот раз ты должен назвать мне свое имя.

- Торгильс, сын Лейва.

- Очевидно, ты по-прежнему служишь в дворцовой гвардии.

- Точнее, вернулся в гвардию, после службы в Сицилии.

- Значит, ты должен знать, что такое этот новый кесарь? В конце концов, он есть - или был - твоим начальником.

Я колебался, но Пселл тихо сказал:

- Можешь говорить свободно. Это мнение для потомков. Я по-прежнему составляю записки для моей истории правителей империи.

И снова его откровенность вызвала у меня доверие.

- Ну, - признался я, - судя по тому немногому, что я видел, этот кесарь мстителен и ограничен. Его единственный талант - непревзойденное умение скрывать свои истинные чувства.

- Похоже, для трона лучше не найдешь, - усмехнулся Пселл. - Я заключу с тобой сделку, Торгильс. Как гвардеец ты иногда видишь то, что никогда не увидим мы, посторонние. Будь так добр, сообщай мне о том, что происходит за кулисами, я же не забуду тебя, когда настанет время - а оно, разумеется, настанет - и тебе понадобится друг среди чиновников.

И он быстро пошел своей дорогой.

В течение следующих нескольких месяцев я мало что мог рассказать Пселлу такого, чего он не видел сам. Здоровье Михаила быстро ухудшалось. Конечности у него распухли, раздулись так, что пальцы стали толстыми, как колбаски. Чтобы скрыть немощь от людских глаз, басилевс все меньше времени проводил в городе, удалившись в свой загородный дом. А во дворце ковались обычные ковы, только стали они еще ядовитее, когда все убедились, что жить басилевсу остается недолго. Иоанн Евнух по-прежнему стоял у кормила власти, но кое-кто из придворных уже начал лебезить перед молодым кесарем, приготавливаясь к тому дню, когда тот взойдет на трон. Другие сикофанты, то бишь подхалимы, объединились вокруг его любимого дяди, Константина, еще одного брата орфанотропа. Несколько особенно твердолобых вновь обратили внимание на императрицу Зоэ, хотя она по-прежнему оставалась заключенной в гинекее, на женской половине, и басилевс урезал ей содержание, так что жила она чуть ли не в бедности. Никто уже не доверял никому, и все сильнее казалось, что вся махина власти вот-вот развалится.

Я осознал, как далеко зашел упадок, когда однажды декабрьским поздним вечером некий высокий чин прибыл в караульню. Он задыхался и был в смятении.

– Мне нужен гвардеец Торгильс, – заявил он.

– Чем могу быть полезен? – спросил я.

Человек тревожно посмотрел на других отдыхающих гвардейцев, взиравших на него, не скрывая любопытства.

– Ты должен выбрать одного надежного товарища, – сказал он. – Возьмите тяжелые плащи и следуйте за мной.

Я взглянул на Хафдана.

– Возьми Ларса, – приказал он.

Ларс был флегматичный гвардеец, прослуживший в Этерии почти столько же времени, сколько сам Хафдан. Мы с Ларсом собрали свое оружие, и чиновник повел нас, почти бегом, в присутствие Иоанна Евнуха. Тот ждал нас, одетый в монашескую одежду и готовый покинуть дворец.

- Вы должны сопровождать меня как телохранители на случай осложнений, - сказал Иоанн. - Держитесь осторожно, прячьте оружие, а секиры можете оставить здесь. Достаточно мечей под плащами.

Выскользнув из дворца через одни из второстепенных ворот, где привратники явно ожидали нас, мы поспешили по улицам города. Мы держались проулков и окольных улиц, но я понял, куда мы направляемся. А направлялись мы к месту, называемому Венецианским кварталом по причине того, что селилось там множество иноземных купцов, в основном итальянцев. Кроме того, там же располагалось несколько главных монастырей Константинополя, и когда мы остановились и постучались в деревянные двери одного из них, я догадался, что мы стоим перед воротами монастыря, называемого Косьмидион. Именно в этот монастырь басилевс делал самые щедрые вклады, ибо он был построен во имя врачей-святых Косьмы и Дамиана.

Мрачного вида монах впустил нас без единого слова и повел по вымощенным камнем коридорам. Вдали слышалось пение, и когда мы свернули за угол, я заметил поспешно удаляющиеся фигуры с головами, закрытыми накидками - они ждали в тени, любопытствуя знать, что за посетители явились в столь поздний час. Наконец мы подошли к двери обычной монашеской кельи. Дверь была распахнута. Внутри, на простой койке, лежал басилевс.

Я узнал его по толстым распухшим рукам, ибо одет он был не в императорскую одежду, но в простую

черную монашескую тунику. На голове у него была выбрита тонзура: я мог видеть порезы и царапины – сделано это было второпях и совсем недавно. Выглядел он воистину ужасающе, и у меня не было сомнений – жить ему осталось не долго.

– Следите за дверью и коридором, – приказал орфанотроп. – Никого не впускайте.

Увидев больного брата, он явно опечалился. Войдя в келью – это я успел заметить прежде, чем повернулся, чтобы следить за коридором, – он опустился на колени перед кроватью и обнял больного. За моей спиной Иоанн ласково шептал какие-то слова утешения тому, кого своими кознями возвел на трон. Мне с трудом верилось, что распухший потный калека, лежащий на койке в келье, – тот молодой и красивый придворный, что женился на Зоэ.

Во дворце ничего нельзя сохранить в тайне, и меньше всего – исчезновение императора. На рассвете в монастырь явились первые посетители: прибыли новый кесарь Михаил и его дядя Константин. Басилевс в это время сильно мучился, и орфанотроп пустил их ненадолго, а потом велел уйти. Явились два врача, один из монастырской лечебницы, другой из дворца, и попытались облегчить страдания больного при помощи болеутоляющих снадобий. Тогда я услышал, как басилевс воскликнул, что желает умереть, как умер его Господь, в муках, и орфанотроп приказал мне врачей больше не впускать. В келью допускали по одному монаху за раз, дабы он молился за душу больного. Остальная братия должна была молиться за него в часовне.

Мы с Ларсом охраняли ужасный коридор двадцать часов кряду, запертые в самом сердце монастыря, слыша только шарканье ног, стоны басилевса и молитвенное бормотание. Самой странной сценой стало явление императрицы, требовавшей свидания со своим

мужем. Монастырские привратники впустили Зоэ – в конце концов, она была женой императора, – но мы с Ларсом подчинились приказу и преградили ей путь в коридоре, пока Иоанн Евнух, услышав ее протесты, не вышел посмотреть, что происходит.

– Скажите моему мужу, что я хочу его видеть, – попросила Зоэ.

Орфанотроп вошел в келью и вскоре вернулся.

– Он не хочет вас видеть, – сказал он Зоэ ровным голосом. – Он просит вас уйти.

Зоэ стиснула руки. Вид у нее был жалкий.

– Уходите, – повторил Иоанн, – иначе я велю гвардейцам вывести вас.

К счастью – ибо мне не доставило бы радости выпроваживать старую женщину, – Зоэ повернулась и ушла. Я смотрел ей вслед, и запах мускуса – духов старой императрицы – стоял в неподвижном воздухе, а я вспомнил, как она смотрела на тело своего первого мужа, когда тот лежал холодный на мраморной скамье у плавательного бассейна, и думал: знала ли она, что придет к столь ужасному концу?

Ближе к полудню к басилевсу, должно быть, вернулись силы. Я слышал, как он спрашивает, не пришло ли время полдневной службы, и говорит, что, поскольку он монах, то его долг – присутствовать на ней. Затем последовала вспышка раздражения. Пытаясь встать с койки, он обнаружил, что никто не снабдил его подходящими монашескими сандалиями; рядом с его койкой стояли пурпурные сапожки, каковые может носить только царствующий император, и он отказался их надевать. Два монаха пришли и буквально отнесли его, босого, в часовню. Когда же они вернулись час спустя, Михаил, висевший между ними, едва дышал. Они внесли его в келью, уложили на кровать и удалились. После этого настала долгая тишина, и больше я уже ничего не слышал. Басилевс Михаил умер.

Иоанн Евнух оставался в этой келье еще два дня, сидя у тела брата и оплакивая его. То был его единственный истинно человеческий поступок на моей памяти. Прежде я считал этого человека самым хладнокровным и расчетливым из всех, кого встречал в жизни. Монахи входили и выходили, обмыли покойного императора и одели в чистое и по очереди бодрствовали у тела. Орфанотроп почти не двигался. Прибыли дворцовые чиновники за указаниями, и он сказал им, что вернется на свое место только когда будет готов; до того им следует обращаться к кесарю.

Наконец, на третий день после смерти брата, Иоанн вышел из кельи. Вид у него был осунувшийся.

- Гвардеец, - сказал он, глядя мне прямо в глаза, - второй раз ты присутствуешь при кончине басилевса. В первом случае ты выказал большую осмотрительность. Потому я и выбрал тебя. Это дела государственные, а подробности личные редко бывают достойными. Их не следует делать достоянием гласности. Переход власти должен происходить гладко, ибо видимость - это главное.

Он пошел дальше, и, следуя за ним по коридору, я дал себе слово, что при следующей встрече с Пселлом заставлю летописца поклясться, что он никогда не откроет источник своих сведений.

И точно - Пселл оказался среди кучки взволнованных чиновников, ждущих нашего возвращения во внешнем дворе дворца. Стоя чуть в стороне от всех, он поймал мой взгляд. Мое же лицо ничего не выразило. В тот момент я был всего лишь одним из гвардейцев.

Хафдан слонялся у дворцовых ворот с отрядом людей, коим предстояло сопроводить вернувшегося орфанотропа на совет в Триклиний.

- Слава богам, что ты привел его обратно, - прошипел мне Хафдан. - Здесь все в смятении. Никто не

знает, что происходит и кто стоит у кормила. Все ждут, когда Евнух примет решение. Что тебя задержало?

Прежде чем я ответил, появился кесарь Михаил. С ним – его дядя Константин. По дороге в палату они наперебой подольщались к орфанотропу. Говорили, какой у него усталый вид, и все время спрашивали, чем могут быть полезны. У меня мелькнула мысль, что оба перепуганы до смерти. Им хотелось знать, что Евнух решил относительно их будущего, и они надеялись, что он возьмет на себя руководство ими на те несколько дней, что остались до передачи власти. Когда мы вошли в переполненный Триклиний, стало очевидно, что все, в том числе и дворцовые чиновники, пребывают в состоянии крайнего возбуждения и тревоги. Даже императрица Зоэ явилась из женских покоев. Она стояла, глядя на орфанотропа. Она тоже ждала его решения. Сам воздух был будто напоен страхом, честолюбием и лицемерием.

– Ныне нам должно держаться вместе, помогать друг другу. Наш долг – исполнить волю покойного, – заявил орфанотроп, возвысив голос так, чтобы его слышали все в притихшем зале. Он уже оправился, и в словах его звучал обычный для него легкий намек на угрозу. – Мы будем следовать соглашениям, намеченным в то время, когда наш дорогой племянник Михаил, – здесь он улыбнулся тонкой неискренней улыбкой, – стал кесарем. Уместно будет объявить его басилевсом при первой же возможности. Я знаю, что он оценит и примет совет и поддержку своей родни.

Эти слова несколько ослабили напряженность в палате. Заявление орфанотропа было истолковано в том смысле, что власть будет поделена: молодой кесарь займет трон, но его родня – сам Иоанн, брат последнего Константин и императрица Зоэ – будут негласными соправителями. Что-то вроде паутины союзов.

Паук, которому предстояло сидеть в середине этой паутины, теперь вышел вперед – кесарь, стройный молодой человек с землистым лицом, рано начавший лысеть. Повернувшись к собравшимся сановникам, он объявил, что примет императорскую мантию только при условии, что ее бремя и привилегии разделит с ним его «глубоко почитаемый руководитель и наставник орфанотроп». После чего поцеловал руку своему дяде. Потом подошел к своей немолодой приемной матери и обнял ее нарочито и напоказ.

– Я хочу, чтобы все вы были свидетелями! – воскликнул он, обращаясь к собравшимся. – Когда меня коронуют, рядом с моим тронном будет стоять еще один, и занимать его будет моя мать и госпожа. Я буду рабом-императором, покорным ее приказаниям.

– От этого может вытошнить, – пробормотал Хафдан рядом со мной. – Хотел бы я знать, как долго этот маленький говнюк будет держать свое слово.

Михаил был коронован патриархом во время пышной церемонии на следующий же день. Как и было обещано, поставили и второй трон для старой императрицы. Пселл, наблюдавший за коронацией, ушел с тем же мнением о новом басилевсе, что и Хафдан.

– Этот человек источает лицемерие, – сказал он. – Я присутствовал на семейном совете, делал записи, и слышал бы ты, как он с нею разговаривал. То и дело спрашивал ее мнение, говорил, что полагается на ее суждения, что он «послушен ее приказаниям» и все в том же духе. Он совсем заморочил ей голову. Она же, как мне показалось, верит ему.

– И вправду, странно, что он пресмыкается перед ней столь явно, – заметил я. – Ведь император – он, а не она.

– Торгильс, жители Константинополя прозвали своего нового правителя «Михаил Конопатчик» или

«Сучильщикин сын». Ты, должно быть, не знаешь, что в свое время его отец Стефан работал на верфи. Про таких у нас говорят: сучит паклю, забивает пазы, заливает дегтем. Его семья подлого происхождения, а такого чернь не прощает и не забывает. По мнению заурядного человека, Зоэ – единственная, кто имеет истинное право носить пурпур. Она и ее сестра Феодора – истинные высокородные. В глазах народа – и это опасно – кривляния Иоанна Евнуха и его родичей-выскочек осквернили статус басилевса, они слишком зарвались в своем честолюбии.

– Я не знал, что у Зоэ есть сестра.

– Неудивительно. Эти женщины ненавидят друг друга. Много лет тому назад Зоэ добилась, чтобы ее сестру заперли в монастырь. Такая вот пара, – вздохнул чиновник. – Иногда мне кажется, что дворец похож на большой камень. Откати его в сторону – и обнаружишь всевозможных гадких тварей, что ползают и пресмыкаются под ним. Зоэ хотя бы не скрывает своей неприязни к сестре, в то время как Иоанн Евнух и его брат Константин – как два скорпиона, задрав хвосты, кружат настороженно друг вокруг друга, и каждый всегда готов нанести смертельный укус. Да поможет нам Бог, когда это произойдет.

Пелагию тоже тревожила нарастающая распря. Орфанотроп владел большим поместьем совсем неподалеку от ее виллы в Галате, и он частенько приезжал туда отдохнуть. Пелагею беспокоило, что все зло дворцовой жизни потянется за ним.

– Иоанн Евнух всегда приезжает со своей охраной, не меньше двух десятков воинов. Он, видно, опасается волнений. Не мог бы ты, Торгильс, найти для меня несколько частных охранников? Не пожелают ли с полдюжины твоих товарищей проводить свободные дни здесь, в Галате? Я хорошо им заплачу, и вина они смогут пить сколько влезет.

- Ничего нет проще, - ответил я. - Как раз на прошлой неделе басилевс утвердил в должности совершенно новый отряд телохранителей. Они верны только ему. Мы, варяги, продолжаем нести службу, но дел у нас немного. К тому же эти новые телохранители басилевса - люди странные и очень замкнутые. Это печенеги с севера. Михаил купил их, и все они евнухи. Не сомневаюсь, многие мои соратники готовы уйти. Во дворце такой воздух, что им становится все труднее дышать.

В феврале мир вокруг меня начал рушиться. Харальд и Халльдор были арестованы, как и Симеон-меняла и трое мытарей. Все они обвинялись в обмане государственной казны. Это было совсем несложное мошенничество: запугивая своих жертв, они заставляли их платить больше положенного налога и прикарманивали разницу. Одна из жертв пожаловалась в канцелярию, и когда чиновник проверил по записям, стало ясно, что сборщики податей уменьшали собранные суммы.

- Вот дураки, - заметила Пелагея, когда я рассказал ей об этом. - Какой прок красть у казны, коль не умеешь замести следы? Все эти папки и письменные донесения хранятся в архивах. Вроде бы зряшная трата сил, но коль скоро кому-то понадобится, ими можно воспользоваться, чтобы сместить даже очень могущественное лицо.

- И что им грозит?

- Мытарей уволят, собственность их отберут в счет уплаты огромных взысканий, что наложат на них, и коль скоро их не упекут за решетку, значит, им повезло. Что же до твоих друзей-варягов, тут я не знаю. Они могут дать взятку, чтобы выпутаться из передраги и уехать из страны, либо из них сделают козлов отпущения, чтобы

другим не повадно было. Зависит от того, кто у них в друзьях. Помнишь того болгарина, которого водили по улицам прошлой осенью?

Я помнил. Как и Харальд, этот несчастный был служившим при дворе иноземцем. Он решил поднять восстание у себя на родине, ускользнул из столицы и собрал войско. Тагмата разбила это войско, и болгарина привезли обратно в Константинополь, где и провели по улицам на цепи, с отрезанным носом, а потом удавили.

- В лучшем случае, думаю, - продолжала Пелагея, - власти продержат Харальда и его сообщников за решеткой и будут допрашивать их, пока те не откроют, где они спрятали украденные деньги, и казна попытается вернуть их. А дознание - дело ужасное. Допросители гордятся своим умением добывать признания, не проливая крови. Не потому, что брезгливы, - просто-напросто они гордятся своей работой.

Мы с Пелагеей стояли в ее саду, выходящем на проливы. Едва я услышал об аресте Харальда, как бежал из города и пересек Золотой Рог на общественном пароме, чтобы попасть в Галату. Я прекрасно понимал, что орфанотроп захочет допросить меня. Он спросит, почему я не предупредил его ведомство о заговоре Харальда, и я был уверен, что Симеон вскоре откроет, что Харальд получил выкуп за сына эмира. И то, что я не донес обо всем честь по чести орфанотропу, будет уже не кражей у государства, а делом измены.

- Я могу спрятать тебя здесь, в Галате, на несколько дней, - предложила Пелагея. - Этого хватит, чтобы найти какой-то способ бежать подалее от орфанотропа, хотя это и трудно. Хорошо хоть то, что у Евнуха хватает своих забот, они могут отвлечь его от тебя. Между ним и его племянником дело зашло далеко. У басилевса свои интересы - ему надоело

слушаться Иоанна, – и он сравил Евнуха со своим вторым дядькой, с Константином. И никому не известно, кто кого одолеет. Я-то думаю, верх возьмет орфанотроп.

На этот раз Пелагея ошиблась, и весьма сильно. Молодой басилевс нанес свой мастерский удар прямо у нас на глазах. Спустя несколько дней, снова сидя в саду, выходящем на проливы, мы увидели императорскую барку, готовую отплыть от нашего берега гавани и вернуться в город. Корабль мы узнали сразу: то было личное судно орфанотропа, и поднятый флаг говорил, что сам Иоанн находится на борту.

– Интересно, чего это он так скоро возвращается? – задумчиво сказала Пелагея. – Мои слуги сказали, что Евнух прибыл только вчера вечером и был в страшной ярости. Басилевс прилюдно осадил его при дворе, отказался встречаться с ним и вместо этого пошел советоваться с Константином. Коль орфанотропа вызвали обратно в Большой Дворец, стало быть, ради того, чтобы как-то замирить родственничков.

Мы смотрели, как барка отошла от причала под нами. Несколько роскошно одетых чиновников стояли в средней части судна, среди них виднелась темная фигура самого Евнуха. Был ясный солнечный день, и личный стяг орфанотропа красиво трепетал на легком ветерке. Все выглядело мирно и вполне обыкновенно. Рыбачьи лодки ставили сети ниже в бухте, пара торговых судов собирались пройти через заливы, и имперский дромон направлялся в Золотой Рог. Я решил, что он идет к морскому арсеналу за припасами.

Расстояние между причалом и отпавшей баркой все увеличивалось. Стоящий на набережной телохранитель из варягов, сопровождавший орфанотропа до барки, повернулся и зашагал вверх по склону холма, к его вилле.

- Интересно, что ему скажет басилевс, и удастся ли Евнуху уладить ссору с братом Константином? - задумчиво проговорила Пелагея.

Не успела она договорить, как высоко на стене Большого Дворца что-то ярко вспыхнуло. Сначала я подумал, что это солнечный свет отразился от полированного металлического щита или от стекла в одной из дворцовых комнат, но вспышка повторилась, и я понял, что это сигнальное зеркало. Кто-то из дворца послал знак через пролив. Когда зеркало перестало сверкать, я увидел, что дромон, шедший в арсенал, вдруг стал поворачивать. Весла спустили на воду, гребцы принялись за дело, и от лопастей потянулась череда маленьких водоворотов позади судна, ускоряющего ход. А целью была барка орфанотропа, степенно совершающая свой путь через гавань. Захват был неизбежен. Вот уже дромон встал бортом к медленно плывущей барке и сцепился с ее бортом. Воины с дромона - мне подумалось, что это печенеги басилевса - бросилась на палубу барки. Вот они уже окружили орфанотропа и его свиту, слишком ошеломленных, чтобы оказать какое-то сопротивление. В течение десяти лет никто не смел бросить вызов власти Евнуха, не говоря уже о том, чтобы захватить его.

Я видел, как печенеги схватили орфанотропа и перевели на борт дромона, после чего военный корабль расцепился с баркой. Дромон быстро отошел от своей жертвы и направился к выходу из залива, на юг, в открытое море, унося орфанотропа. Все дело заняло столь малое время, что телохранитель орфанотропа не успел еще добраться до виллы. Так был похищен могущественнейший человек в империи.

- Ему, скорее всего, выкололи глаза, - сказал Пселл с гримасой, когда мне удалось назначить ему встречу в его канцелярии неделю спустя. - Может быть, даже

казнили. Во дворце говорят, будто басилевс сам стоял на стене и подал сигнал.

Его замечание помогло понять, как мне повезло. Вот так же мог бы и я быть искалечен, успеи Евнух отдать меня в руки своих дознавателей.

- Я пришел просить тебя о помощи, - сказал я Пселлу. - Можно ли что-то сделать, чтобы вызволить спафарокандидата Харальда и его товарищей из тюрьмы, коль скоро орфанотропа убрали? Их же посадили по его приказанию.

К моему разочарованию, Пселл покачал головой.

- Я никак не могу сейчас рисковать. И не смогу, пока не узнаю, в чьих руках на самом деле находится власть - в руках басилевса или в руках его дяди Константина? И что будет с Зоэ? Будут ли с ней по-прежнему обращаться, как с матерью-императрицей, как обещал ее «сын»? Лучше подождать, пока все уляжется. А вот насчет условий, в каковых пребывают твои друзья за решеткой, можешь не беспокоиться. Я слышал, что Аральтес был очень щедр, раздавая всем деньги, так что он и его товарищи живут со всеми удобствами. Никаких тебе темниц, тяжелых цепей и всего такого. Их держат в тюрьме Прандиара, и там у них свои покои. Твой Аральтес даже нанял себе прислугу. Живет, как принц.

- Он и есть принц - в своей стране.

- А тебе мой совет, живи, как живешь, будто ничего не случилось. Выполняй обязанности, предписанные варягам, а не этим мужланам-печенегам, коих Михаил привел себе на подмогу. Я свяжусь с тобой, как только увижу возможность заставить чиновников казначейства пересмотреть дело Аральтеса. Однако должен предупредить: когда появится эта возможность, предугадать невозможно. Вся махина управления застопорилась. Все думают, что захват орфанотропа означает начало борьбы за власть. Это дело

показывает, что новый басилевс Михаил способен нанести удар исподтишка. А кто станет следующей жертвой – об этом все только гадают. Но с той же быстротой, с какой он свергает своих соперников, он создает себе врагов, и не в последнюю очередь среди священства. Наша религия говорит, что басилевс назначается Богом, так что церковь полагает, что должна иметь влияние на императора. Коль скоро Михаил оттолкнет от себя патриарха, у него появится опаснейший враг.

Я поступил по совету Пселла и провел следующий месяц как исполнительный воин Этерии. Теперь, когда за личную безопасность императора отвечали печенеги, у нас, не считая обычного круга церемоний, осталось немного дел. Мы, бывшие телохранители, избегали печенегов, считая их не чем иным, как шайкой умелых головорезов, не достойных традиций Этерии. Их преданность распространялась лишь на самого Михаила, в то время как варяги присягали служить всякому законно признанному императору. Посему у меня появилось достаточно свободного времени, чтобы проводить его с Пелагеей, и должен признаться, что ее образ жизни мне представлялся все более приятным. Как многие люди, начавшие с малого и сами себе проложившие дорогу к успеху, в ведении домашнего хозяйства она следовала здравому смыслу. Как бывшая жена пекаря она четко знала, что нужно подавать на стол, касалось ли это качества продуктов или их приготовления. Никогда в жизни не едал я так вкусно. Еестряпуха готовила домашнюю птицу, маринованную в вине и фаршированную миндалем, подавала икру, далее следовали свежие куски осетрины, дичь в оливковом масле и уксусе и роскошные голуби в горшочках. После мяса чаще всего подавалось что-нибудь сладкое, сдобренное корицей, особенно излюбленной Пелагеей. После таких пиршеств мне

приходилось прогуливаться по саду, дабы помочь пищеварению, ибо мой желудок протестовал слишком громко. Однажды вечером Пелагея решила посмеяться надо мной.

- А знаешь, ты можешь неплохо заработать на рынке. Займи место среди заклинателей змей и скоморохов с учеными собаками, да и предсказывай будущее как чревовещатель. Говорят, будто их бурчащие кишки предсказывают будущее таким же образом, каким бронтологи толкуют раскаты грома. Только вот, учитывая, как бурчит у тебя в животе, никак не могу понять, чревовещатель ты или бронтолог.

- Там, откуда я родом, - обиделся я, - всем известно, что гром - всего лишь грохот повозки, на которой едет по небу один из наших богов. И грохот этот ничего не означает. - Я рыгнул как можно незаметнее. - Но, по правде говоря, и у нас верят в то, что будущее узнать можно - по снам или по знакам на небе, по полету птиц, по дыму, или бросая особые палочки с начертаниями тайных знаков.

- Цивилизованный человек или варвар, все верят в вещие сны, - заметила Пелагея, стараясь умиротворить меня. - Целые книги написаны о том, как разгадывать их. Впрочем, я не читала ни одной из них.

- Бывали времена, когда мне часто снились сны, - сказал я. - А иногда у меня бывали видения, предсказания будущего, хотя толковать их было трудно. Но с тех пор как я приехал в Константинополь, у меня не было ни одного вещего сна, и только после особенно роскошной еды, вроде вчерашнего жареного павлина под фисташковым соусом, мне приснился сон.

- И что же это был за павлиний сон? - поинтересовалась Пелагея, усмехаясь.

- На самом деле скорее кошмар, - ответил я. - Варяги снова несли службу телохранителей, вместо печенегов, и вот, мы сопровождаем Михаила в тронный

зал. Они все были там – императрица Зоэ, Константин, даже орфанотроп. Все стоят вокруг и смотрят. А смотрели они на одеяние басилевса. Помню, я подумал, что веститоры, облачая его, видно, сыграли шутку. Они облачили императора в хламиду, совершенно изодранную. Кроме того, ее следовало бы хорошенько выстирать...

Пелагея положила руку мне на плечо, и я замолчал.

– Не продолжай, – сказала она тихо, но твердо. – Я не хочу слышать ничего больше.

– После этого ничего особенного в моем сне не было.

– Я почти ничего не знаю о науке толкования снов, – пробормотала Пелагея, – но я знаю, что появление басилевса в грязной или поношенной хламиде означает, что конец его царствования близок. – Она помолчала. – Возможно, даже крах его династии.

Глава 8

Через пять недель после устранения орфанотропа Михаил нанес новый удар. Отряд его евнухов-стражников ворвался в гинекей, отрезал волосы Зоэ и заставил императрицу надеть черное монашеское платье. Потом они выгнали старую женщину из дворца и поспешно отвели в гавань Букефалон, где ждало судно, чтобы отвезти ее на остров Принкипия, расположенный в полудне плавания и обычно служивший местом ссылки нежелательных членов царственной семьи. Там печенеги передали Зоэ в монастырь.

И это похищение прошло бы успешно, когда бы Михаил не зарвался. Патриарх Алексей, давно причастный к государственной власти, был известен как сторонник Зоэ, чей брак с предыдущим императором он благословил. Михаил, желая удалить любой возможный источник несогласия, послал четверых печенегов выманить Алексея из Студийского монастыря. Они отнесли в дар Алексею золото и приглашение посетить базилику. Думали, будто золото успокоит подозрения патриарха, насчет того, что он может стать следующей жертвой мании величия Михаила, но оно произвело обратный эффект. Алексей бежал из монастыря и вместо того, чтобы отправиться на свидание, где ждал его отряд Михайловых убийцев-евнухов, отправился в церковь Айя-София, вызвал старших чиновников администрации и объявил базилику недостойным трона.

Первым, что сообщило об этих событиях нам, варягам, праздно слонявшимся по караульне, был звук колокола. Начал большой колокол Айя-Софии, ударивший набат. Потом, когда новость

распространилась по столице, к нему присоединились десятки монастырей и церквей. Шум стоял необыкновенный – густой, непрерывный колокольный звон раздавался по всему городу, докатывался до окраин и становился все громче и настойчивей. Стены караульни, казалось, дрожали от этого гула. Такой сигнал подавался только в случаях, когда Константинополю грозила серьезная опасность. Жители выбежали на улицы и спрашивали, что случилось. Священники отвечали, что базилевс покушался убить патриарха и сослал Зоэ, представительницу истинно императорского рода. Базилевс – олицетворение порока, и коли его не обуздать, он погубит город.

Горожане в смятении и тревоге не знали, верить ли священникам или оставаться верными Михаилу. Кое-кто пошел в церкви, чтобы узнать побольше и помолиться; иные устремились к Большому Дворцу потребовать объяснения от императора. Он выслал к ним первейшего вельможу, себастократора, чтобы тот обратился к ним на форуме Константина, и поскольку печенеги оставались защищать самого императора, себастократор взял сопровождение из варягов. Хафдан, я и еще двадцать человек прошагали вдоль Мессы до форума, окружив себастократора, и колокольный звон раздавался у нас в углах.

Когда мы прибыли, просторная площадь Константина уже заполнилась лавочниками, кузнецами, нищими, ножовщиками, плотниками, черепичниками, каменщиками, портовыми грузчиками и рыбаками. И на удивление много было женщин и детей.

Себастократор встал на колоду, с которой садятся на лошадей, и обратился к толпе, крича во весь голос, чтобы его расслышали за громом колоколов. Его слушали внимательно, хотя и угрюмо. Императрицу Зоэ сослали, крикнул он, ибо она была отравительницей. Будет лучше держать ее там, где она не сможет больше

вредить. Слушая его, я думал, что вполне возможно, Зоэ отравила своего бедного распухшего Романа, утонувшего почти у меня на глазах, и она же разделалась со своим вторым мужем, Михаилом, мучительной смерти коего в монастыре я тоже был очевидцем. Но заявление, что Зоэ замешана в заговоре, имеющим целью отравить теперешнего басилевса, казалось совершенно невероятным.

Речь себастократора была встречена молчанием. И это было куда тревожнее, чем если бы толпа насмеялась и глумилась. Слышался только колокольный звон.

Стоявший рядом со мной Хафдан тихо приказал:

- Скажи ему, пусть слезает с колоды, и пошли во дворец. Он должен идти спокойно и без спешки, как будто сделал то, что ему поручили. В таком случае мы сможем его защитить. Но стоит ему выказать страх, толпа разъярится. А нас слишком мало, чтобы сдержать ее.

Я перевел указания Хафдана, и себастократор тщательно исполнил их. Мы находились совсем неподалеку от дворца, но я готов был в любой момент услышать удары камней, брошенных в наши неприкрытые спины. Впервые я пожалел, что варягам не положено брать щиты, и начал понимать, какой угрожающей может быть толпа. Главные ворота дворца, Бронзовые ворота, приоткрылись, впуская нас, и Хафдан вздохнул с облегчением, когда мы проскользнули внутрь.

- Басилевс должен что-то предпринять, и побыстрее, иначе на улицах начнется настоящий мятеж, - сказал он.

В ответ Михаил решил изменить отношение к Зоэ. Не успел себастократор доложить о настроениях толпы, как отряд варягов был отправлен сопровождать высокопоставленного чиновника из канцелярии в

гавань Букефалон. Нарочная лодка помчала их на остров Принкипия, где чиновник униженно объяснил Зоэ, что ее «сын» желает, чтобы она вернулась в город, ибо он очень нуждается в ее советах.

Мы ждали возвращения Зоэ, а беспорядки в городе нарастали. Испуганные соглядатаи сообщали о рыщущих повсюду шайках грабителей – они выбирали особняки тех, кто наиболее тесно был связан с басилевсом. Самая большая толпа осадила дворец дяди, доверенного лица императора, Константина, возвышенного до титула нобелиссимуса, второго по старшинству после самого басилевса. Это нас обеспокоило – часть варягов была отправлена охранять Константина, и мы не знали, что с нашими товарищами. В середине утра они присоединились к нам, некоторые имели раны и ушибы. Константин решил покинуть свой дворец, сказали они, и попросил варягов сопровождать его по улицам до Большого Дворца, чтобы он мог присоединиться к своему племяннику.

– И как это было? – спросил кто-то из наших. Усталый гвардеец с глубокой раной над глазом – кто-то бросил в него камень – пожал плечами.

– Кажется, никто не понимает, что происходит. Народ куда еще разрознен. Единственное, в чем все согласны, так это в том, что басилевсу не следовало дурно обращаться с Зоэ. Кричат, что она из истинной императорской семьи, а Михаил и его родня – выскочки. А хуже всех – женщины. Они горланят и ругаются. Видно, прислуга из гинекея распространяла слух, что печенеги избили Зоэ. А толпе все едино – что печенеги, что варяги. Именно женщина швырнула камень, угодивший мне в лицо.

– А что, Зоэ и вправду происходит из императорской семьи? – спросил кто-то. – И что нам теперь делать? Сдается мне, мы не обязаны хранить верность новому

императору. Он бросил нас ради этих безбородых печенегов. Пусть они и смотрят за ним.

- Хватит! - рявкнул Хафдан. - Гвардия всегда верна императору. Покуда Михаил остается басилевсом, мы служим ему. Мы присягали в этом.

- А что будет, коли толпа изберет кого-то другого в императоры? За кем мы пойдём тогда?

- Исполняй приказы, - сказал Хафдан.

Но я видел, что многие мои товарищи смущены.

В ту ночь мы удвоили караулы на стенах и у ворот дворца. Защищать дворец было неудобно - здание было растянуто и перестраивалось на протяжении веков, а посему не представляло собой крепости. Лучшей защитой, по словам поспешно собравшихся советников басилевса, было бы как-то утишить гнев горожан и удержать толпу от нападения. Так что когда на следующее утро Зоэ вернулась во дворец, Михаил извинился перед нею за свое недавнее поведение, а потом повел ее показать толпе.

Пройдя по мосту, соединяющему дворец с ипподромом, Михаил появился в императорской ложе рядом с Зоэ. Однако, коль скоро он полагал, что это зрелище успокоит толпу, он ошибся.

Ипподром вмещал сорок тысяч человек - зрителей парадов и представлений. В этот день ни единое место не пустовало, даже песчаная арена конного ристалища была заполнена народом. Толпа ждала с рассвета, когда покажется Михаил, и долгое ожидание усилило ее недовольство. Когда же он наконец появился на балконе, многие в толпе были слишком далеко, чтобы признать в женщине, стоящей рядом с ним, Зоэ. Другие, подозревая дворец в двуличности, посчитали, что старая женщина рядом с басилевсом - вовсе не императрица, но самозванка в облачении императрицы. Слушая с парапета над Бронзовыми воротами, где разместили отряд Харальда - печенеги охраняли

императора, и колокола наконец стихли, – я услышал нечто такое, что прежде мне доводилось слышать только в цирке во время неудачного выступления: смех, перемежаемый оскорблениями и возмущенными выкриками.

Брань продолжалась, и глаз мой уловил какое-то движение на дворе внизу. Небольшая группа привратников-манглавитов направлялась ко входу во дворец. Какая-то вороватость в их движениях подсказала мне, что они собираются бросить свои посты. Хафдан тоже это заметил.

В отдалении слышались смятенные крики. Басилевс, должно быть, покинул ипподром и вернулся по переходу во дворец.

– Вот они идут, – предупредил Хафдан. – Ларс, возьми десять человек и спустись к воротам, проверь, задвинуты ли засовы. Ты, Торгильс, держись рядом со мной. Мне может понадобиться говорящий по-гречески.

Когда в следующий раз я глянул через парапет, первые ряды толпы уже толклись на открытом месте перед Бронзовыми воротами. Большая часть была вооружена камнями и булыжниками, ломами и факелами. Но имелись там и мечи, и пики – у воинов, не у горожан. Перед дворцом бунтовали служилые вместе с восставшими горожанами.

– Здесь нужны лучники, пращники и метатели копий, а не отряд секироносцев, – пробормотал Хафдан. Похоже, старый гвардеец снова взял на себя руководство. – Торгильс, ступай найди кого-нибудь из имеющих власть, кто мог бы объяснить нам общий план защиты. Не писаку на табличках, а умелого воина.

Я поспешил по дворцовым коридорам и переходам. Вокруг царила паника. Повсюду сновали чиновники, все еще в парадных платьях, некоторые тащили какие-то вещи, и все они лихорадочно искали способа выбраться из дворца. Раза два мне встречались подразделения

экскувитов, греческого домашнего полка, и я порадовался, что хотя бы часть местного воинства все еще верна трону. В конце концов я столкнулся с одним из их военачальников-греков. Отдав ему честь, я спросил, не может ли он прислать лучников на парапет над Бронзовыми воротами, поскольку толпа опасно близка к тому, чтобы вломиться в них.

- Разумеется, - бросил он. - Я пришлю лучников. Вам еще что-нибудь нужно?

- Две-три катапультыгодились бы. Поставить бы их наверху, и вся площадь простреливалась бы, а это не даст толпе ворваться в ворота.

- Здесь помочь не могу, - ответил начальник. - В дворцовой гвардии нет баллистиариев. Никому и в голову не приходило, что они могут понадобиться. Спроси в Оружейной. Может, там кто-то сможет помочь. Я знаю, у них там хранятся катапульты.

Я и забыл об Оружейной палате. Разбросанный Большой Дворец походил на город в миниатюре. Там были царские покои, государственные приказы, канцелярия, казначейство, палата налогов, кухни, шелкоткацкие мастерские и, конечно, немалые склады оружия. Я бросился обратно к Бронзовым воротам, где Хафдан сторожко поглядывал из-за парапета вниз, на толпу, уже удвоившуюся в числе и ставшую гораздо воинственнее.

- Не высовывайся, Торгильс, - предупредил он. - У них там внизу лучники и пращники.

Стрела ударила о камень.

- Ты можешь дать мне полдюжины человек? - спросил я. - Я попробую добраться до Оружейной, не найдется ли там пары катапульт.

Хафдан посмотрел на меня насмешливо.

- С каких это пор ты стал стрелять из катапульт?

- Научился кое-чему в Сицилии.

- Ладно, бери столько людей, сколько тебе нужно. Толпа еще не настолько пришла в раж, чтобы пойти на приступ.

С отрядом в дюжину варягов, последовавших за мной, я направился к Оружейной и принялся стучать в тяжелую двойную дверь до тех, пока кладовщик не приоткрыл одну створку. Вид у него был решительно-брюзгливый. Он, без сомнения, надеялся, что находится в тихом убежище, далеко от всех треволнений.

- Мне нужно оружие! - выпалил я, задыхаясь.

- А где письменный приказ? У тебя должна быть грамота с подписью, подтверждающая полномочия, от архонта-стратега, прежде чем я выдам какое-либо оружие.

- Где мне его найти?

- Не могу сказать. Не видел его целый день, - сказал кладовщик, давая понять с довольным видом, что разговор окончен.

- Дело срочное, - настаивал я.

- Нет грамоты - не будет оружия. Такой у меня приказ, - получил я короткий ответ.

Я схватил его за грудки и оттолкнул.

- Послушай, так нельзя, - запротестовал он, но я уже был внутри и осматривался.

Оружейная была богатой. Здесь имелось все, начиная с парадного вооружения с золочеными рукоятками и кисточками из крашеного шелка и кончая повседневными мечами и пиками. Против одной из стен лежала груда маленьких круглых щитов, используемых легкой пехотой.

- Берите столько, сколько подымете, - сказал я своим людям, - и тащите на стену, и еще вон луки с той полки, и столько стрел, сколько сможете. Скажите Хафдану, что здесь еще много луков и стрел, коль понадобится.

Тем временем я обнаружил в дальнем углу склада оружие более тяжелое. Я узнал деревянные опоры, железные рукояти и толстые короткие плечи луков по меньшей мере дюжины аккуратно расставленных катапульта. На деревянных рамах петель крепились особые тетивы, крученые из жил животных. Пытаясь точнее припомнить, что я видел в Сиракузах, когда Никифор показывал мне свою осадную башню, да еще раз во время битвы, я выбрал составные части для трех катапульта. Самому сильному в моем отряде – похожему на быка шведу – я поручил нести все три треножника. Остальным же – все прочее, а также два больших мешка железных стрел-болтов. На себя я взял заботу о спусковых механизмах – они казались хрупкими, их легко могли повредить.

– Привет новоявленным механикам, – пошутил Ларс, когда мои люди разложили составные части на дорожке позади парапета, и я приступил к попыткам соединить их в одно целое.

И оказалось, собрать катапульта нетрудно. Всякий плотник, знающий, как спланиваются части корабельного остова, мог это сделать, а среди варягов таких было немало. Только спусковые механизмы немного озадачили их, но после нескольких неудачных попыток я наконец собрал их правильно, и катапульта были готовы к бою.

– Слушай, Торгильс, ты должен выпустить первый болт, – предложил Хафдан, подняв собранное орудие на треногу.

– Нет, спасибо, – сказал я. – Ты закрути и потяни спусковой крючок, а я посмотрю, проверю, правильно ли я напряг тетиву.

Хафдан провернул ручку, оттянул назад плечи лука, поместил металлический болт в паз и нажал на крючок. К моему удовлетворению, болт полетел прямо, хотя Хафдан слишком задрал прицел – болт со свистом

пронесся над головами и ударился о фасад дома на другой стороне улицы.

- Сильная вещь, а? - с довольным видом заметил Хафдан. - Но все же, по мне, коль убивать, так в рукопашной, чтобы точно знать, кого укладываешь.

Мое удовлетворение тем, что я собрал баллисту, сменилось смятением. Глядя сверху на толпу, я увидел Харальда. Он возвышался на целую голову над окружающими, и его длинные волосы и усы нельзя было не узнать. Тут же я заметил Халльдора и кое-кого еще из дружины Харальда - вслед за своим предводителем они проталкивались через толпу к первым рядам. Все были в шлемах и с секирами. Очевидно, толпа ворвалась в тюрьмы и освободила заключенных. Восставшие также нашли и козла отпущения. Толпа скандировала:

- Выдайте нам Конопатчика! Выдайте нам Конопатчика!

- Не стреляй в толпу, - попросил я Хафдана.

- Ты что, спятил? - спросил он. - Стоило ли трудиться, добывать это оружие и не воспользоваться им? - Он перезарядил катапульту, повернул на треноге и прицелился. Вряд ли он попадет в Харальда, но я отвел его руку от крючка.

- Вон там, слева, - сказал я. - Это Харальд, а позади него - варяги.

- Стало быть, они нарушили присягу и присоединились к мятежникам, - проворчал Хафдан.

- Ты не можешь стрелять в своих.

- Не могу, - согласился Хафдан. - Это было бы трусостью. Рукопашная - вот единственный способ. Они предатели.

Он бросил катапульту и снял с плеча секиру.

- Пора на вылазку, ребята. Покажите им, что мы не шутим, - заявил он.

Я взглянул на своих товарищей. Казалось, будто они никак не решат – идти ли за Хафданом или не обращать на него внимания. Последовало неловкое молчание, прерванное звуком шагов по каменным ступеням, ведущим к парапету. Появился один из начальников, грек, я смутно помнил его по осаде Сиракуз. Всем видом своим он показывал, что знает, что нужно делать, и готов это исполнить. Жестом он приказал нам оставить парапет.

– Теперь мы займемся этим, – сказал он по-гречески, и я перевел его слова Хафдану.

– Спроси у него, а чем должны заняться мы, – потребовал Хафдан.

Грек пробормотал что-то насчет варягов, которым следует оставаться в резерве и ждать на открытом дворе у Бронзовых ворот на тот случай, если начнется приступ. Хафдан выглядел разочарованным, но покорно вывел свой отряд вниз, во двор.

– Вот оно как, – сказал кто-то из наших, глядя на отряд греческой тяжелой пехоты, поднимающийся по лестнице на то место, с коего мы только что ушли. – Врут они насчет какого-то резерва. Они нам не доверяют. Боятся, что мы столкнемся с нашими, теми, что перед дворцом, и присоединимся к мятежникам. – И он сердито перешагнул через скамью, бросил секиру на плиты мощения и сел. – Не знаю, как вы, но я собираюсь ждать здесь, пока греки разберутся друг с другом, кто на самом деле хозяин.

Я видел, что отряд согласен с ним, и скоро Хафдан совершенно утратит свое первенство. Я всегда считал Хафдана достойным человеком, хотя и несколько туповатым; чтобы спасти его достоинство, я сказал:

– Не поискать ли мне какого-нибудь начальника – пусть он решает, где мы можем понадобиться. Да и проще будет, коль Хафдан пойдет со мной, чтобы объяснить положение.

И не дожидаясь ответа, я направился к Пселлу в его канцелярию. Я был уверен, что во всем дворце только он ответит мне честно, что же все-таки происходит. Толпа под стенами колеблется, словно ждет чего-то, а я не понимаю, чего она ждет. Греческая пехота, сменившая нас на стене, оказалась необычайно кроткой, не столь воинственной, как я ожидал, а я не знаю, по какой причине. Может быть, Пселл объяснит мне это.

Мы с Хафданом встретили Пселла в коридоре на полпути до его присутствия, и к моему удивлению, он обрадовался нам, как будто мы явились спасителями.

- Наверное, вас послал сам блаженный Димитрий! - воскликнул он. - Печенеги бросили свои посты и бежали, все до одного, именно когда басилевс больше всего в них нуждается. Где ваши варяги?

- Остальные там, - ответил я, - ждут приказа у Бронзовых ворот, но честно говоря, я не думаю, что они подчинятся. Скажи мне, пожалуйста, что происходит? Почему Дворцовое войско не защищает дворец, а толпа не идет на приступ?

- Император отрекся, - любезно пояснил Пселл. - Он желает вести жизнь мирного созерцателя. Он собирается стать монахом.

Должно быть, вид у меня был ошеломленный, потому что Пселл продолжал:

- Он отрекся от престола в пользу своей «матушки», императрицы Зоэ, и ее сестры, императрицы Феодоры.

- Но я думал, что Феодора в монастыре.

- Была до вчерашнего вечера, - ответил Пселл. - Патриарх Алексей предложил ей отказаться от своего обета и вернуться к государственным делам. В конце концов, она рождена в пурпуре. К чести Феодоры, она поначалу противилась этому замыслу, но ее уговорили. Патриарх короновал ее императрицей вскоре после полуночи. Я полагаю, что она и ее сестра Зоэ станут

соправительницами империи, как только придут к приемлемому соглашению.

- А как же Михаил? Где он теперь? - В голове у меня бушевал вихрь, я пытался осознать внезапные перемены в верхах империи.

- Здесь, рядом, и вот почему я так рад видеть тебя и твоих товарищей. Михаил и его дядя, нобелиссимус, хотят немедленно отбыть в Студийский монастырь.

Вот тут-то в голове у меня все окончательно запуталось.

- Но разве Студийский монастырь не является местом пребывания патриарха Алексея? И разве не он поднял восстание против басилевса?

- Торгильс, для варвара ты необычайно хорошо осведомлен. Однако Студийский монастырь - единственный, до которого бывший басилевс может добраться, не подвергшись нападению толпы, которая, как ты заметил, жаждет его крови. Из гавани Букефалон он может добраться до монастыря на лодке прежде, чем толпа узнает, что он уехал. Полагаю, ты справишься с маленькой лодочкой.

- Разумеется.

- На борту будет всего трое: Михаил, его дядя Константин и управитель. Остальная прислуга доберется до монастыря тайком и врозь, дабы встретить Михаила там. В последние недели я удостоился чести быть личным секретарем басилевса, так что я полагаю своим долгом вступить за него перед новыми императрицами и способствовать спокойной передаче власти в империи. Я должен дождаться решения их величеств, и тогда немедленно явлюсь в монастырь с вестью. Пока же я знаю, что могу доверять тебе и твоим товарищам безопасно перевезти басилевса в Студийский монастырь.

Вот как получилось, что я, Торгильс, сын Лейва, и начальник моего отряда Хафдан стали перевозчиками

бывшего басилевса Михаила, когда он спасался от константинопольской толпы. Странно было везти в лодке на веслах того, кто еще совсем недавно считался полубожеством, так что даже его ближайшая свита обязана была надевать белые перчатки, приближаясь к нему, – на тот случай, если они коснутся его священного тела. Теперь он и его дядя, одетые простыми монахами, сидели лицом к нам на расстоянии вытянутой руки на корме челнока, каковой мы присвоили ради этой короткой поездки. Их управитель сидел на носу, подсказывал нам курс, а мы пробирались среди множества рыбачьих лодок и грузовых кораблей, стоящих на якоре за пределами города. Казалось, все корабельщики сошли на берег, присоединились к бунтующим.

На протяжении всей нашей недолгой поездки Михаил сидел, понутив голову, молча глядел на днище лодки, и пурпурные сапожки, каковые он так и не снял, напитались водой. Его дядя, напротив, весьма живо интересовался тем, что нас окружало. Я, налегая на весла, исподтишка наблюдал за ним. Он имел несомненное сходство со своим братом орфанотропом. Обоих отличали одинаково глубоко сидящие глаза и пронизательный взгляд, и оба производили впечатление людей, точно знающих, как добиться того, чего они хотят.

Какая замечательно одаренная семья, подумал я. Она произвела императора, нобелиссимуса и – в лице орфанотропа – великого государственного деятеля. Толпа совершила ошибку, отбросив их как ничтожества. Конечно, семейка была склонна к рискованным решениям, но ведь не больше, чем великан Маниакес, которого горожане обожают. А вот Михаил-племянник, теперь спеленатый жалостью к самому себе, привел их к падению. Он отринул родство по неопытности, не зная искусства власти, и в своей безудержной гордыне.

Управитель крикнул, что пора поворачивать к берегу. Оглянувшись, я увидел, что мы поравнялись с монастырем. Его массивные стены из красного и серого кирпича возвышались над берегом, а над стенами виднелось множество черепичных крыш и куполов, и на каждом – крест. У монастыря имелась собственная пристань, и мы с Хафданом удерживали лодку, ухватившись за причальные цепи, пока наши пассажиры сходили на берег. В силу привычки я даже не попытался прикоснуться к уже бывшему басилевсу, когда тот, оскользнувшись на покрытых водорослями ступенях, чуть не упал.

Кучка монахов и придворных поджидала нас и увела обоих мужей с собой.

- Привяжите лодку, - приказал управитель, - и ступайте за ними. Вы можете понадобиться.

Мы с Хафданом отправились следом за всеми в монастырь и дальше, к большому храму, и внутрь через боковую дверь, наполовину скрытую за углом стены.

Я с интересом огляделся. Главный зал для богослужений, вне сомнений, произвел на меня впечатление. Над головой возвышался огромный купол, выложенный мозаикой. Сверху, со свода, на меня смотрело огромное изображение Белого Христа, изможденного и сурового, с огромными темными глазами. Вид у него был строгий и печальный. В одной руке он держал свою священную книгу; другая рука была поднята в жесте, как я предположил, благословения или наставления. Свет сотен свечей в железных держателях, висящих на цепях, мерцал на его суровом лице. Купол покоился на больших колоннах, а на них висели деревянные доски, расписанные изображениями самых известных последователей Белого Христа. Окна были маленькие и расположены высоко, так что дневной свет озарял только верхнюю часть просторного помещения. Внизу же было светло от

еще большего количеством свеч, воткнутых в огромные подсвечники – иные были высотой в рост человека, иные стояли в ряд почти по сто штук. Казалось, что озера лучащегося света окружены тьмой и сумраком. Сильно пахло ладаном. В дальнем конце церкви стоял алтарь, по обеим его сторонам горело еще больше свечей, и еще там были два резных позолоченных возвышения, на которых, как я решил, стоят священники Белого Христа во время богослужения. Теперь на них толклось несколько дюжин придворных, монахов и чиновников, подобно зевакам на рыночной площади, взобравшимся на повозки, дабы лучше видеть представление фокусников или глашатая. Все они смотрели на Михаила и его дядю Константина, пока те проходили по церкви к самому алтарю.

– Я требую прибежища в монастыре! – пронзительным голосом крикнул Михаил. Он подошел к алтарю и повернулся к монаху, стоящему немного впереди своих товарищей. Очевидно, то был главный священник.

– Я требую прибежища, – повторил Михаил, – я хочу смиренно предложить себя на службу нашему Господу.

Последовало долгое-долгое молчание, а потом от стен церкви отделились тени. Оказалось, там было полно людей. Они стояли и ждали молча – то ли из уважения, то ли то была засада, я не понял. Они стояли в три-четыре ряда, и все разом глухо и недобро возроптали. Вглядевшись, я обнаружил, что народу в храме собралась не одна сотня. Видимо, им сообщили – или они сами догадались – куда, покинув дворец, направились бывший басилевс и его дядя, и они опередили нас.

Услышав этот ропот, Михаил испуганно огляделся и подступил еще ближе к алтарю.

– Прибежища! – крикнул он снова, почти пронзительно. – Я имею право на прибежище.

Снова послышалось сердитое бормотание, и Михаил в мольбе опустился на колени и схватился за ткань, покрывающую алтарь. Его дядя подошел к нему, но продолжал стоять.

- Уважайте храм! - крикнул Михаил.

Тогда некий человек вышел из толпы. Судя по виду, это был чиновник низшего ранга, возможно, городской служащий. Очевидно, это был представитель собравшихся.

- Ты должен предстать пред судом за свои преступления... - начал он, но Михаил прервал его неистово:

- Как ты смеешь обращаться ко мне таким образом?

Он явно забыл, что собирается стать смиренным монахом. Он огляделся и увидел нас с Хафданом.

- Гвардейцы! - приказал он, и голос его прерывался от страха. - Защитите меня от этого безумца!

Хафдан сделал несколько шагов вперед и встал между сжавшимся от страха Михаилом и предводителем толпы. Я последовал за Хафданом, думая о том, что два человека против толпы - это смешно. Но на мгновение наше присутствие подействовало. Толпа подалась назад, и я с облегчением увидел, что в дверях храма появился Пселл и направился к нам. С ним было еще сколько-то чиновников.

- Повелением императрицы Зоэ, - объявил он во всеуслышание, - я принес указ о задержании бывшего басилевса Михаила и нобелиссимуса. Их следует препроводить во дворец для справедливого суда. Им не должно причинять вреда.

- Он вывернется, у него язык хорошо подвешен. Давайте разберемся с ним теперь же, своим собственным судом, - раздался недовольный голос из заднего ряда толпы.

Зрители зашевелились, сдвинулись плотнее. Михаил завопил от страха, а зрители, что стояли по обе стороны алтаря, застыли, замороженные этим зрелищем.

Пселл попытался успокоить Михаила:

- Уверяю вас, господин, вам не причинят никакого вреда, если вы последуете за нами. - Потом он обратился к предводителю толпы: - Обещаю тебе, что народ получит право суда. Императрица Зоэ со своей сестрой Феодорой обдумывают, как лучше восстановить спокойствие в городе. Прежде принятия какого-либо решения будут держать совет с народом через его представителей. А до того бывший басилевс Михаил и нобелиссимус должны содержаться во дворце.

После некоторых колебаний толпа начала расступаться, открывая чиновникам во главе с Пселлом путь к алтарю. Михаил так и стоял на коленях в полном оцепенении.

- Меня убьют, если я выйду из церкви, - всхлипнул он. - Я отказываюсь идти с вами. Я не получу справедливого суда.

Глядя на его малодушие, я вспомнил, как мало милосердия высказал он своему дяде орфанотропу, и подумал, что Иоанн Евнух бывал безжалостным и грозным, но ему, по крайней мере, нельзя отказать в храбрости. Племянник же выказал себя трусом.

- Эти два гвардейца пойдут с нами, - сказал ему Пселл. - Они проследят, чтобы вас доставили во дворец благополучно. Так же, как они доставили вас сюда. - Он посмотрел на меня. - Торгильс, может быть, ты и твой товарищ будете так добры и проводите нас до дворца.

Неохотно Михаил выпустил из рук алтарный покров и поднялся на ноги. Потом он и его дядя прошли по всей церкви в окружении спутников Пселла. Некоторые из придворных-зрителей, спустившись с помостов, присоединились к нашей маленькой процессии. Я подумал, что это преданные сторонники Михаила.

Мы вышли из полумрака церкви на дневной свет, и стало ясно, что полдень уже миновал. Низвержение басилевса заняло менее трех дней, начиная с того часа, когда он неразумно послал своих евнухов схватить Зоэ, и кончая его отчаянными мольбами об убежище в монастыре.

Мы шли по широкой Триумфальной улице, ведущей в сердце города. Я вспомнил, как шагал по этой дороге с Этерией, сопровождая тело Романа, а потом при проводах армии Маниакеса, когда та отправлялась на Сицилию. В первом случае толпа была молчалива, во втором – кричала, одобряя и приветствуя. Теперь же толпа ярилась. Со всех сторон на нас напирали, бранились и плевали. Приходилось пробиваться силой.

Мы добрались до открытого места, именуемого Сигма, названного так потому, что оно имело очертания этой греческой буквы, когда я заметил, что нам навстречу проталкивается еще один возбужденный отряд. Еще несколько шагов, и я узнал его вожака: то был Харальд, а с ним по меньшей мере дюжина людей, в том числе и Халльдор. Они сопровождали высокопоставленного чиновника двора, одетого в парадное шелковое платье синего и желтого цвета и несущего в руке знак своего ведомства – жезл из слоновой кости. Он выглядел полной противоположностью потрепанным фигурам Михаила и его дяди в мятых монашеских рясах.

Харальд и его люди преградили нам путь. Мы остановились, и толпа подалась назад, освобождая место. Блестяще одетый чиновник шагнул вперед и развернул свиток. Серебряная с пурпуром печать свисала с его нижнего края.

– Властью их объединенных величеств, Зоэ и Феодоры, – начал он. – Бывший басилевс Михаил и нобелиссимус Константин подлежат казни.

Михаил испустил протестующий крик.

- Вы не имеете права! Мне обещана неприкосновенность!

Толпа одобрительно заворчала.

- Казнь должна быть осуществлена без промедления, - заключил чиновник, скатывая свиток и кивая своему сопровождению из варягов.

Четверо людей Харальда шагнули вперед и взяли Михаила и его дядю за руки. Мы с Хафданом не стали вмешиваться. Нас превосходили в числе, и кроме того, у меня уже не было сил. События вышли за пределы моего понимания, и я устал от всего этого. Меня больше не волновало, кто держит кормило власти в Царьграде. И я решил - пусть греки сами разбираются в своих делах.

Михаил продолжал умолять и всхлипывать. Он извивался в руках двух варягов, умоляя о пощаде.

- Пустите меня! Пустите! Мне обещали неприкосновенность, - повторял он снова и снова. Он знал, что будет дальше.

Позже будут говорить, будто увечье нанес Харальд из Норвегии, но это не так. Греки привели с собой своего мастера, и он имел при себе орудия своего труда. Маленький, весьма женственный на вид человек вышел вперед и потребовал жаровню.

Ждать пришлось недолго - кто-то принес домашнюю жаровню, на какой обычно готовят пищу. В ней пылали угли. Жаровню поставили на землю. Палач - ибо таково было его ремесло, как я понял, - положил кончик длинного железного прута на уголья и стал раздувать их. Толпа сдвинулась так тесно, что ему пришлось попросить людей отодвинуться, освободить пространство для работы. Когда кончик прута засветился ярко-красным, человек оглядел своих жертв. Лицо его ничего не выражало. Я вспомнил предостережение Пелагеи - те, кто занимается во дворце пытками и допросами, гордятся своей работой.

Михаил бился в истерике, бросался из стороны в сторону, умоляя пощадить. Его дядя Константин шагнул вперед.

- Позвольте мне первому, - спокойно сказал он. Потом, повернувшись к толпе, прибавил: - Я прошу вас еще немного расступиться, чтобы было достаточно свидетелей тому, что я встретил свою участь с храбростью.

Потом он спокойно лег на плиты мостовой навзничь, лицом к небу, широко раскрыв очи.

Мне же хотелось отвести глаза, но я был слишком потрясен. Палач со своим железным раскаленным прутом приблизился и ловко прижал кончик к правому глазу Константина. От боли тело его выгнулось, и почти в тот же миг железный прут погрузился в его левый глаз. Каждое прикосновение сопровождалось легким шипением и облачком пара. Константин с глубоким мучительным стоном перевернулся на живот и прижал руки к своим уже незрячим глазам. Кто-то помог ему встать. Кто-то достал шелковый плат и повязал ему голову, и двое придворных, не скрывая слез, поддерживали нобелиссимуса - без их помощи он не устоял бы на ногах.

И вот палач повернулся к Михаилу. Тот корчился в руках двух варягов и ревел от ужаса. Его ряса намокла - он обмочился. Палач кивнул, давая понять, что бывшего басилевса следует уложить на землю и держать лицом вверх. Два варяга силой поставили Михаила на колени, а потом опрокинули навзничь. Михаил все еще вертелся, выкручивался и выворачивался, пытаясь высвободиться. Еще два человека Харальда встали на колени и схватили его за ноги, прижав их к мостовой. Варяги, державшие Михаила за руки, вытянули их и прижали запястья так, что он оказался распят на земле.

Вопли Михаила поднялись до отчаянной высоты, он мотал головой из стороны в сторону. Палач калил

железо, осторожно дуя на угли. Когда все было готово, он не спеша подошел к распростертому наподобие орла бывшему басилевсу и, даже не придерживав его головы, вновь дважды ткнул раскаленным прутком. Из горла Михаила вырвался ужасный вой. Палач отошел, лицо его по-прежнему ничего не выражало, а варяги отпустили Михаила. Тот сжался, обхватив руками голову и рыдая. Придворные милосердно подняли его на руки и понесли прочь, а толпа, смолкшая в ужасе, расступалась, давая им дорогу.

Глава 9

Подобно кораблю, накренившемуся под ударом сильной волны, империя ромеев едва не опрокинулась, но снова встала на киль, благодаря балласту – многовековой покорности престолу. В дни после ослепления Михаила и его дяди в Константинополе было неспокойно. Горожане спрашивали себя, смогут ли две старые женщины править империей. Ведь вся механика управления может расшататься и остановиться. И тогда иноземные враги воспользуются случаем и нападут на границы империи. Начнется внутренняя распря. Но день шел за днем, ничего худого не происходило, и напряжение ослабло. В канцелярии, в судах и во множестве государственных ведомств чиновники вернулись к своим записям и архивам, и все в империи пошло по наезженной колее. Однако кое-что произошло. Во время волнений толпа ворвалась в Большой Дворец. Большинство стремилось к простому грабежу, но небольшой и решительный отряд ринулся в архивы и сжег податные записки, что и обнаружили чиновники, вернувшись в казначейство.

– Это Симеон-меняла предложил нам сжечь те записи, – сказал мне Халльдор в караульне, ибо варяги вернулись к исполнению своих обязанностей. – Сам Харальд, полагаю, до этого не додумался бы, но Симеон разыскал нас во время мятежа – его освободила из темницы та же толпа – и подсказал нам, где лежат эти архивы. – А потом добавил, усмехнувшись: – Разумеется, теперь не осталось никаких доказательств против тех, кого обвиняли в сговоре со сборщиками податей.

– Удивительно, как это вы успели уничтожить налоговые книги и одновременно исполнить приказ о взятии Михаила и нобелиссимуса.

- Времени было предостаточно, - сказал Халльдор. - Сестры-императрицы несколько часов спорили о том, что сделать с бывшим басилевсом. Зоэ хотела до суда посадить его в темницу. Однако Феодора желала, чтобы ему выкололи глаза, и как можно скорее.

- Нет, должно быть, все наоборот? Ведь Феодора - монахиня, по крайней мере была ею.

- Все так, - ответил Халльдор, - именно Феодора оказалась столь кровожадной.

Я пробормотал что-то насчет того, что христианам, особенно монахиням и монахам, долженствует проявлять милосердие и всепрощение, но в тот же вечер, когда я переправился в Галату, чтобы скоротать время на вилле Пелагеи, моя подруга очень быстро все мне объяснила.

- Ты так ничего и не понял, да, Торгильс? Когда дело касается власти, тут человек по-настоящему властолюбивый ни перед чем не останавливается. Возьми, к примеру, Аральтеса. Ты так высоко ставишь его, ты помогаешь ему, чем только можешь. Но ведь он ничем не побрезгует ради осуществления своих честолюбивых замыслов, и когда-нибудь ты пожалеешь, что был так предан ему.

Я подумал, что Пелагею почему-то возмущает моя верность Харальду, как вдруг она переменяла направление разговора.

- В следующий раз, когда будешь на дворцовой церемонии, приглядишься-ка получше к обеим императрицам, ладно? Мне интересно знать, что ты о них скажешь.

Я сделал так, как она просила, и во время следующего заседания высшего государственного совета в Золотом зале постарался занять место в кругу телохранителей прямо против императорского трона. На самом деле трона теперь было два, по одному на каждую императрицу, и трон Феодоры стоял чуть в

стороне, обозначая, что Феодора немного младше своей сестры. Придворное благочиние без сучка и задоринки подладилось под новый порядок при двух правительницах. Присутствовали все высшие сановники в своих парадных облачениях из шелковой парчи и с атрибутами своих ведомств в руках. Ближе всех к императрицам стояли особо приближенные любимчики, а за ними – наивысшие министры. За ними – круг сенаторов и патрикиев, а позади всех – высокопоставленные чиновники. Среди них я заметил Пселла, и, судя по его зеленому с золотом платью, он уже стал старшим канцеляристом.

Я все старательно примечал, чтобы потом рассказать Пелагее. Зоэ полнее своей сестры и сохранила удивительную молодость, может быть, благодаря всем тем притираниям и духам, о коих я слышал. Кожа у нее гладкая, без морщин, и трудно было узнать изнуренную просительницу, недопущенную мною к смертному ложу ее мужа, в этой уравновешенной женщине с безукоризненным маникюром, сидящей на троне прямо передо мной. Любопытно, что Зоэ, когда начинала скучать, развлекалась тем, что разглядывала наиболее красивых мужчин в зале, и я решил, что она по-прежнему любвеобильна. Феодора, напротив, ерзала на троне. Она выше сестры, сухопара и с головой, слишком маленькой для ее тела. Похоже, что она неумна и неосмотрительна.

Я размышлял о том, кто из сестер ведущая в этой паре, как вдруг услышал, что прозвучало имя Харальда. Аколуф, начальник Этерии, оглашал просьбу спафарокандидата Аральтеса о дозволении оставить императорскую службу. Логофет дромоса, услышав об этой петиции, повернулся к Зоэ, подобострастно поклонился и осведомился о ее решении. Зоэ смотрела

на пригожего молодого сенатора и вряд ли даже поняла, о чем речь.

- Отказать, - сказала она рассеянно.

Логофет поклонился во второй раз и вновь повернулся к аколufу.

- Отказать, - повторил он.

И рассмотрение насущных дел продолжалось.

- Харальду это вовсе не понравится, - заметил Халльдор, когда я рассказал ему о сегодняшнем решении. - Пришла весть, что его племянник Магнус объявлен конунгом Норвегии.

- Какая ему разница?

Халльдор посмотрел на меня так, словно я полный болван.

- У Харальда столько же прав на престол, как и у его племянника, а пожалуй, и побольше. Ради этого все и затеяно - не просто ради добычи и обогащения. Деньги станут военной казной, коль ему придется сражаться за то, что он по праву считает своим. Рано или поздно он предъявит свои права, но чем дольше он будет откладывать, тем труднее будет ему добиться своего. Я так думаю, что начхать ему на все эти решения. Он все равно уедет.

- Но где он возьмет корабли? - возразил я. - Ему же нужно пройти по проливу в Понтийское море, а потом по рекам до Гардарики? Это ведь не то, что отправить три корабля с выкупом от эмира. И сейчас его дружина - сухопутное войско, без кораблей. Если он попытается уехать без разрешения, его снова схватят. И тогда он уже никогда не сможет притязать на престол.

- Сперва пусть поймут, - упрямо сказал Халльдор, но я видел, что решения этой задачи у него нет.

- Может быть, я что-нибудь и придумаю, - сказал я, ибо что-то сказало мне: вот тебе возможность стать необходимым Харальду и завоевать его доверие на будущее.

Пселл был так завален работой, что мне пришлось вручить небольшую мзду хартулярию его приказа, чтобы тот назначил меня на прием.

- Две императрицы - это прекрасно, - пожаловался мне Пселл, когда я наконец-то увидел его, - только у чиновников работы вдвое больше. Всего нужно по двое. Каждую грамоту приходится писать дважды - по одной для каждой императрицы, но, честно говоря, ни одна из этих женщин, похоже, не слишком желает разбираться в государственных сложностях, когда им приносят эти грамоты. Они отдают предпочтение более приятным своим обязанностям - пиршествам, приемам, празднествам и тому подобному, но махина управления еле движется - завязла в меду, можно сказать. - Он вздохнул и передвинул стопку бумаг на столе. - Как поживает твой друг спафарокандидат?

- Ты угадал, - ответил я, - я пришел насчет Аральтеса, - и понизил голос. В помещении больше никого не было, но я знал, что в Большом Дворце тайну сохранить очень трудно. - Аральтесу срочно нужно выйти в отставку и уехать из Константинополя. Это очень важно. Но Зоэ не дала ему разрешения.

Пселл встал и проверил, не околачивается ли кто-нибудь за дверью.

- Торгильс, - серьезно сказал он, - одно дело - придумать, как Аральтесу очиститься от обвинений в мошенничестве с податями. Это можно было устроить с помощью разумных взяток. И совершенно другое дело - содействовать прямому неподчинению решению императрицы. Для меня это может кончиться судом и - в худшем случае - смертным приговором. У меня нет никакого желания, чтобы меня высекли кнутом, завязали в мешок и бросили в море.

- Я понимаю, - сказал я. - На самом деле все еще сложнее. Не только Аральтесу нужно уехать. Остальная дружина - их около восьмидесяти человек - захотят

уехать вместе с ним. Они получили то, за чем приехали. Они нажили состояние.

Пселл вздохнул.

- Это прямое дезертирство. По армейским правилам за это полагается наказание увечьем или смертью.

- Я знаю, - сказал я. - Но нет ли у тебя каких-нибудь соображений, каким образом Аральтес и его люди могли бы уехать отсюда?

Пселл задумался.

- В данный момент я ничего не могу придумать, - сказал он, - но, уверяю тебя, коль скоро Аральтес исчезнет без разрешения, поднимется страшный шум и крик. Начнется охота на тех, кто мог помочь ему. Близкие к нему люди будут взяты и подвергнуты допросу. Ты связан с Аральтесом вот уже несколько лет, и ты первый попадешь под подозрение. Полагаю, коль Аральтес и вправду сможет покинуть город, тебе непременно следует исчезнуть вместе с ним.

- Об этом я уже думал, - сказал я.

Пселл принял решение.

- Торгильс, я ведь обещал, что буду помогать тебе. Но эта твоя просьба для меня полная неожиданность. Мне нужно защитить себя. Если все провалится и ты, Аральтес и все остальные будут схвачены, необходимо сделать все, чтобы подозрение не пало на меня. Когда представится возможность для отъезда Аральтеса и его людей, я сам свяжусь с тобой, но не лично. Это было бы слишком рискованно. Даже наша сегодняшняя встреча теперь представляет для меня опасность. Ты не должен больше появляться здесь. Я напишу тебе, и это послание будет последним, которое ты получишь от меня.

- Понимаю, - сказал я. - Я буду ждать письма.

- Оно может никогда не придти, - предупредил Пселл. - Всякое может случиться. Меня могут перевести из этого ведомства, или я так и не смогу найти

возможности помочь Аральтесу. А коль скоро письмо попадет в недобрые руки, это станет гибелью для всех нас.

Теперь я понял, куда клонит Пселл. Я вспомнил, как Харальд, чтобы устроить засаду арабскому пирату, и опасаясь, что его письмо будет вскрыто, использовал руны.

- Ты воспользуешься тайнописью? - спросил я.

Пселл удивленно заморгал.

- Как я уже заметил, Торгильс, для варвара ты на редкость сообразителен. А теперь позволь мне показать тебе. - Он взял лист и начертал греческий алфавит, расположив двадцать семь букв в три равных ряда. - Принцип прост, - сказал он. - Одна буква заменяет другую из той же строки, но в зеркальном отражении. Так, вторая буква в первой строке, «бета», заменяется второй от конца буквой в той же строке, «этой». То же и с другими буквами. Код очень простой, и всякий старший чиновник узнает его сразу. Но простого посыльного, который может вскрыть письмо и прочесть из любопытства, ждет разочарование.

- Я понял, - сказал я. - Большое тебе спасибо.

Тайнописного послания от Пселла мне пришлось ждать почти пять недель, и это было горько-сладостное время. Как заметил Пселл, царствование двух август, двух императриц, отличалось легкомыслием. Как будто ужасные обстоятельства падения басилевса Михаила необходимо было скрасить весельем, чтобы бунт истерся из памяти народа. Очевидно, пока мы с Хафданом везли басилевса в Студийский монастырь, сотни людей погибли на улицах в столкновениях между мятежниками и войсками, верными басилевсу, а также в стычках между шайками грабителей, не поделивших добычу. Теперь горожане жаждали развлечений, и Зоэ с

Феодорой тратили запасы казначейства на парады и представления на ипподроме. Они устраивали пышные пиршества и даже позволяли избранным представителям народа посещать Большой Дворец и осматривать его чудеса.

Это дало мне возможность отплатить Пелагее за ее доброту и гостеприимство, и я водил ее по Большому Дворцу всюду, где только было дозволено. Ей, простолюдинке, разумеется, был закрыт доступ в великолепные дворцовые палаты, но я показал ей дворцовый зверинец с собранием необыкновенных животных, в том числе гиппопотама и длинношеего африканского жирафа, а на дворцовом ристалище мы смотрели на соревнования наездников. Молодые патрикии играли в некую игру, ударяя длинными клюками по кожаному мячу размером с яблоко, стараясь попасть им в цель. Игра показалась Пелагее скучной, но ее очаровал орологион, сарацинское изобретение, каковое подсчитывало часы, отмеряя воду, капающую из миски, и открывало и закрывало маленькие дверцы, из них же являлись в соответствии со временем дня точеные фигурки.

- Разве это не странно, - заметила она, - дворец пытается делать вид, будто все неизменно, все остается таким же, каким было всегда. Но и он же - место, где измеряют, как идет время. Как будто дворец верит, что когда-нибудь он сможет время остановить.

В этот момент мне следовало бы сказать Пелагее, что мое собственное время в этом городе может скоро подойти к концу, что я уеду из Константинополя. Но я уклонился от этой возможности, и вместо этого мы пошли в гинекей, где Пелагею ждала сестра, чтобы показать ей там все, что можно. Мне же вход был воспрещен. Во дворе среди безбородых евнухов-сторожей я стоял в раздумье - не слишком ли я поспешил, обратившись за помощью к Пселлу, чтобы

освободить Харальда и других от императорской службы. Может быть, вместо этого мне следовало бы устроить свою жизнь в Царьграде, как это сделал Хафдан. Мне уже сорок два года, расцвет жизни миновал, а Константинополь с его роскошным образом жизни и благоприятной погодой во все времена года весьма притягателен. Пелагея не вышла замуж после смерти первого мужа, и мы с нею стали очень близки, так что вполне вероятно, что она не откажет мне, коль скоро я сделаю ей предложение. Можно не сомневаться, что жизнь с Пелагеей, глубоко мною уважаемой, будет очень приятна. Я выйду в отставку из дворцовой гвардии, буду жить с нею в ладу и согласии на ее вилле в Галате и забуду о своих честолюбивых намерениях восстановить исконную веру в северных землях. Единственное, что мне для этого нужно сделать – просто не обратить внимания на сообщение Пселла, если оно когда-нибудь придет.

Я уже был готов принять такое решение, когда Пелагея появилась из гинекея. Она дивилась роскоши, окружавшей Зоэ, но при этом скука жизни на женской половине вызвала у нее страх.

– Там едят золотыми вилками, – сказала она, – но еда должна быть на вкус чем-то вроде пепла от этой жизни, похожей на смерть.

Ее замечание, последовавшее почти сразу же за моими мыслями о выборе, заставило меня задаться вопросом – не станет ли моя жизнь, коль она пойдет по торной тропе, пустой оболочкой; и не станет ли Пелагея винить себя, если узнает когда-нибудь, что я отрекся от своих глубоко затаенных желаний.

И все же я остался бы в Константинополе, когда бы Локи не заворочался в своих узах. Вечером после того, как мы с Пелагеей посетили Большой Дворец, случилось потрясение земли. Всего лишь дрожь, едва заметная в казармах варягов. Несколько статуй упало со своих

цоколей вдоль Мессы, некоторые многоярусные дома получили повреждения, и городские строители на следующий день явились с лестницами и крюками сносить слишком пострадавшие и ставшие опасными строения. Однако на галатской стороне Золотого Рога разрушения были гораздо серьезнее. Несколько новых домов рухнули из-за низкопробной работы строителей. Одним из этих домов была вилла Пелагеи. Она только что вернулась и вместе со своими слугами погибла под обломками. Я узнал о ее смерти от ее сестры Марии, пришедшей за мной на другое утро, и мы с нею переправились через Золотой Рог, чтобы побывать на месте бедствия. Глядя на торчащие останки дома, я почувствовал такое же одиночество, как если бы стоял на краю огромной бездны, в которой исчезла Пелагея и откуда она никогда не вернется. Я оцепенел в глубочайшей скорби по человеку, столь полному жизни, которого вдруг не стало, и я спрашивал сам себя – где она теперь, существует ли в каком-либо ином мире Пелагея, не веровавшая ни в спасение, обещанное Белым Христом, ни в моих исконных богов.

Ее смерть разорвала мою единственную живую связь с Великим городом и убедила меня в том, что на оставшиеся мне годы жизни у Одина имеются иные виды.

Родня Пелагеи собралась, чтобы уладить ее дела, и от них я узнал, что она очень удачно поместила мое гвардейское жалованье. Благодаря ей я стал довольно богат, даже без учета моей тайной доли выкупа, полученного за сына эмира, и добычи, спасенной с арабской пиратской галеи, большая часть которых уже была отправлена на север на кораблях Харальда, вернувшихся после сицилийского похода. На следующей неделе я тайком встретился с дельцом, членом цеха ростовщиков, которому Пелагея доверила

мои деньги, и спросил у него, могу ли я забрать их, поскольку подумываю уехать за границу.

- Зачем забирать деньги? - ответил он. - Повезете с собой звонкую монету, а вас подстерегут и ограбят. Я могу устроить так, чтобы вы получили ваши денежки у моих приятелей-ростовщиков там, куда вы отправляетесь, если только это не очень далеко.

- А Киев - это очень далеко? - спросил я.

- Совсем нет. Я могу устроить так, что вы получите деньги в Киеве. Последние несколько лет у нас там все больше дел, переводим туда деньги для торговцев-русов, а их в город с каждым годом приезжают все больше. Не у всякого есть охота плыть с грузом обратно, вверх по рекам да еще перетаскивать его через пороги. Я им даю кредитные письма, они предъявляют их в Киеве.

После разговора с ростовщиком меня перестало тревожить то, что отъезду Харальда из Константинополя могут воспрепятствовать денежные осложнения. Он тоже сможет воспользоваться услугами ростовщиков, дабы вывезти свои средства из Константинополя. Теперь все зависело от Пселла, объявится ли он, найдет ли какой-нибудь путь для нашего побега.

Его тайнописное послание прибыло только в мае и оказалось совсем кратким - всего в шесть слов. Оно гласило: «Два усяко, Нейрон, персиковый шелк, Рождество».

Первая часть была мне понятна. Усяко - небольшие дромоны, размером с наши норвежские корабли, быстроходные и берут на борт до полусотни человек. Нейрон - это морской арсенал на Золотом Роге, а значит, скорее всего эти два усяко будут стоять там во время праздника Рождества. Однако упоминание о Рождестве сбили меня с толку и разочаровали. Коль скоро Пселл полагает, что Харальд с его людьми смогут

покинуть Константинополь в указанное время, стало быть, друг мой Пселл – чиновник, еще более далекий от жизни, чем я думал. Праздник рождения Белого Христа приходится на середину зимы, и конечно же, сказал я себе, Пселл знает, что декабрь – слишком позднее время для побега из Константинополя. Погода для морского перехода отвратительна, а к тому времени, когда мы доберемся до реки, ведущей к Киеву, на ней будет лед, либо половодье. Мы должны уйти летом или хотя бы в начале осени.

Слова же о персиковом шелке и вовсе остались загадкой. В них я не находил никакой связи с военными судами и арсеналом.

И тогда я пошел в Дом Огней – это самый богатый рынок в столице, раскинувшийся на самом выгодном месте в самой чистой части Мессы, работающий и днем и ночью – ночью его аркады озаряют сотни и сотни свечей. Торгуют там лишь одним товаром – шелком. Там можно купить драгоценную ткань любого сорта, выделки и расцветки – покупай шелк хоть штуками, хоть в виде готового платья, а хочешь – ткань разрежут и раскроют, а тебе останется только сшить. Во всей ойкумене Дом Огней прослыл крупнейшим рынком шелка, а его торговцы – богатейшими в городе, равно как и надзор над торговцами – наистрожайшим. Купцы обязаны сообщать о каждой сделке, превышающей десять номизм, в городскую епархию, дабы чиновники знали в точности, откуда привезен каждый рулон ткани и кому он продан. Коли шелк торгует иноземец, купцу дозволено предлагать ему ткани только низшего качества и вменено в обязанность докладывать об отъезде покупателя из Константинополя, дабы его поклажу можно было обыскать на предмет незаконного вывоза. Купец же, повинный в нарушении, подлежит порке, бритью головы ради унижения перед людьми, а все товары его отходят казне.

Памятуя об этих строгостях, я выбрал наиболее уединенную лавку в Доме Огней, а для разговора вызвал самого хозяина. Из задней двери вышел беловолосый человек, холеный и благополучный, и едва он понял, что я иностранец, как тут же предложил поговорить о нашем деле наедине, в заднем закутке.

- Я интересуюсь ценами и возможностью купить шелка хорошего качества на вывоз, - объяснил я.

Он похвалил мой греческий и спросил, где я научился говорить на этом языке столь бегло.

- Занимаясь торговлей, - уклончиво ответил я. - По большей части, заморской.

- Стало быть, вам известно о запрете продавать определенные сорта шелка тем, кто не является постоянным жителем этого города, - прошептал он. - Но всегда можно договориться. Вам нужен какой-то определенный товар?

- Хорошо окрашенный шелк принесет мне большой доход при продаже. Все зависит от того, что вы можете предложить.

- В настоящий момент у меня есть добрый запас темно-зеленого и желтого в полутонах.

- А как насчет других расцветок? Например, оранжевый? Он пользуется спросом там, откуда я прибыл.

- Зависит от глубины цвета. Я, пожалуй, смогу разжиться бледным лимонно-оранжевым, близким к желтому, такому, какой у меня есть. Но чем сложнее краска, тем труднее ее достать. И конечно же, тем дороже.

- А коль скоро я закажу определенную расцветку, вы сможете приготовить ее для меня?

Он покачал головой.

- Закон запрещает торговцам шелком заниматься окраской тканей. Это отдельное ремесло. А еще я не

могу иметь дело с шелком-сырцом. Это тоже особое занятие.

Я изобразил на лице огорчение.

- А я-то надеялся найти шелк персикового цвета, для весьма особого покупателя. И готов заплатить с лихвой.

- Позвольте, я пошлю кого-нибудь выяснить.

Он вызвал служащего, дал ему указания, и тем временем, пока этот человек ходил по поручению, он показывал мне разные образчики своих товаров.

- С сожалением должен сообщить, - сказал купец, когда служащий вернулся с нужными сведениями, - что достать шелк персикового цвета будет невозможно, по крайней мере, некоторое время. - Он хитро подмигнул мне. - Ходят слухи, будто августа Зоэ снова намерена выйти замуж... в третий раз, можете себе представить! Царские мастерские работают, не покладая рук, все эти одежды и занавеси, необходимые для церемонии, а шелк персикового цвета в этом списке стоит на первом месте.

- А я полагал, что императорский цвет - пурпур?

- Так оно и есть, - ответил торговец шелком, - а также глубокий красный и те оттенки фиолетового, что близки к пурпуру. Все эти оттенки дворец оставляет за собой. А всякого, кто вздумает делать или продавать подобные ткани, ждут большие неприятности. А на шелк персикового цвета идет тот же краситель! Вся хитрость в том, сколько именно его добавляется к прочим красящим травам, и насколько разогрет чан красильщика, да и в прочих многих секретах. Потому-то персиковый цвет почитается весьма особенным, и такие ткани посылаются в дар иноземным правителям вместе с вестью о важнейших дворцовых событиях, вроде свадьбы или коронации.

Я вздохнул.

- Жаль. Очевидно, мне придется подождать, когда снова можно будет купить шелк персикового цвета?

- С дарами для иностранных царей спешить не будут, - заметил торговец шелком. - Первым делом в царских мастерских займутся всем, что требуется для церемонии, а уж потом пустят остатки краски на персиковые шелка, отправляемые за море.

- Сколько же мне придется ждать? Мне непременно нужно уехать еще до Рождества.

- Это смотря по тому, о каком Рождестве у вас речь, - ответил он. - Я полагаю, что вы из Венеции, или, может быть, из Генуи. На западе вы празднуете Рождество Господа нашего, и мы тоже празднуем. Но этот город празднует и другое, особенное Рождество, Рождество Богородицы, нашей покровительницы. А ее Рождество - в сентябре.

Я чуть ли не ахнул, чем, похоже, удивил торговца шелком.

Значит, зря я сомневался в осведомленности Пселла о дворцовых секретах. Поспешая прочь от Дома Огней, я озабоченно подсчитывал, сколько у меня осталось времени на подготовку побега Харальда из Константинополя. Коль скоро сведения Пселла о двух галерах точны, стало быть, на все про все осталось три месяца.

Пять монет у меня ушло на взятку чиновнику дромоса, чтобы он своевременно снабжал меня сведениями и подробностями об отправлении шелка. А Пселл, видимо, был весьма вхож в дела царского шелкового завода, ибо одиннадцатого июня Зоэ и вправду вновь вышла замуж - за патрикия по имени Константин, каковой на следующий же день был объявлен новым басилевсом, - а спустя почти три месяца тот же чиновник-мздоимец из дромоса сообщил,

что три десятка штук шелка персикового цвета готовы к отправке в качестве дара калифу Египта. Шелк доставит туда императорский посланник вместе с торжественным извещением о коронации нового басилевса.

- Насколько мне известно, - сказал я Харальду, - в Нейрон пришел приказ погрузить на два корабля шелк и другие дары. Корабли ждут императорского посланника. Он же взойдет на борт, как только канцелярия подготовит посольские грамоты о коронации нового басилевса.

- Ты предлагаешь захватить эти суда?

- Да, господин. Они годятся для твоих целей. Усиако быстроходны и хорошо управляемы, они смогут перевезти тебя и твоих людей через Понтийское море.

- И как же ты предполагаешь захватить корабли? Арсенал охраняется весьма наделено.

- Господин, помнишь ли, как ты ходил в Святую Землю сопровождающим зодчего Тирдата?

- Разумеется.

- Я предлагаю тебе и твоим людям представиться в воротах Нейрона сопровождающими этого нового посланника.

Я увидел, что Харальду тут же понравилась мысль о такой уловке.

- А почему ты полагаешь, что начальство причалов можно этим обмануть?

- Поручи это мне, господин. Я прошу лишь об одном - чтобы ты и твои люди вели себя, как положено парадному караулу, и чтобы вы были готовы захватить оба дромона в подходящий момент.

- За это можешь не беспокоиться.

Никогда еще я не подделывал государственных грамот, но у меня сохранилась грамота, полученная мною, когда мы сопровождали Тирдата, и я воспользовался ею как образцом. Спасибо ирландским

монахам, научившим меня в юности владеть пером, думал я, выводя на пергаменте словеса, извещающие о том, что Харальд и его люди назначены сопровождать посланника, везущего дары египетскому калифу. А пергамент я купил все у того же чиновника дромоса. Две номизмы я дал ему сверху за чернила нужного цвета – черные для текста, красные для обращения к Святой Троице, помещаемые в начале всякой государственной грамоты. Начальничью подпись я скопировал со своего указа, а печать с ее серой шелковой лентой просто срезал и приладил на новое место. Наконец я осторожно сложил подложное свидетельство точно так же, как была сложена моя грамота, ибо слышал, что это служит тайным знаком подлинности послания.

Накануне праздника Рождества Богородицы Харальд, его боевая дружина и я прибыли к главным воротам Нейрона и потребовали разрешения сложить свое снаряжение на борт двух дромонов. На наше счастье, архонт, начальник причалов, отсутствовал, готовясь к празднику, а его заместитель был слишком взволнован, чтобы поинтересоваться, с какой стати посланнику потребовалось столь многочисленное сопровождение. Чиновник едва взглянул на поддельный указ, после чего поручил нас своему подчиненному, чтобы тот посадил нас на дромоны. Мы шли мимо корабельных плотников, такелажников и маляров, поглядывавших на нас с любопытством и удивлением, откуда столько иноземцев взялось внутри арсенала. И вот мы подошли к короткому деревянному причалу, где стояли два усяко. Как я и надеялся, корабельщиков отпустили готовиться к празднику, и они оставили свои суда без присмотра. На борту никого не было.

– Весла и паруса на месте, слава богам, – пробормотал Халльдор, окидывая взглядом корабли, и только тут я сообразил, что в своем раже

подделывателя государственных указов совсем не учел, что дромоны могут оказаться не полностью готовы к выходу в море.

- Мы сложим снаряжение на борту и сами останемся на ночь, - сказал я заместителю архонта.

Тот удивился.

- Вы не пойдете завтра к праздничной службе?

- Нет, - ответил я. - Эти люди - неверующие. И к тому же, секретарь дромоса сообщил мне, что сам посланник может прибыть завтра вечером, и мы отплывем без промедления.

- Но корабельщиков отпустили на берег, - возразил помощник.

- А коль скоро обнаружится, что они пренебрегли своими обязанностями, они будут наказаны, - добавил я.

Помощник понял намек.

- Очень хорошо. Я распорядюсь, чтобы завтра утром на борт доставили дополнительную питьевую воду и припасы. Но не ручаюсь, что в праздничный день удастся доставить все необходимое. Меня не поставили в известность, что при посланнике будет столь многочисленный отряд.

- Сделайте, что можете, - успокоил я его. - У нас с собой достаточно провизии, на несколько дней хватит.

К вечеру работа на причалах пошла на убыль. Стук молотков и пил и крики рабочих стихли, корабельные плотники тоже пораньше ушли домой готовиться к празднику. Вскоре здесь остались лишь пожарные караульщики, надзирающие за легко воспламеняющимися складами, да с дюжину ночных стражников, охраняющих корабельные спуски и причалы.

Люди Харальда на двух кораблях сделали вид, что укладываются спать, но многие были слишком взволнованы, чтобы уснуть, и меня беспокоило, как бы

это не вызвало подозрения у ночных сторожей. Обход они совершали без времени, и никак нельзя было угадать, когда они появятся, и тогда я сказал их молодому начальнику, что мы поставим собственных часовых, так у нас заведено, и убедил его, что его людям не следует приближаться к нашему причалу.

Теперь все зависело от наших следующих действий.

При первых проблесках света Харальд спокойно приказал отчалить. Не отставая от нас, от причала отошел второй усяко. Как можно тише мы оттолкнулись берега и на веслах направились к выходу из Золотого Рога. Мелкие волны плескались о тонкую обшивку легких дромонов. Свежий ветерок с севера гнал волны там, в проливе, но не здесь, в закрытой большой гавани.

Мы уже удалились больше, чем на полет стрелы, когда позади нас в Нейроне труба пропела тревогу. Ночная стража обнаружила наше отсутствие.

- А ну, налегай! - рявкнул Харальд, стоящий на руле. - Покажем этим грекам, что такое настоящая гребля.

На каждом усяко имелась одна скамья для гребли, как на длинном корабле, и норвежцы Харальда, взявшись по двое за одно весло, с радостью вернулись к привычному делу. Сам Харальд не погнушался работой и, сев на гребную скамью, ближайшую к рулю, греб наравне со своими людьми.

- Гребите, ребята, чтоб кишки наружу! - поторапливал он их.

За кормой слышались крики кормчего второго дромона, идущего следом за нами, а вдали - гул набатных колоколов и новые звуки трубы.

Мы набирали скорость. Света становилось больше, и вскоре со стен гавани нас сможет увидеть всякий. Коль тревога поднимется достаточно быстро, сигнальные

зеркала на стене передадут сообщение сторожевым судам в заливе.

Халльдор схватил меня за руку и указал вперед.

- Смотри! - сказал он. - Цепь еще не сняли.

Я вглядывался в рассветный серый сумрак, понимая, что все мои замыслы пошли прахом. Преграждая нам путь, в ряд на равном расстоянии друг от друга стояло штук пятнадцать деревянных плотов. Низко сидящие в воде, так что даже самые малые волны через них перекачивались, они покачивались, отсвечивая черным. Между ними висела цепь, запиравшая Золотой Рог каждую ночь, превращая бухту в озеро. Ее снимали с первым светом, открывая проход для судов, и мы свободно должны были бы выйти в пролив, и я никак не смог предположить, что в праздничный день Рождества хранители цепи не будут спешить с этим делом. Мы оказались в ловушке.

Видя мое смятение, Харальд оставил на весле соседа по скамье и вышел на корму.

- В чем дело? - спросил он.

Объяснять было незачем, я только указал ему на ряд плотов.

Он спокойно осмотрел препятствие.

- Как глубоко сидит цепь? - спросил он.

- Не знаю. Конец цепи закреплен на берегу, и каждый раз ее растягивают по плотам.

В те дни, когда я приходил к Пелагее в ее дом, выходящий на залив, я часто наблюдал, как в сумерках стражники на лодках вытягивают цепь и запирают гавань.

Харальд посмотрел на небо. Света было достаточно, чтобы видеть звенья цепи, пересекающие каждый плот.

- Что скажешь, Халльдор? - спросил он, обернувшись к исландцу.

- Наверняка сказать не могу, - ответил Халльдор. - Но между плотами, ясное дело, должна малость

провисать.

И снова тревожные сигналы донеслись до нас с берега. Били в пожарный гонг, и его дребезг отчетливо разносился над водой.

Харальд отошел на самую корму и прикинул длину нашего усяако. Прямо перед ним четыре десятка или даже более того норвежцев равномерно работали веслами. Судно должно было скользить по воде, и они сбавили частоту ударов. Со стороны могло показаться, что они уменьшили усилия, но каждый человек на борту знал, что было бы пустой тратой сил слишком налегать на весла. Теперь нам требовалась четкая, мощная гребля, чтобы корабль шел вперед.

- По моему слову, - закричал Харальд, - каждый делает двадцать взмахов со всей мочи! Когда я крикну во второй раз, гребцы первых пяти скамей бросают весла и бегом на корму. Остальные гребут. Понятно?

Усердно гребущие люди посмотрели на своего предводителя, стоящего на помосте над ними, и дружно кивнули. Всем было понятно, что задумал Харальд.

Ряд плотов приблизился.

- Приготовиться! - предупредил Харальд.

Я спрыгнул с кормовой палубы и занял на гребной скамье место, освобожденное Харальдом. Рядом сидел швед, покрытый шрамами старый воин, тот, что ходил в Сицилию.

- Стало быть, наконец-то и тебе пришлось поворочать веслом, а не только мозгами, - проворчал он. - Чего и следовало ожидать.

- Давай! - крикнул Харальд, и мы начали отсчет, сделали двадцать взмахов, Харальд вновь закричал, и за нашей спиной раздался стук рукоятей - это люди с передних скамей бросили весла и побежали по галере. И когда весь вес их перешел на корму, судно заметно осело сзади, задрав нос. Еще три взмаха, и - рывок, скользящий скрежет - это киль нашего маленького

дромона с треском набежал на цепь. Еще немного – и мы совсем остановились. Сила столкновения была такова, что галера скользнула вверх по невидимым звеньям и повисла, сев на цепь, как на мель.

– Давай! Все вперед! – заорал Харальд, мы все вскочили со скамей и бросились на нос. Медленно, очень медленно галера наклонилась вперед. На мгновение я испугался, что судно опрокинется, – оно покачнулось, наполовину торча из воды. Потом дополнительная тяжесть на носу потащила его вперед, и с треском и стоном усиако соскользнул с цепи, вперед, на чистую воду по другую ее сторону. Мы не удержались на ногах, повалились друг на друга, а потом стали хватать весла, едва не выскользнувшие за борт, пока мы радовались и кричали. Мы преодолели загородку, и теперь перед нами простиралось открытое море.

Снова взявшись за весла, мы огляделись и увидели, что вторая наша галера подходит к цепи. Она повторяла то же, что и мы. Видно было, как усиако набирает скорость, потом раздался крик кормчего, и с передних скамей все бросились на корму. Мы ясно видели, как резко вздыбился нос, когда судно ударилось о невидимую цепь и остановилось, оседлав ее. Тут уж все побежали вперед, и мы затаили дыхание – судно наклонилось, но на этот раз не соскользнуло – слишком оно прочно село. Еще один приказ – и все сорок с лишним человек перебежали на корму, а потом обратно, на нос, раскачивая корабль, чтобы он высвободился из хватки цепи. И усиако снова качнулся, но с места не сдвинулся.

– Сторожевые лодки! – крикнул Халльдор, указав рукой. От ближнего к нам берега, где цепь крепится к земле, отчалили пять-шесть сторожевых лодок, чтобы перехватить нас.

Еще раз наши товарищи на застрявшем судне попытались раскачать и высвободить его. На этот раз их отчаянная попытка привела к крушению. Когда корабельщики переместили всю тяжесть сначала на нос, а потом на корму, остов не выдержал. Как палка, которая ломается, когда ее перегнешь, киль судна треснул. Может быть, это судно было старше и слабее нашего или не так хорошо построено, а может быть, цепь, на их неудачу, попала в паз, там, где корабельщики сплывают киль замком. В итоге судно треснуло пополам. Длинный узкий остов преломился, обшивка разошлась, и люди упали в море.

- Табань! - крикнул Халльдор. - Нужно спасти, кого сможем.

Мы развернулись и принялись вытаскивать людей из воды. Это было нетрудно - у этих дремонов борта невысоки, - но мы не могли добраться до тех несчастных, что оставались на корме преломившегося судна; они упали в море по другую сторону цепи. Иным удалось добраться до нас вплавь. Другие ухватились за деревянные плоты, и мы подобрали, сколько смогли, но сторожевые лодки приближались, и спасти всех мы не успели.

- На весла! - приказал Харальд, и мы начали уходить от приближающихся сторожевых лодок.

- Бедняги, - пробормотал сидевший рядом со мной швед. - Не позавидуешь их участи в темнице...

Голос его замер, и тогда я поднял глаза.

Харальд стоял на корме, лицо у него было жесткое, и он зло смотрел на нас. Мелькнувший в его глазах гнев дал понять, что нам лучше заткнуться, сосредоточиться на веслах и доставить его к месту его назначения.

Глава 10

Мы входили в Киев торжественно. Харальд ехал во главе дружины, верхом, одетый в лучшее придворное платье из Константинополя, с парадным мечом в руке – золотая рукоять и покрытые эмалью ножны. Меч обозначал его ранг – спафарокандидат. За ним шагала дружина, все в самых лучших платьях, все в золотых и серебряных украшениях. Замыкали шествие носильщики и рабы с тюками персикового шелка и с прочими ценными вещами, сгруженными с корабля. Мы с Халльдором тоже ехали верхом вместе с другими ближними советниками Харальда. После нашего побега из Царьграда Харальд объявил меня своим советником. Взамен я принес присягу вассала, поклялся служить ему и поддерживать как своего военачальника до того дня, когда он займет причитающееся ему место на норвежском троне.

– Выше нос, Торгильс! – сказал мне Халльдор, когда мы с грохотом въезжали в городские ворота и стража князя Ярослава приветствовала нас.

Слава о доблести Харальда опередила нас, и стражникам, многие из которых были норвежскими наемниками, очень хотелось увидеть человека, приславшего на сохранение столько сокровищ.

– Не ждал я увидеть здесь столько признаков Белого Христа, – угрюмо сказал я, указывая на купола большого монастыря, стоящего на холме прямо перед нами. Настроение у меня было прескверное.

– Придется тебе привыкнуть к этому, – откликнулся Халльдор. – Надо думать, Харальд скоро обвенчается в таком вот храме.

Его слова ошеломили меня.

- Торгильс, ты что, забыл, ведь по пути в Константинополь Харальд просил руки Елизаветы, второй дочери князя. Ему дали от ворот поворот. Велели не возвращаться, пока он не добудет славы и богатства. Ну вот, а теперь он стал славен и богат, и даже больше того. Елизавета же и ее семья благочестивые христиане. Они будут настаивать на венчании по обряду Белого Христа.

Меня это совсем огорчило. Я-то радовался, что, став советником Харальда, смогу воздействовать на него во благо исконной вере. Однако, теперь, похоже, мне придется соперничать с влиянием его жены и советников, которых она, разумеется, приведет с собой. От этой мысли настроение у меня испортилось окончательно. Смерть Пелагеи нанесла мне тяжкий удар, лишив одновременно и друга, и доверенного лица, а по дороге в Киев я чувствовал себя все более и более одиноким среди зачастую чересчур грубых соратников Харальда.

- Стало быть, это не то место, где я могу чувствовать себя вольготно, - заключил я. - Коль скоро мне суждено служить Харальду, ему от меня будет больше пользы в северных землях. Попрошу-ка его послать меня вперед, предуготовить его прибытие в Норвегию. Попытаюсь выяснить, кто из сильных и знатных людей готов поддержать его, а кто будет против, когда он объявит о своих притязаниях на трон.

- Снова станешь соглядатаем? - спросил Халльдор, которому я поведал, как служил осведомителем при Иоанне Евнухе. - Харальду это понравится. Он всегда за уловки и хитрость.

- Отчасти соглядатаем, отчасти посланцем.

Харальд согласился, и я, получив деньги, пересланные мне ростовщиком из Константинополя, сразу же пустился дальше с теми из варягов Харальда, кто прежде прочих отпросился домой. К тому времени,

когда Харальд с оставшимися праздновали блестящую свадьбу норвежского принца и второй дочери киевского князя Ярослава, я уже был на Севере, где обитают мои исконные боги.

Немного изменилось здесь за двенадцать лет моего отсутствия - вот первое, что я обнаружил. По-прежнему из трех ведущих королевств Дания и Норвегия недоверчиво косились друг на друга, в то время как Швеция стояла в сторонке и спокойно раздувала пламя распри между соседями. Норвежцы устраивали набеги на датчан, те отвечали тем же. Союзы менялись. Властные роды ссорились по пустякам, и везде, где норвежцы захватили земли за морем - в Англии, Шотландии или Ирландии, - сидели властители, на словах хранившие верность королю, но действовавшие самочинно. Через эти бурные воды мне предстояло проложить путь для Харальда ко времени его возвращения.

Для начала я посетил племянника Харальда, Магнуса. Он сидел на норвежском престоле и притязал на таковой же в Дании. Это был человек представительный, энергичный, гордый и проницательный не по годам. В свои двадцать пять лет он уже завоевал любовь народа справедливостью и привычкой выигрывать битвы с датчанами. И я понял, что Харальду нелегко будет сместить того, кого народ прозвал Магнусом Добрым.

Я появился при дворе Магнуса под видом исландца, вернувшегося после службы в Константинополе и достаточно богатого, чтобы побездельничать по дороге. Это было довольно близко к истине, и никто особенно не расспрашивал меня о моем прошлом. Один только раз я чуть было не утратил бдительность - это случилось, когда я услышал о смерти вдовствующей королевы Эльфгифу. Той женщины, которая впервые уложила меня в постель.

- Оно и к лучшему, хотя она и была первой женой великого Кнута, - заметил тот, кто сообщил мне об этом. - Муж прислал ее к нам как соправительницу ее бессердечного сына. Нам они пришлись не по нраву, и мы их изгнали. Не могу сказать, что ее смерть меня сильно печалит.

От его слов я почувствовал себя стариком. Кому же понравится сознание, что первая его любовь уже сошла в могилу? Он ведь помнит ее пыл и красоту.

Минуло почти два года, прежде чем я смог поведать Харальду о своих впечатлениях о Магнусе, ибо князь Ярослав настоял на том, чтобы его новый зять остался в Киеве, и Харальду пришлось задержаться. Но я почти и не заметил этой задержки, ибо наконец-то нашел место, коего исконные наши боги не покидали, и я был счастлив.

Из Нидароса, столицы Магнуса, я отправился в Данию, чтобы оценить силу и характер ярла Свейна Эстридсона, ее правителя, и было это осенью. Шел я сушей через горные перевалы и добрался до местности под названием Вестерготланд. Расположенный на границе между Норвегией и Швецией, этот край был столь уныл и суров, что по-настоящему никого не интересовало, кому же он, собственно, принадлежит. Край скал и лесов, маленьких озер и мелких речек, с единственным большим внутренним водоемом - озером Банер, замерзающим зимой, как и все остальные здешние озера, ибо зимы здесь студеные. Я шел пешком - эта дорога трудна для лошадей, и корму для них нет. И слуги со мной не было, я странствовал в одиночку. Вестерготланд прослыл местом беззаконным, и меня совсем уже одолело сомнение, разумно ли я поступил, взяв с собой столько золота и серебра. Вот тогда-то я и наткнулся на памятный камень рядом с

дорогой. На камне была вырезана эпитафия погибшему воину – судя по рунам, он закончил жизнь свою в Серкланде, «стране шелка». Человек же, сотворивший надпись, не был мастером рун – резы были неглубоки и сами начертания грубы. Не смог я также выяснить, кого здесь увековечили, ибо часть камня с именем погибшего откололась, и найти этот осколок я не смог. Однако мне это показалось знаком, ниспосланным от Одина, и расчистив подлесок вблизи камня, я зарыл там половину своих накоплений.

Деревень по дороге вообще не встречалось, только редкие хутора, отстоящие довольно далеко от нее. Край был беден и убог, таковыми же были и хутора – бревенчатая хижина, крытая дранкой, да один или два амбара. Дело было к вечеру. Я надеялся встретить хуторян, возвращающихся домой. Но всякий раз, проходя мимо жилья, я видел плотно закрытые двери и никакого движения. Как будто здесь прокатилась чума, и люди, кто не умер, прячутся по домам.

Вечерний холодок предвещал студеную ночь, и я уже заметил в лесу волка, а посему, увидев очередной хутор, сошел с дороги и двинулся к нему, дабы попроситься на ночлег. Я стучал в тяжелые тесовые двери и звал. Поначалу мне никто не ответил. Потом из глубины дома низкий голос нетерпеливо откликнулся:

– Уходи! Ты нам мешаешь! Уходи!

Я был потрясен так, словно меня ударили по лицу. Хуторяне всегда отличались гостеприимством. Так было испокон веков. Они любят расспрашивать странника о новостях и дорожат мелкой монетой, каковую получают за пищу и ночлег. Не впустить странника холодным вечером – это казалось невыносимым. Я снова постучал, на этот раз настойчивее, и крикнул, что я путник, устал в дороге, голоден и заплачу за ночлег. На сей раз послышалось шарканье ног, дверь медленно отворилась, ровно настолько, чтобы я мог увидеть, что

внутри дома царит тьма. Маленькие окна были плотно завешаны. Из этой тьмы раздался голос:

- Уходи, пожалуйста, уходи. Ты пришел к нам не вовремя.

Что-то заставило меня произнести в ответ:

- Я прошу пристанища во имя Одина-Странника.

Настало долгое молчание, а потом дверь открылась на ширину ладони, и голос тихо спросил:

- Скажи-ка мне, странник, как именуют коня, что приносит сумрак с востока?

Говор был местный, присущие ему особенности были выражены очень четко, но в ритме слов нельзя было ошибиться. Этот человек, кто бы он ни был, произнес строфу. Когда-то, давным-давно мой наставник в исконной вере научил меня следующей строфе, и поэтому я ответил:

Конь Снежногривый,
Вот кто приносит
Сумрак с востока;
Он же роняет
Пену с удил -
Вот и роса на рассвете.

Тяжелая дверь подалась ровно настолько, чтобы впустить меня в дом, и, едва я вошел, закрылась за мной. Я оказался в полной темноте.

Кто-то взял меня за руку и осторожно повел вперед. Потом руку мою сжали, что означало, что я должен остановиться. Когда что-то коснулось моих колен сзади, я понял, что кто-то подставил мне сиденье. Я спокойно сел. Ни слова не было сказано, и я по-прежнему видел только темноту.

В комнате находились люди: их было немного, но я чувствовал их присутствие. Пол под ногами земляной,

стало быть, дом очень бедный. Послышался шорох одежды, легкое дыхание. Потом чуть поодаль от меня, почти у самого пола, появилась тусклая красная точка. Кто-то открыл уголь. Похоже, там очаг. Между мною и очагом встала тень, и свет исчез. Звук – словно кто-то осторожно раздувает огонь. Тень отодвинулась, и я снова увидел очаг. Теперь в нем играло низкое пламя, и его света хватало ровно настолько, чтобы я мог рассмотреть, что в комнате находится с полдюжины людей, трое взрослых и трое детей, все в простой крестьянской одежде бурого или серого цвета. Трудно было понять, мальчики или девочки были дети, но взрослые – две женщины и один мужчина. Видимо, это он впустил меня в дом.

Одна из женщин подошла к очагу. Что-то поставила на землю. Маленькую миску. Наклонила над ней кувшин, что-то полилось. Я сидел, не шевелясь. Теперь я знал, что происходит. Это была *alfablót*, ежегодное домашнее жертвоприношение духам, обитающим в каждом доме. Еще есть *landvaettir*, живущие в деревьях, камнях и под землей. Это духи места – древнейшие обитатели, они были здесь до того, как появились люди, и пребудут после того, как люди уйдут. Их благорасположение помогает людям, их враждебность приносит гибель.

Послышались тихие шаги – женщина отошла от огня, и ее темная тень двинулась по комнате, останавливаясь в каждом углу. Что-то она несла в руках. Очевидно, это маленькое жертвоприношение пищи на алтарь.

Мне в пальцы что-то легонько ткнулось. Грубая корка большого ломтя хлеба. Затем мне передали деревянную чашу с пивом. Я попробовал хлеб. Деревенский ржаной хлеб, грубый, но здоровый. Пиво водянистое и некрепкое. Я ел и пил, стараясь двигаться осторожно и спокойно. Альвов легко спугнуть. В

завершении, оставив на донышке несколько капель пива, я подался вперед и вылил эти капли на земляной пол. Я знал, что на мою жертву смотрят хозяева.

Ни слова не было сказано с того мгновения, как я вошел в дом, и я знал, что из уважения к духам все будут молчать до рассвета. Когда семья закончила жертвоприношение, все улеглись в общую постель, деревянный ящик у стены, похожий на большую кормушку. Я же закутался в свой дорожный плащ и спокойно уснул на полу.

- Мы тут все язычники, - были первые слова хуторянина на следующее утро. Он как будто извинялся. - Иначе тебя встретили бы любезнее.

- Приверженцы исконной веры, - осторожно поправил я его.

Это был мужчина средних лет, ничем не примечательный, кроме ярких синих глаз на обветренном загорелом лице и непослушной бахромы почти совершенно белых волос вокруг лысины. У него был вид человека, изможденного заботами, тяжело утруждающегося, чтобы прокормить семью. За его спиной его жена, красивая женщина, но тоже с приметам изнурительной жизни, умывала детей. Вторая женщина приходилась ей, видимо, сестрой - такие же рыже-каштановые волосы и тонкая кость, такое же изящество движений, - она собирала те маленькие жертвы, что были оставлены на ночь. Молоко из миски для альвов, как я заметил, слили обратно в кувшин после того, как несколько капель брызнули на пол. Избытка еды в этом доме не было.

- Ты приверженец Одина? - спросил хуторянин низким спокойным голосом. Он прощупывал меня, желая узнать обо мне побольше и понять, есть ли между нами что-то общее. Мне он понравился.

- С детства. Я следую за Одином с мальчишеских лет. А ты?

- Здесь у нас поклоняются Фрейру. Мы крестьяне, а не воины, не мореходы. Нам нужна щедрость Фрейра.

Это я понимал. Фрейр - бог плодородия. Он умножает семя, брошенное в землю, приносит дождь и тепло, благодаря которым зерно зреет, он дает урожай. С помощью Фрейра тучнеет скотина, обильно рождаются телята и ягнята, щедро поросятся свиньи. Даже молоком, которое мы пьем, мы обязаны только щедрости Фрейра.

- Вчера вечером ты сослался на Одина-Странника, - продолжал хуторянин. - Ты далеко направляешься?

- Дойти бы до датских владений, лишь бы еще с неделю не было дождей. Я не люблю хлюпать по грязи.

- На кустах в этом году много ягоды, - сказал крестьянин. - И ласточки рано улетели. Я бы сказал, что скорее пойдет снег, чем дождь. Но нам в нашем краю это все едино. Мы никуда не ездим, кроме как в Хоф, а до мест более обжитых отсюда не меньше трех дней ходу.

- Ну да. А я видел там, у дороги, памятный камень человеку, умершему в Серкланде. Дотуда еще дальше.

В комнате вдруг почувствовалось напряжение. Хуторянин явно смутился.

- Ты бывал в Серкланде? - осведомился он.

- Бывал. Точнее сказать, поблизости, - ответил я. - Я служил в императорской гвардии в Миклагарде, и он послал меня в их Святую Землю. Это рядом. Это то место, где жил Белый Христос.

- Ничего я не знаю об этой Святой Земле. В нашей глуши мы и священников Белого Христа не видим. Один побывал здесь несколько лет тому назад, но решил, что мы слишком погрязли в своих обычаях. Ушел и больше не возвращался.

- Похоже, вам повезло, - заметил я.

Хуторянин словно принял какое-то решение.

- Это я вырезал памятный камень, - признался он. - Старался, как мог, хотя получилось грубо. Нужно было бы найти камень получше. Два года назад от зимних морозов угол откололся. Нам хотелось оставить какую-то память, чтобы не забывать о нем. Он был женат на сестре моей жены.

Он бросил взгляд через комнату на женщину, до того чистившую очаг. Она стояла, не двигаясь, уставившись на меня, впитывая каждое слово.

- До нас дошла весть - через третьи или четвертые руки, - что он умер в Серкланде. И никаких подробностей.

Он отправился за богатством, да так и не вернулся. Исчез. Мы же ничего не знаем о том месте, где он нашел свою смерть, или как это случилось. Его звали Торальд.

- Не встречал никого с таким именем в Миклагарде, - откликнулся я, - но если это воздаст тебе за гостеприимство, я могу рассказать, что знаю, о Серкланде.

Хуторянин кивнул свояченице, и та подошла ближе. Она не отрывала от меня глаз, пока я повествовал о своей службе в Этерии, о пребывании в Святой Земле, о встречах с сарацинами в качестве и врагов, и друзей. Это был долгий рассказ, и старался я изложить его кратко. Но хуторянин скоро понял, что я многое пропускаю, и прервал меня.

- Мы хотим знать все. Не поживешь ли ты с нами несколько дней и не расскажешь ли свою историю подробнее? Это помогло бы вот ей - Руне.

Я задумался. Семья жила в такой нужде, что мне не хотелось злоупотреблять их добротой. Но хуторянин, звали его Фолькмаром, настаивал, и я согласился остаться еще на день.

Это было одно из лучших решений моей жизни. День превратился в неделю, и к концу ее я понял, что дом Фолькмара – мое прибежище. Не могло быть большей противоположности Константинополю, его пресыщенности и роскоши, его широким улицам, ломящимся от товаров рынкам, многолюдным толпам. Там к моим услугам была прекрасная еда, общественные бани и множество развлечений, невообразимых для моих хозяев в суровых пустынях Вестерготланда, где день за днем жизнь проходила в будничном труде ради поддержания жизни – носить воду, чинить орудия земледельца, молотить зерно. Но Фолькмар и его жена уповали на богов, а посему эта жизнь их не пугала. Они глубоко любили друг друга и своих детей; они жили просто и скромно, и жизнь эта была накрепко связана с этой землей и чередой времен года. Всякий раз, работая с Фолькмаром на одном из его небольших полей или собирая с ним дрова в лесу, я видел, как он уважает незримых духов, населяющих округу. Он клал маленькие дары, будь то всего лишь сломанная веточка или листик, на отдельно лежащие валуны, мимо которых мы проходили и, если дети были с нами, заставлял их говорить потише и запрещал им играть вблизи священных камней. Для него чаща леса был домом *skogsra*, лесовиков-скоге – коли их почитаешь, вернут корову или теленка, убредших с выгона. Но коли обидишь, они скормят заблудшую скотину волкам.

Служение Фолькмара главным его богам, Фрейру и его сестре Фрейе, отличалось простотой. В доме хранились их изображения: Фрейр с огромным фаллосом, Фрейя – пышная и чувственная, но он мало что знал о них, кроме расхожих поверий.

– Кошки. Повозку Фрейи тянут кошки. Женщина, запрягшая кошек. На это стоит посмотреть. У нас-то в день летнего солнцестояния мужчина и женщина

одеваются Фрейром и его сестрой и ездят от хутора к хутору, собирая жертвоприношения, и едут они в повозке, но везут-то их рабочие лошади. – Он помолчал, а потом продолжил: – Я повезу эти жертвоприношения в Хоф на следующей неделе. Хочешь, поедем со мной? Правда, тебе нужно в Данию, но ведь у Одина в Хофе есть свое место. И ты сможешь воздать ему почести.

– Далеко ли до Хофа? – спросил я.

– Дней десять пути. Много народу приедет. Может быть, и сам конунг.

На сей раз я не раздумывал. Дания может подождать. Я слышал о Большом Хофе от шведских варягов, которых встречал в Миклагарде, они рассказывали о празднествах, которые проходят вблизи Уппсалы, где с незапамятных времен стоит храм исконным богам. Там весной и перед самым приходом зимы собирается множество приверженцев исконной веры, дабы принести жертвы и вознести молитвы исконным богам о ниспослании здоровья, благополучия, побед и хорошей жизни – о всех дарах, коими они могут наделить. Нередко бывает там и сам шведский конунг, ибо его родословная восходит к самому Фрейру. Наконец-то, после стольких лет жизни среди приверженцев Белого Христа, я смогу окунуться в торжество исконной веры.

Фолькмар обрадовался, когда я согласился отправиться с ним, и мы совершили то, что христиане называют паломничеством. В пути мы были как бы учителем и учеником. Отвечая на его вопросы о богах – ему очень хотелось узнать побольше, – я начал понимать, что обладаю познаниями в исконной вере, оказывается, куда более глубокими, чем большинство соотечественников. Я поведал ему, что Фрейр и Фрейя принадлежат к ванам, издревним богам, которые поначалу противостояли асам, возглавляемым Одином, и сражались с ними. Когда же договорились о мире, они

оба перешли к асам в качестве заложников и с тех пор остаются с ними.

- Жаль, что норвежцы и даны не могут сделать того же. То бишь замирился друг с другом, - заметил Фолькмар. - Тогда бы пришел конец этим непрерывным распрям, ведь они никому не приносят добра. Я вот часто думаю, как нам повезло, что живем мы вдали от больших дорог. Распри обычно обходят нас стороной.

- Может быть, ради того же Фрейр и его сестра предпочли жить не в Валгалле, под одним кровом с Одином. У них есть собственное место, - отозвался я. - У Фрейра дом в Альвхейме, где живут светлые альвы. Кроме того, у него с сестрой есть особые права. Фрейр почти равен Одину, а его сестра в некотором смысле и выше. После битвы она забирает половину тех, кто погиб с честью, и приносит их в свой дом, Сессрумнир, оставив Одину и валькириям выбирать из остальных. Фрейя первая отбирает мертвых.

- Нужно быть богом, чтобы вот так поделить власть, никогда не ссорясь из-за старшинства, - заметил Фолькмар.

- Было такое в Великом городе, в мою бытность там, - заметил я. - Две императрицы занимали один трон. Но, я согласен, это необычно.

- Это противно природе. Рано или поздно, а из-за власти разгорится распря, - откликнулся Фолькмар. Обладая от природы проницательностью, он предсказал будущее.

Ради Большого храма в Уппсале стоило проделать десятидневный путь. Это был самый большой хоф из всех, мною виденных, огромный дом из бревен, построенный рядом с тремя большими могильными курганами, в которых лежали тела древних правителей. Перед хофом росло огромное дерево, настоящий символ

Иггдрасиля, мирового древа, под которым сошлись асы. Этот великан был тем более замечателен, что листва его никогда не опадала, но оставалась зеленой даже в самые студеные зимы. С одной стороны от него, столпившись, как приближенные, меньшие деревья образовывали священную рощу. Эти деревья тоже были очень старыми, и каждое почиталось. На них висели жертвоприношения богам, изображения которых находились внутри самого хофа. Фолькмар сказал мне, что на большом весеннем празднике храмовые жрецы справляют обряд девять дней кряду, ибо девять – их священное число. Каждый день они выходят из хофа и вешают на ветви священных деревьев головы девяти животных, коих они жертвуют богам в знак своей преданности. Каждое животное должно быть самцом – по одному от всякого рода тварей.

– И человеческие жертвы тоже? – спросил я.

– В прежние времена так было, – ответил Фолькмар. – А теперь нет.

Он провел меня внутрь Хофа. Хотя осенний праздник был не столь значителен, как весенний, темное помещение храма было переполнено верующими, приносящими дары. Строители храма оставили отверстия в высокой крыше, через них лучами сквозил свет дня, освещая идолов. И в тот день, несмотря на пасмурное небо, три бога грозно возвышались над прихожанами. Тор в середине – мощный, бородатый, поднявший вверх свой молот. Справа от него стоял мой бог, Один. Вырезанный из цельного огромного куска дерева, черный от дыма многовековых жертвоприношений, он, прищурившись, смотрел вниз своим единственным глазом. Слева от Тора стояло изображение Фрейра. Этот идол тоже был из дерева, но ярко раскрашен красками щедрой земли – охрой, красным, коричневым, золотым и зеленым. Фрейр сидел, скрестив ноги, на голове – остроконечный шлем,

одна рука сжимает заостренную бороду, торчащую вперед, другая лежит на колене. Глаза вытаращены, а сам совершенно голый, и от его чресл поднимался огромный фаллос – знак плодородия, а также телесной радости.

Фолькмар подошел к одному из жрецов Фрейра и отдал ему мешок, который всю дорогу тащил на спине. Я понятия не имел, что в этом мешке, но, зная бедность Фолькмара и его соседей, не думал, что там нечто большее, чем несколько образчиков плодов крестьянского труда, однако жрец принял мешок так, словно тот – великая ценность, и любезно поблагодарил крестьянина. Он подозвал помощника, и мгновение спустя из тьмы явился маленький поросенок. Быстрым движением жрец перерезал ему горло. Помощник же подставил миску, и кровь стекла в нее, а жрец взял веничек из прутьев, обмакнул его в кровь и брызнул сперва в сторону идола, потом в сторону Фолькмара, стоявшего склонив голову.

Я думал, что жрец отложит поросенка в сторону, но тот протянул его Фолькмару со словами:

– Попразднуй сегодня хорошенько.

Исполнив свой долг, Фолькмар повернулся, собираясь уйти, как вдруг вспомнил, что я еще не почтил Одина.

– Прости, Торгильс, я не сберег ничего, что ты мог бы пожертвовать Одину.

– Твои соседи собирали для Фрейра, – сказал я, когда мы пробирались через толпу к черному от копоти изображению отца богов. – Было бы неправильно отдать даже самую малую часть из этого на что-то еще.

Мы добрались до подножья идола Одина. Он возвышался над нами, будучи в два человеческих роста. Изваяние было столь древним, что дерево, из которого оно было вырезано, треснуло и рассохлось, и я подумал – сколько же столетий оно стоит здесь. Кроме

закрытого глаза, черты лица его стерлись от времени. Я сунул руку под рубашку, где висел на кожаном шнурке мой кошелек с деньгами, и положил свое приношение к ногам Одина. Фолькмар вытаращил глаза от изумления. То была монета чистого золота, императорская номизма, стоимость которой превышала все, чем владел этот хуторянин. По мне же, это был слишком малый знак моей благодарности Одину за то, что он привел меня к Фолькмару, в его дом.

- Ты, значит, приверженец Харальда Сигурдссона и поклялся служить ему, - сказал Фолькмар мне в тот вечер, когда мы жарили жертвенного поросенка. - Но в это время года Харальд уже не приедет. Раньше весны его можно не ждать. Почему бы тебе не провести зиму у нас? Я знаю, это придется по нраву и моей жене, и ее сестре.

- Сначала я должен посетить Свейна Эстридсона в Дании, дабы потом поведать Харальду, каков этот человек, - осторожно ответил я, хотя предложение Фолькмара принудило меня признаться себе, что не так уж я люблю одиночество и не так хладнокровен, каким сам себе представлялся.

В дни, проведенные с ним и с его семьей, я познал такое умиротворение, какого никогда прежде не испытывал. Глядя в огонь, на котором готовилась наша пища, я вдруг понял, что задаюсь вопросом - не возраст ли берет свое, не пришло ли мне время отказаться от жизни перекати-поля, и ежели не вовсе осесть, то хотя бы обзавестись таким местом, где можно остановиться и отдохнуть. Так что я позволил себе роскошь прикинуть, как скоро я смогу завершить свои дела в Дании и вернуться в Вестерготланд.

Должно быть, Один благоволил ко мне, потому что снег выпал на следующее же утро, и земля крепко

замерзла. Идется по мерзлой земле гораздо легче и быстрее, чем по весенней или осенней грязи, и мое путешествие в Данию заняло меньше двух недель. Свейн Эстридсон мне не понравился, я не стал бы ему доверять. Плотный, толстогубый человек и большой любитель женщин. Ярый сторонник Белого Христа, а посему священнослужители смотрят сквозь пальцы на его распутство. По непонятной причине датчане весьма преданы ему и сплачиваются вокруг него всякий раз, когда им угрожают норвежцы Магнуса. Я решил, что сместить Свейна Харальду едва ли легче, чем заменить Магнуса.

Мне без труда удалось сократить срок этого моего гостевания и вновь направить свои стопы в Вестерготланд. По дороге туда я остановился в торговом месте, чтобы кое-что купить и нанять возчика. Путь предстоял неблизкий, и возчик запросил немалую сумму, однако я был богат и, заплатив ему, почти не тронул своих запасов. Так что скоро я вновь оказался у порога Фолькмара, выкликивая его из дома. Рядом стояли две маленькие крепкие лошадки в лохматых зимних шурах, пар от их дыхания белел в воздухе. К копытам их были прикреплены башмаки со шпорами, что позволяло им легко тащить по ледяной земле сани, груженные мехами, одеждой, утварью и съестными припасами – все это я отдал Фолькмару и его семье как подношение гостя.

Руна и я стали мужем и женой вскоре после праздника Йоль, и никто в этой далекой общине ничуть тому не удивился. Мы с Руной обнаружили, что весьма подходим друг другу, так, словно знакомы много лет. Мы столь хорошо понимали друг друга, что слов не требовалось – всегда наши мысли совпадали. В тесноте маленькой хижины эта наша гармония являла себя во взглядах, в полуулыбках, которыми время от времени мы обменивались. Но чаще мы с Руной просто

радовались присутствию друг друга, довольствовались радостью, проистекавшей из того, что мы – рядом. Само собой, Фолькмар и его жена все это примечали и старались не вмешиваться.

Наша свадьба, разумеется, не была браком, совершенным по христианскому обряду, со священниками и молитвами. Будучи еще молодым человеком, я женился таким образом в Исландии, и тот союз оказался унижительной неудачей. На этот раз Фолькмар сам совершил обряд, поскольку Руна и ее сестра осиротели в раннем возрасте и он стал их старшим родственником мужского пола. Фолькмар просто объявил об этом событии богам, а потом, встав перед изображениями Фрейра и Фрейи, взял огниво и кремень и, чиркнув одним по другому, высек сноп искр. Это действие означало, что каждому веществу, камню и железу, так же, как мужчине и женщине, присуще жизненное начало, каковое при их сближении рождает жизнь.

На другой день для ближайших соседей он устроил пир, на котором поглощали копченые и соленые лакомства, привезенные мною, и возглашали здравицы молодым, поднимая чаши с напитком, сваренным из лесного меда и побегов восковницы вместо хмеля. Среди прочих здравиц несколько гостей воздали хвалу Фрейру и Фрейе, сказав, что эти боги устроили так, что Руна вышла за меня замуж. Боги забрали ее первого мужа, когда тот был далеко в Серкланде, говорили они, но из Серкланда же прислали его преемника. Они не скупались на поздравления, и в течение зимних месяцев кое-кто из них приходил помогать сооружать маленькую пристройку к дому Фолькмара, где мы с Руной устроили себе спальню. Я мог бы сказать им, что дело терпит до весны, когда можно будет нанять плотников и купить лес получше, потому что я богат. Но

я воздержался. Мне нравилось мое пристанище, и я боялся нарушить царящее здесь равновесие.

Сама же Руна с самого начала черпала великое утешение в том явном одобрении, с каковым ее сестра отнеслась к нашему союзу, и все время одаривала меня счастьем. Она оказалась идеальной женой, любящей и верной. В нашу брачную ночь она сказала, что, услышав о смерти своего первого мужа, она молилась Фрейе, прося не оставлять ее, Руну, на всю жизнь вдовой.

- Фрейя услышала мои молитвы, - тихо сказала она, глядя в земляной пол.

- Но я на пятнадцать лет старше тебя, - заметил я. - Ты не боишься, что когда-нибудь опять овдоеешь?

- Это решать богам. Одних людей они благословляют здоровьем и долголетием. Другим дают трудную жизнь, что приводит к ранней смерти. Мне ты кажешься не старше меня, потому что здешние мужчины от тяжелой работы быстро старятся.

Потом она легла рядом со мной и доказала, что Фрейя воистину богиня чувственной радости.

Всю эту зиму и последующую весну я был так счастлив, что вовсе мог бы забыть о присяге, данной Харальду, когда бы Один не напомнил мне о моем долге. Он сделал это, послав мне сон - потрясающий и, как выяснилось много позже, обманной. Во сне я увидел корабли, плывущие по морю, и выходящее на берег войско, чей предводитель хотел захватить трон. Лица предводителя не было видно, оно все время было отвернуто от меня, и я решил, что это мой господин Харальд, ибо этот человек ростом был необычайно высок. Он смело повел войско в глубь страны по выжженным и голым полям, туда, где их ждала битва с врагом. Произошла страшная сеча, но постепенно нападающие начали одерживать верх. Потом, когда победа была уже в их руках, неведомо откуда прилетела стрела и поразила военачальника в шею. Я

видел, как руки его взметнулись – а лицо по-прежнему было отвернуто от меня, – и услышал, как свистит воздух в его разорванном горле. Потом он упал замертво.

Я проснулся в холодном поту. Руна протянула руку, успокаивая меня.

– Что случилось? – спросила она.

– Я только что видел, как погибает мой господин Харальд, – сказал я, все еще дрожа. – Может быть, я смогу предотвратить беду. Я должен предупредить его.

– Разумеется, должен, – сказала она, продолжая успокаивать меня. – Это твой долг. Но теперь ты должен уснуть и отдохнуть, чтобы утром у тебя была свежая голова.

На другой день она была такой же разумной и заставила меня рассказать подробности моего сна, а потом спросила:

– Это в первый раз ты видишь во сне предзнаменования?

– Нет, бывали времена, когда я видел немало снов, намекающих на будущее, если их правильно истолковать. Это я унаследовал от матери. Я почти не знал ее, но она была вельвой, провидицей, имевшей дар предвидения. Пока я жил в Миклагарде среди христиан, такие сны посещали меня очень редко, и в них не было ничего столь тревожного, как в том, что привиделся мне прошлой ночью.

– Может быть, твои сновидения вернулись, потому что ты среди людей исконной веры. В таких местах боги открывают себя охотнее.

– Когда-то некая мудрая женщина сказала мне почти то же. Она сама была провидицей и сказала, что я – зеркало, что меня скорее посетят видения в обществе других людей, обладающих подобными способностями. Но, видно, пребывание среди приверженцев исконной веры действует так же.

- Стало быть, ты понимаешь, мы хотим, чтобы ты не отвергал то, что боги пытались сказать тебе. Тебе следует найти Харальда и предостеречь его. Я же согласна ждать твоего возвращения. Мне не нужно быть провидицей, чтобы знать, что ты обязательно вернешься ко мне. Чем скорее уйдешь, тем скорее вернешься.

Я ушел в тот же день по тропе, ведущей на восток, по которой шли мы с Фолькмаром к Большому Хофу. На третий день я нашел человека, который продал мне лошадь, и через неделю добрался до побережья. Как раз вовремя. Рыбак, чинивший сети на отмели, сказал, что ходят слухи, будто где-то на севере строится необыкновенный длинный корабль, такой, каких здесь вовек не видывали. Корабелам велено пускать в дело только лучший лес и ставить наилучшие снасти, и что все должно быть непременно наилучшее.

- Небось, целое состояние уйдет на это, - сказал рыбак, сплюнув в сторону маленькой грязной лодчонки, словно чтобы подчеркнуть свои слова. - Не знаю, кто заказчик, но он, верно, сам сделан из золота.

- А не знаешь ли, тот корабль уже спустили на воду?

- Не скажу, что знаю, - ответил он, - но посмотреть на такое стоит.

- Свези меня туда. Я заплачу.

- Дай только удочки смотаю, - с готовностью ответил он. - Да еще часа два нужно - снасти наладить да малость съестного и воды припасти, и пойдём. Ты не против, если мой малый с нами поедет? Он под парусом горазд ходить, пригодится. Да и ветер встречный, так что поначалу грести придется.

Не успели мы выйти из залива, а там - корабль Харальда. Идет на юг не больше чем в миле от берега.

Спасибо Руне, что понудила меня поспешить. Еще часа два – и я пропустил бы его.

А ошибиться в том, что это корабль Харальда, было невозможно. Кто еще пожелал бы украсить свое судно столь затейливо? Позже, во время пограничных набегов на датчан, мне приходилось плавать на самом большом корабле из построенных Харальдом, на его «Великом драконе» с тридцатью пятью гребными скамьями – это был длиннейший из длинных кораблей, когда-либо существовавших. Но этот великан в моей памяти все же не может сравниться с кораблем, который узрел я в тот погожий летний день, когда Харальд пустился в путь, чтобы предъявить свои права на престол. Его длинный корабль сиял. Горделиво сияли щиты красного и белого цвета по бортам. Разинутая пасть дракона на носу сияла золотистой бронзой и взблескивала на солнце, когда корабль взлетал на волну. Длинный алый стяг развевался на макушке мачты, снасти отбелены, а верхняя рея по всей длине украшена золотыми листьями. Но другое дало мне понять со всей очевидностью, что это корабль Харальда. Кто еще повелел бы пустить на паруса ткань ценою на вес золота: каждая третья полоса грота была выкроена и сшита из шелка персикового цвета!

Я вскочил на банку рыбацкой лодки и замахал веслом. Зоркий впередсмотрящий на длинном корабле заметил меня, и драккар тут же изменил курс. Вскоре я перевалился через его борт и прошел на заднюю палубу, где стоял Харальд с советниками. Я знал их всех – Халльдора, воеводу Ульфа, сына Оспака и остальных.

– Добро пожаловать на корабль, советник. Что ты можешь доложить? – осведомился Харальд так, словно я виделся с ним только вчера.

– Я побывал и у Магнуса Норвежского, и у ярла Эстридсона, господин, – начал я, но Харальд прервал

меня.

- Мы уже виделись с датским ярлом. Он приехал на север просить помощи у шведов в своей расправе с Магнусом, и случайно мы встретились с ним. Какое впечатление он произвел на тебя?

Я помолчал, не желая показывать, сколь мрачным мне видится будущее. Но и не сказать ничего я не мог.

- Ему нельзя доверять, - напрямик ответил я.

- А мой племянник Магнус?

- Господин, кажется, народ к нему хорошо относится.

Сказать так было нетактично, и Харальд грубо отвернулся и стал смотреть в море, не обращая на меня внимания. Наверное, он решил, что я намекаю на то, что сам он может не вызвать любви у народа. Я смиренно подошел к остальным советникам.

Халльдор посочувствовал мне.

- Нужно, чтобы кто-то время от времени говорил ему правду.

- Это еще не все, - сказал я. - Я хотел предостеречь его, но сейчас не время.

- Предостеречь?

- Мне недавно приснился сон, дурное предзнаменование.

- Ты всегда был странным человеком, Торгильс. Еще когда ты в первый раз явился в дом к моему отцу, я и мои братья все удивлялись, отчего он принял тебя и так обращается с тобой, по-особенному. Это из-за твоего дара предвидения? Что ты видел?

- Смерть Харальда, - ответил я.

Халльдор искоса посмотрел на меня.

- Как это случилось?

- Стрела в горло во время битвы.

- Когда?

- Не знаю. Сны никогда не бывают точными. Это может произойти скоро, а может быть, через много лет.

- Лучше расскажи мне поподробнее. Вместе мы сумеем уговорить Харальда избегать открытых сражений, коль не сейчас, то, по крайней мере, в будущем.

И я рассказал о том, что мне приснилось. Я описал корабли, войско, поход по сухой земле под палящим солнцем, высокого человека и его смерть.

Когда я завершил рассказ, Халльдор смотрел на меня со смесью облегчения и ужаса.

- Торгильс, - сказал он, - мой отец был прав. Ты и вправду обладаешь даром предвидения. Но на этот раз ты неверно истолковал свое видение. Харальду ничего не грозит.

- Что ты имеешь в виду?

- Это был не Харальд, тот, погибший. Это Маниакес, грек-военачальник, что водил нас в поход на Сицилию.

- Но это невозможно! Сколько лет я не видел Маниакеса и за все это время ни разу не думал о нем.

- С какой стати тебе было о нем думать? - сказал исландец. - Два года ты живешь на севере и не можешь того знать, что год назад Маниакес восстал против нового басилевса. Эта пожирательница мужчин, старая императрица Зоэ, вышла замуж в третий раз и передала почти всю власть своему новому мужу, а Маниакес попытался захватить трон. Он в то время стоял во главе императорской армии в Италии и вторгся в Грецию. Эта выжженная земля тебе и привиделась. Басилевс собрал все войска, какие мог, в том числе и константинопольские полки, и вышел ему навстречу. Две рати сошлись - а было это в жаркий летний день на голой равнине, - и была великая битва, в которой решалась судьба империи. Маниакес уже почти взял верх, его войско громило врага, как вдруг случайная стрела угодила ему в шею и убила. Все было кончено. Его войско бежало, произошла резня. К нам эта весть пришла несколько месяцев назад, как раз перед нашим

отбытием из Киева сюда. Маниакеса, а не Харальда видел ты в своем видении.

Меня это в одно и то же время потрясло и обрадовало. Я вспомнил, как были похожи эти два человека друга на друга и ростом, и манерой держаться, а во сне мне так и не удалось увидеть лицо погибшего полководца. И все вместе оказалось ошибкой – это было не предвидение, а путешествие духа. Несколько раз в жизни я встречал ведунов, которые могли в забытьи покинуть свои тела и совершать далекие странствия. Такое же произошло и с моим сном. Я перенесся в другое место и другое время и там стал очевидцем смерти Маниакеса. Прежде со мной такого не случалось. Я был сбит с толку, у меня немного кружилась голова. Но, по крайней мере, я не сваял дурака перед Харальдом, рассказав ему о своих опасениях.

И я не задался вопросом, для чего Один привел меня на корабль Харальда, коль скоро на самом деле я видел смерть Маниакеса. Задай я себе этот простой вопрос, все могло бы пойти по-другому. Но ведь лукавство столь обычно для Одина.

Глава 11

Каково быть советником самого богатого правителя Севера? Ибо таковым правителем – не прошло и трех лет – стал Харальд.

Для начала ему пришлось согласиться с предложением своего племянника разделить с ним норвежский трон, но это было соглашение непрочное, и оно, безусловно, привело бы к распре и междоусобице, когда бы Магнус не погиб на охоте – странный несчастный случай. Заяц выпрыгнул перед его лошадью, лошадь понесла, и низко растущей веткой Магнуса выбило из седла. Он сломал себе шею. Зайцы, как и кошки, тоже близки Фрейе, и в то время я считал, что сей несчастный случай с конунгом – знак того, что исконные боги помогают мне, ибо по смерти Магнуса Харальд стал единовластным правителем Норвегии. Но вскоре на сей счет у меня возникли сомнения, ибо единовластие сильно повлияло на Харальда – он стал еще жестче и высокомернее.

Я мог судить о переменах в нем по его обращению с Халльдором. Грубовато-добродушный исландец был близким соратником Харальда во всех его странствиях по чужим землям, на Сицилии он был ранен – на лице его остались глубокие шрамы, но сия небывалая верность не спасла его от тщеславия Харальда. Халльдор всегда был прямым человеком. Он высказывал свое мнение, не смягчая слов, и чем более могущественным становился Харальд, тем меньше ему нравилось слышать столь откровенные речи, даже из уст ближайшего из советников. Вот, к примеру, что случилось во время одного из морских набегов Харальда на датские земли ярла Свейна. Халльдор был вперёдсмотрящим на носу длинного корабля Харальда.

Это было почетное место и большая ответственность. Когда судно шло под парусами вдоль берега, Халльдор крикнул, что впереди скалы. Харальд, стоявший рядом с кормчим, решил не обращать внимание на это предупреждение. Через несколько минут драккар налетел на скалы и получил серьезные повреждения. Выведенный из себя, Халльдор заявил Харальду, что не желает быть впередсмотрящим, коль его слова пропускают мимо ушей. А Харальд, разъярившись, ответил, что не нуждается в таких людях, как Халльдор.

И раньше не раз случалось подобное, но после этого происшествия отношения между ними вовсе испортились. Я с сожалением видел, что Харальду доставляет удовольствие задевать Халльдора. При дворе Харальда бытовало такое правило, что все приближенные должны быть одеты и готовы служить конунгу к тому времени, когда герольд заиграет в трубу, объявляя, что конунг сейчас выйдет из спальни. Как-то утром, ради шутки, Харальд заплатил герольду, чтобы тот протрубил на рассвете, гораздо раньше обычного. Халльдор и его друзья бражничали всю ночь, и это застало их врасплох. И тогда Харальд приказал Халльдору с друзьями сесть на пол пиршественной залы, на грязную солому, и пить полные рога эля, а все прочие придворные смеялись над ними. Другое правило предписывало, что во время трапез никто не должен продолжать есть после того, как конунг покончил с едой. Харальд подавал знак - стучал по столу рукояткой своего ножа. Однажды Халльдор пренебрег этим знаком и продолжил жевать. Харальд крикнул через весь стол, что Халльдор разжирел, ибо слишком много ест и мало двигается, и вновь наложил на исландца наказание - полный рог эля.

Все кончилось в день, когда Харальд подменил монеты. Ежегодно в восьмой день после Йоля конунг

одаривал своих вассалов. Хотя богатства его были по-прежнему неисчислимы – десять сильных мужчин с трудом поднимали сундуки с сокровищами Харальда, – Харальд заплатил Халльдору, мне и другим верным людям медной монетой вместо обычного серебра. Только у Халльдора хватило смелости возмутиться. Он сказал, что более не может служить столь скупому государю и предпочитает вернуться домой в Исландию. Затем он распродал все свое имущество в Норвегии, и произошла отвратительная схватка между ним и Харальдом, когда Халльдор требовал, чтобы конунг дал должную цену за корабль, купленный у Халльдора. Все это печальное дело кончилось тем, что Халльдор ворвался в личные покои конунга и, угрожая мечом, потребовал, чтобы Харальд отдал ему одно из золотых колец своей жены в уплату долга. После чего Халльдор уплыл в Исландию и больше не возвращался.

Его отъезд опечалил меня. Он всегда был мне другом, и я ценил его здравый смысл. Но я не последовал его примеру и не оставил службу у Харальда, ибо все еще питал надежду, что Харальд защитит исконную веру, и кое в чем Харальд оправдывал мои чаяния. Он вновь женился, не разведясь с Елизаветой, своей первой женой. Его новая жена, Тора, дочь одного норвежского вельможи, была крепкой сторонницей исконной веры. Когда христианские священники при дворе запротестовали, заявив, что Харальд виновен в двоеженстве, тот напрямик заявил, чтобы они занимались своими делами. И еще. Когда в Норвегию прибыла парочка новых епископов, посланных архиепископом Бремена, что в германских землях, Харальд без промедления отправил их обратно с коротким посланием архиепископу, извещая, что конунг сам знает, кого поставить над церковью. Но, к моему сожалению, Харальд точно так же проявлял склонность к христианству, когда это его

устраивало. Он подновил церковь, в которой были похоронены тела его сводного брата «святого Олава» и племянника Магнуса, и всякий раз, имея дело с приверженцами Белого Христа, непременно напоминал им, что он, Харальд, близкий родственник святого Олава. Прошло еще несколько лет, прежде чем я окончательно понял, что Халльдор был прав с самого начала. Харальд служил одному лишь богу – самому себе.

И все же я упорствовал. Образ жизни при дворе Харальда был больше всего похож на тот, о котором я слышал ребенком в Гренландии, и я внушал себе, что Харальд искренне почитает обычаи Севера. Он окружил себя скальдами и хорошо платил за стихи, воспевавшие славные деяния прошлого. Его главным скальдом был еще один исландец, Тьодольв, но и другие поэты – Вальгард, Иллуги, Больверк, Халли, известные насмешники, и Стув Слепой были почти так же искусны в создании затейливых строф в придворном стиле, о достоинствах которых Харальд мог судить, ибо сам был знающим стихотворцем. Для веселья он нанимал придворного карлика, фризца по имени Тутта, у него была длинная широкая спина и очень короткие толстые ноги, и все поневоле заливались смехом, глядя, как он вышагивает по большому залу дворца, одетый в кольчугу, доходящую до пола. Эта кольчуга была особо выкована для Харальда в Константинополе и столь прославлена, что даже получила собственное имя – «Эмма». Сам Харальд всегда был одет наилучшим образом, щеголял в красной с золотом головной повязке, когда был без короны, а в парадных случаях – сверкающим мечом, каковым его наградили в Миклагарде как спафарокандидата.

К сожалению, меч и кольчуга были не единственным напоминанием о его жизни при дворе басилевса. В Миклагарде Харальд понял, как безжалостно нужно

добиваться власти и устранять соперников без предупреждения. Теперь я наблюдал, как он устранял одну вероятную угрозу за другой, внезапно и без пощады. Некий знатный человек, ставший слишком могущественным, был вызван на совет и опрометчиво вошел в зал совета без телохранителя. В зале же было темно – Харальд приказал закрыть ставни, – и его убили в темноте. Другой соперник был назначен начальником передового отряда дружины Харальда и послан в бой против сильнейшего врага. А Харальд все откладывал свое прибытие на поле битвы, и весь передовой отряд вместе с предводителем был безжалостно перебит. Вскоре тех, кто называл Харальда Суровым, стало куда меньше, чем тех, кто звал его просто «Харальдом Скверным».

И этому вот конунгу я продолжал верно служить, называя себя «человеком конунга» и упрямо цепляясь за надежду, что он остановит упорное продвижение веры Белого Христа и поведет свой народ обратно, к светлым дням исконной веры. Будь я честнее с самим собой, я должен был бы признать, что моя мечта вряд ли когда-нибудь осуществится. Но мне не хватало духа изменить свой образ мыслей. На самом же деле все обстояло просто: я достиг прочного положения в жизни, и у меня появилась привычка к этому положению. Мне было сорок шесть лет, когда Харальд сел на норвежский, престол, но вместо того чтобы смириться с возрастом, каковой большинство почитает едва ли не старостью, я все еще чувствовал, что способен управлять событиями.

А Руна не давала мне состариться.

Каждый год на шесть месяцев я оставлял двор Харальда и возвращался в мой любимый Вестерготланд. Я приурочивал свой приезд к середине осени, когда наступала пора сбора скудного урожая зерна, росшего на каменистых полях, отвоеванных у лесов,

окружающих наше поселение, и вскоре мое возвращение стало сопровождаться маленьким обрядом. Я являлся домой пешком в скромном дорожном платье, а не в дорогом придворном, и в кожаном мешочке нес особый подарок для Руны – две парные золотые броши с переплетенным узором, чтобы застегивать плащ, ожерелье из янтарных бусин, браслет из черного янтаря, затейливо вырезанный наподобие змеи. Мы вдвоем уходили в небольшую избушку, выстроенную мною рядом с домом ее сестры, и едва мы оказывались скрыты от любопытных взоров, ее глаза вспыхивали от предвкушения. Вручив ей подарок, я отходил назад и смотрел с восторгом, как она разворачивает то, что я завернул в длинный кусок яркого шелка, каковым позже она оторачивала свои лучшие наряды. Полюбовавшись подарком, Руна дарила мне долгий нежный поцелуй, а потом осторожно клала подарок в ларец с драгоценностями и прятала его в углубление в стене.

Только после этого ободряющего приветствия я докладывал о себе Фолькмару и спрашивал у него, какую работу на хуторе нужно сделать. Он ставил меня жать зерно, помогать забивать и свежевать скот, для которого на зиму у нас не хватило бы корма, либо солить мясо. Потом нужно было наколоть дров, уложить их, и дранка на крышах наших домов требовала внимания – там отслоилась, тут и вовсе нуждалась в замене. Будучи молодым, я не любил рутины и суровой неукоснительности деревенской жизни, но теперь обнаружил, что телесный труд возвращает бодрость, и с удовольствием проверял, довольно ли молодой силы во мне осталось, сам себе задавая уроки и находя удовлетворение в успешном исполнении оных. По вечерам, готовясь отойти ко сну рядом с Руной, я произносил благодарственную молитву Одину за то, что от сиротского детства через битвы, рабство и почти

смерть он привел меня в объятия женщины любящей и глубоко мною любимой.

К своему великому удивлению я обнаружил, что соседи видят во мне как бы мудреца, человека, глубоко постигшего Древнюю мудрость, и приходят ко мне за советами. Я охотно шел им навстречу, потому что начал понимать, что будущее исконной веры зависит не от великих правителей, вроде Харальда, но от обычных землепашцев. Я напомнил себе, что «паганус» – слово, которым христианские священники ругают язычников, – означает всего лишь человека, живущего в сельской местности. И тогда я стал учить деревенских жителей тому, что сам узнал в молодости: о богах, о том, как сохранять исконную веру, как жить в гармонии с невидимым миром. В ответ мои соседи сделали меня чем-то вроде жреца, и однажды, вернувшись домой, я обнаружил, что они выстроили для меня маленький хоф. Всего-то круглую хижину, стоящую в рощице, неподалеку от дома, где жили мы с Руной. Там я мог приносить жертвы и молиться Одину без помех. И снова Один услышал меня, потому что на восьмой год правления Харальда Руна обрадовала меня, сообщив, что ждет ребенка, и в положенное время произвела на свет мальчика и девочку, здоровых и сильных. Мы назвали их Фрейрвидом и Фрейгерд в честь богов, которые тоже были близнецами.

Близнецы еще не научились ходить, когда Харальд послал меня с поручением, предварявшим его великие притязания – по меньшей мере, стать вторым Кнудом, получив власть над всеми северными землями. Он вызвал меня в палату советов, одного, и заявил напрямик:

– Торгильс, ты говоришь на языке скоттов.

- Нет, милорд, - ответил я. - В молодости я научился языку ирландцев, когда был там рабом.

- Но ирландский язык достаточно близок к языку скоттов, чтобы ты мог провести тайные переговоры, не нуждаясь в переводчике?

- Возможно, государь, хотя я никогда этого не пробовал.

- Тогда тебе придется отправиться в Шотландию, посетить короля скоттов и выяснить, захочет ли он вступить со мной в союз.

- Какова цель союза? - осмелился я спросить.

- Завоевание Англии. Он не питает любви к своим южным соседям.

Харальд внимательно всматривался в меня, ожидая моего ответа.

Я же молчал и ждал продолжения.

- Имя короля - Магбьодр. Он сидит на шотландском троне четырнадцать лет. Судя по всему, знает толк в военном деле. Он может стать могущественным союзником. Есть только одна помеха: он не доверяет норвежцам. Его отец дрался с нашей оркнейской родней, когда ярлом там был Сигурд Смелый.

Имя Сигурда Смелого отозвались в моей левой руке болезненным уколом. Застаревшая рана невольно напомнила о себе.

- Я дрался на стороне ярла Сигурда в великой битве при Клонтарфе в Ирландии, где он погиб, пытаюсь свергнуть ирландского верховного конунга, - сказал я, тщательно выбирая слова. И удержался, не добавил, что был последним, кто высоко держал знаменитый стяг Сигурда с вороном, и получил страшный удар по руке, когда шест со стягом вырвали у меня.

- На этот раз я собираюсь свергнуть верховного короля Англии при поддержке Магбьодра, - заявил Харальд. - Твоя задача - убедить его объединиться с

нами ради общего дела. Письмо, которое ты повезешь в Шотландию, готово. Плыть же туда всего два дня.

Я прибыл в Шотландию, надеясь найти Магбьодра в его крепости на южном берегу залива, называемого скоттами Мари-Ферт, но, когда я приехал туда, управляющий сказал мне, что король совершает объезд своих владений, и его ждут обратно не ранее чем через несколько недель. И добавил:

- Королева поехала с ним. Да сохранит ее Господь. - Должно быть, он заметил мое недоумение и потому продолжил: - За последние месяцы ей стало хуже, и никто не может ей помочь. Такая славная женщина! Не знаю, на пользу ли ей путешествие.

Оказалось, что мой разговорный ирландский хорошо понимают, и тогда я стал потихоньку выпрашивать и выяснил, что королева, а звали ее Груох, страдает какой-то таинственной болезнью.

- Выстрел эльфа, - вот как назвал это один из моих собеседников, а другой сказал прямо:

- Демоны вошли в ее голову.

И каждый, с кем я разговаривал, давал понять, что Груох здесь весьма почитают. Очевидно, она, прямой потомок шотландских королей, выйдя замуж за Магбьодра, способствовала его притязаниям на трон. Магбьодр тоже был королевской крови, но носил более низкий титул мормера Мороя, титул, равный ярлу, прежде чем взошел на трон, свергнув предыдущего короля при обстоятельствах, о которых мои собеседники говорили весьма неохотно. Одни утверждали, что он победил короля в открытом бою, другие - что он убил его на поединке, а кое-кто намекал, что Магбьодр предательски убил своего короля, когда тот был его гостем. Слушая их противоречивые рассказы, я понял одно: Магбьодр - человек, с которым следует считаться. Он не только занял шотландский трон насильственным путем, но и

жену приобрел с помощью оружия. Груох была женой предыдущего мормера Мороя, сожженного вместе со своей свитой в полсотни человек, в распре с Магбьодром. И что еще примечательней – Магбьодр женился на вдове, а затем согласился сделать ее сына от первого мужа своим наследником. Король и королева скоттов, подумал я, должно быть, весьма необычная пара.

Дорога на юг в поисках Магбьодра вела меня по дикому краю болот и каменистых нагорий. Эта земля, именуемая Маунт, изобилующая туманами, изрезана узкими долинами, густо поросшими зарослями кустарников и лесом, весьма удобными для засад, и там я понял, почему в слышанных мною рассказах о распрях между скоттами столь часто говорилось о неожиданных нападениях и внезапных набегах. А нагнав наконец короля, подумал, что он весьма благоразумно разместился со своей свитой в неприступной крепости, расположенной на горном склоне, откуда хорошо видна вся округа. Крепость защищало тройное кольцо земляных насыпей с частоколом по верху, каковой, как я заметил, с трудом поднявшись наверх, продолжали укреплять его воины.

Меня встретили с подозрением. Стражник задержал меня у внешних ворот, обыскал на предмет спрятанного оружия и только потом спросил, зачем я пожаловал. Я сказал, что прибыл с посланием от Харальда Норвежского и прошу аудиенции у короля. Воин явно сомневался. Он заявил, что чужеземцы не допускаются во внутреннюю крепость. Таков, мол, приказ, и исполняется он неукоснительно, потому как нортумбрийцы грозят вторгнуться в их пределы. А что, если я их соглядатай? На это я заметил, что союзниками нортумбрийцев всегда были даны, и что король Харальд и его норвежцы воюют с датчанами с тех пор, как Харальд взошел на трон.

- Может быть, - возразил стражник, отводя меня к своему начальнику, - но, по-моему, все вы, северяне, одинаковы - разбойники, и вам лучше держаться подальше от тех краев, где вам не место.

Его начальник подверг меня нарочитому допросу, после чего оставил ждать в караульне, и только спустя несколько часов я, наконец, предстал перед человеком рослым и мужественным, бывшим, пожалуй, лет на десять моложе меня, с красноватым обветренным лицом и с длинными желтыми волосами. Это был король скоттов, известный норвежцам как Магбьодр, но своему народу как Макбетад мак Финдли.

- Где ты научился нашему языку? - спросил он, постукивая по стоящему перед ним столу лезвием кинжала. Я решил, что оружие он держит не просто напоказ. Король не доверял чужеземцам.

- В Ирландии, ваше величество. В монастыре.

Король нахмурился.

- Ты не похож на христианина.

- Я не христианин. Я попал в монастырь по принуждению. Поначалу как раб. Но я не принял этой веры.

- Жаль, - сказал Макбетад. - Сам я христианин. Как получилось, что ты стал рабом?

- Меня взяли в плен в бою.

- А где это было?

- У места под названием Клонтарф, ваше величество.

Ритмичное постукивание кинжалом вдруг замедлилось.

- У Клонтарфа? Это было давно. Ты с виду не настолько стар, чтобы участвовать в этом.

- Я был подростком, лет пятнадцати.

- Тогда ты должен знать мормера из Мара. Он дрался и погиб в этой битве.

- Нет, ваше величество. Я не знал его. Я был среди людей ярла Сигурда.

Макбетад смотрел на меня, пытаюсь понять, правду ли я говорю. В задумчивости он продолжал постукивать лезвием кинжала по покрытой зарубинами столешнице.

- Я удивлен, - сказал он. - Харальд Норвежский посылает своим представителем человека, служившего Сигурду. Вся жизнь оркнейский ярл был смертельным врагом моего отца. Они бились, по меньшей мере, в трех битвах, и, благодаря этому своему волшебному стягу, Сигурд всегда брал верх. А потом люди с Оркнеев украли наши земли.

Начало моей первой встречи с Макбетадом складывается весьма неудачно, подумал я. Видно, никудышный из меня посол.

- Стяг не помог Сигурду при Клонтарфе, - заметил я, пытаюсь смягчить обстановку. - Он погиб, препоясавшись им.

- И откуда тебе это известно? - На этот раз вопрос прозвучал резче.

- Он перенял стяг у меня, когда победа отвернулась от нас и некому больше было держать знамя. Он обвязался им, сказав, что нищий должен нести свою мощну. Потом ринулся к гуцу боя. На верную смерть. Как он пал, я не видел.

И вновь Макбетад недоверчиво уставился на меня.

- Ты хочешь сказать, что был знаменосцем Сигурда и при этом уцелел?

- Да, ваше величество.

- И ты не знал предсказания, что всякий, кто развернет стяг с вороном в бою, одержит победу, но тот, у кого оно в руках, умрет в момент победы?

- Я слышал это предсказание, ваше величество. Но при Клонтарфе случилось так, что предсказание не исполнилось. Моя судьба была иной. Норны решили, что я должен выжить, а ярл потерпит поражение.

Когда я упомянул норн, Макбетад замер. Кончик кинжала замедлил ритм и остановился. Настало молчание.

- Ты веришь в норн? - тихо спросил он.

- Верю, ваше величество. Я держусь исконной веры. Норны решают нашу судьбу, когда мы рождаемся.

- А в другие времена? Решают ли они нашу судьбу в последующие годы?

- Этого я не знаю. Но то, что норны определяют нам, в конце концов сбудется. Мы можем оттянуть осуществление их решения, но не можем избежать его.

Макбетад осторожно положил кинжал на стол.

- Я хотел отослать тебя прочь, не выслушав того послания, которое ты привез от Харальда Норвежского. Но, быть может, твое появление здесь тоже было предначертано судьбами. Я желаю, чтобы сегодня вечером ты встретился со мною и с моей женою наедине. Как знать, не поможешь ли ты нам. Тебе, вероятно, уже известно, что моя жена больна.

- Я не лекарь, ваше величество, - предупредил я.

- Здесь нужен не лекарь, - молвил король. - Здесь нужен кто-то, кто сможет объяснить то, что кажется противным всем основам. Я ведь благочестивый христианин. Но я видел норн.

На этот раз замолчал я.

Королевский управляющий выделил мне место для сна - небольшую нишу, немногим больше стенного шкафа, рядом с королевскими покоями, а кормиться поставил вместе с дружиной крепости. Слушая их разговоры, я выяснил, что все они состоят в личной свите Макбетада и держатся весьма высокого мнения о военном искусстве своего предводителя. Единственный раз в суждениях промелькнуло некоторое сомнение, когда разговор коснулся королевы. Один старый воин

посетовал: мол, Макбетад настолько занят болезнью королевы, что не уделяет достаточного внимания подготовке отражения ожидаемого набега. Ярл Нортумбрии Сивард дал прибежище двум сыновьям предыдущего шотландского короля, того, кого убил Макбетад, и воспользовался их притязаниями на трон, чтобы оправдать свое нападение.

Тем же вечером за мной явился управляющий и повел меня в личные покои короля. Я оказался в комнатке, где стоял только стол и несколько простых тесовых стульев. Свет давала единственная свеча на столе, поставленная достаточно далеко от женщины в длинном темном плаще, сидящей в дальнем конце комнаты. Она сидела в тени, сложив руки на коленях и возбужденно ломая пальцы. Кроме нее в комнате был только Макбетад, и вид у него был встревоженный.

- Не посетуй за темноту, - начал он после того, как управляющий удалился, закрыв за собой дверь. - Яркий свет причиняет королеве боль.

Я посмотрел на женщину. Плащ у нее был с наголовником, и она опустила его так низко, что лица почти не было видно. Но тут свеча коротко вспыхнула, и я заметил напряженное, усталое лицо, выглядывающие из-под капюшона глаза в темных кругах, бледную кожу и высокие скулы. Даже в тот короткий миг щека, повернутая ко мне, быстро и отчетливо дернулась. Одновременно я ощутил укол боли, какой бывает, когда случайно ударишься локтем о камень, такой, от которого рука немеет. Но удар я ощутил не в руке, а в голове. Я понял, что сию вблизи человека, обладающего сверхъестественной силой.

Ощущение было знакомое. Я испытывал его всякий раз, когда встречался с мужчинами и женщинами, сведущими в *сейде*, искусстве волшебства. Обычно ощущение это было сильнее, ибо и я наделен был даром, который норвежцы именуют *ofreskir* -

ясновидение. Но сейчас все было по-другому. Сила, исходящая от женщины в плаще, была, без сомнения, силой вельвы, ведовским даром, но сила эта была искажена и переменчива. Она доходила до меня волнами – так далекий горизонт мерцает молниями в летний вечер, не резкими и страшными сполохами, когда Тор швыряет свой молот Мьелльнир, но непрерывным неровным блеском, каковой хуторяне, живущие в глуши, считают отражением в небе косяков рыбы, всплывших на поверхность моря.

Снова заметил я руки женщины. Она ломала пальцы и терла руки одна о другую, словно мыла в воде, а не в воздухе.

– Здешний народ знает трех *вейрд*, – вдруг торопливо заговорил Макбетад. В голосе его звучала боль. – Как христианин, я полагал, что это просто языческое суеверие. Покуда не встретил их трех, одетых в лохмотья. Это было в Морее, когда я был еще мормером, а не королем.

Король заговорил о норнах сразу, без предисловий. Очевидно, этот вопрос мучил его.

– Они, как три старые карги, стояли бок о бок у дороги. Я бы проехал мимо, не окликни они меня. Может быть, не остановись я и не выслушай их, с моей женой все было бы в порядке.

– Вы видели норн в Морее? – спросил я, ощущая какую-то неловкость. – Во время битвы при Клонтарфе их видели поблизости, в Кайтнесе. Они ткали саван из человеческих кишок. Они праздновали кровавую битву. Что они вам сказали?

– Речи их были темны и неразборчивы – беззубые старухи пришептывали и шамкали. Но одна из них вымолвила прорицание. Сказала, что я стану королем скоттов, и предупредила об измене среди моих приближенных. В то время я думал, что все это чушь и

весьма заурядная - такое может придумать любой дурак.

- Если это и вправду были норны, значит, с вами разговаривала Верданди. Она определяет то, что будет. Две ее сестры, Ур и Скульд, заняты тем, что наступило, и тем, чем все завершится.

- Я - христианин, я знать об этом ничего не знаю. Я бы не обратил внимания на их слова, когда бы не Груох.

Я снова посмотрел на женщину в капюшоне. Теперь она раскачивалась взад и вперед на своем стуле, по-прежнему безостановочно ломая руки. Она наверняка слышала все, о чем мы говорили, но не произнесла ни единого слова с тех пор, как я вошел в комнату.

- Груох такая же добрая христианка, как и я, - продолжал Макбетад, несколько осторожней. - Точнее сказать, она больше христианка, чем я. Она милосердна и добра. Нельзя пожелать лучшей супруги.

С некоторым запозданием я понял, что Макбетад любит свою королеву. Это открытие стало для меня неожиданностью и объяснило его тревогу, а последовавший за этим рассказ обнаружил, как любовь к жене заманила в ловушку их обоих.

- Я рассказал Груох о прорицании вейрды, и она тоже отмахнулась от него как от языческого пустословья. Но все же заметила, что я имею больше прав на шотландский трон, чем тот слабый человек, в то время сидевший на нем - я имею в виду моего родича Дункана. И даже не обмолвилась о том, что сама она столь же высокого рождения. Может быть, этой мысли у нее вовсе и не было, но мне показалось, что была. Ее слова подтолкнули меня к решению свергнуть короля. Не ради меня самого, хотя всем известно, что чем сильнее король, тем счастливее его королевство. Такова «правда королей». Ради своей жены я решил, что когда-нибудь воссяду на священный камень и объявлю себя

королем скоттов. Тогда Груох станет королевой. Это ее неотъемлемое право, и это будет моим даром ей.

- И получилось так, как предсказали норны?

- Я бросил вызов королю Дункану и победил его в открытом бою. Не я один хотел, чтобы его не стало. Меня поддерживали больше половины остальных мормеров и танов.

- Я слышал разговоры, будто король погиб, будучи вашим гостем.

Макбетад скривился.

- Это все досужие рассказы, черные домыслы, распускаемые теми, кому хотелось бы видеть на троне одного из сыновей Дункана. Нет сомнений, их руками водили бы нортумбрийцы. Дункан пал не жертвой заговора. Он погиб, ибо был слабым и беспечным военачальником. Он повел своих людей в Морей, чтобы уничтожить меня, но его лазутчики опростоволосились - не обнаружили нашей засады. После битвы я казнил лазутчиков за то, что они худо выполнили свой долг. Коль кто-то и был виновен в смерти Дункана, так это они.

- И ваша жена заболела после этого?

Макбетад покачал головой.

- Нет. Она внучка короля и знает цену, какую приходится платить за власть, за то, чтобы захватить или удержать ее. Болезнь проявилась спустя три года. Она развивается медленно и неотвратно, но я надеюсь, что ты сумеешь объяснить ее, ибо, боюсь, это как-то связано с исконной верой.

Он повернулся к жене. Она подняла голову. Они смотрели друг на друга так, что стало ясно - Груох любит мужа не меньше, чем он любит ее.

- Я был слишком занят своими королевскими обязанностями, чтобы заметить, что происходит, - медленно пояснил Макбетад. - После того как я занял престол, она стала спрашивать, отчего появились

вейрды, и коль скоро они не более чем языческое суеверие, как случилось, что их предсказание исполнилось. Сомнения мучили ее. Наши христианские священники сказали, что это работа дьявола. Они убедили ее, что она, сама того не зная, стала посредником Темного. Она решила, что нечиста. Вот почему она, как ты наверняка заметил, то и дело моет руки.

- И какое лечение предложили священники? - спросил я и, не удержавшись, добавил: - Они ведь уверены, что у них есть рецепты на все случаи жизни.

Макбетад встал и подошел к жене. Он наклонился, нежно поцеловал ее, а затем откинул наголовник, чтобы достать амулет, висящий у нее на шее на кожаном шнурке. И тогда я увидел, что королева Груох была некогда поразительно хороша собой. В волосах, нечесанных и всклокоченных, но все еще густых и роскошных, мелькали рыжевато-золотистые отблески, хотя большая часть выцвела до блеклой бронзы. От левого виска назад через всю голову тянулась странная белая прядь, придавая ее облику что-то дикое и тревожное.

Макбетад положил амулет на стол передо мной. Это была тонкая медная трубочка. Я вынул из нее плотно свернутый клочок пергамента и разгладил его на столе, чтобы прочесть начертанное на нем. Слова были написаны руническими, греческими и латинскими знаками. «"In nomine domini summi sit benedictum". Твоя рука досаждает, твоя рука тревожит тебя, Вероника поможет тебе», - прочел я.

- Священник, изготовивший этот амулет, велел моей жене носить его на левой груди, - объяснил Макбетад, - а чтобы он подействовал, она должна хранить молчание. Но, как видишь, амулет не помогает. Впрочем, и вреда от него меньше, чем от других предложенных средств. Ибо иные священники

утверждали, что недуг моей жены можно одолеть, коль я буду ежедневно хлестать ее кнутом, сделанным из кожи морской свиньи, таким способом изгоняя демонов, коими она одержима. – И он скривился от отвращения.

Я вспомнил, как дернулась щека королевы, и как молодой басилевс Михаил в Миклагарде дрожал неудержимой дрожью за мгновения до того, как рассудок его помрачался. В Миклагарде невежественные священники тоже поставили диагноз – вмешательство дьявола. Однако врачи смотрели на это иначе. Давным-давно, будучи в Ирландии, я видел, как друид применяет травы и снадобья для исцеления от конвульсий.

– Ваша королева не одержима никакими дьяволами, никакими черными эльфами, – успокоил я короля. – То, что написано на пергаменте, хуже, чем глупость. Коль скоро вы хотите облегчить страдания королевы, выбросьте этот амулет, пусть она говорит, когда хочет, а если случится приступ, дайте ей выпить теплого уксуса, вымочив в нем белену или цикуту, либо легкую настойку растения, называемого «сонной одурью».

Макбетад побледнел.

– Но ведь это излюбленные растения ведьм и колдунов – и вейрд, – сказал он укоризненно. – Ты ведешь ее к этому темному миру, а не от него.

Я пожал плечами.

– Я приверженец исконной веры, – напомнил я, – и не вижу ничего дурного в том, чтобы пользоваться этими растениями, коль скоро они помогают. – Говоря это, я задавался вопросом – знает ли Груох, что она обладает ведовской силой? А ежели знает, то заглушила ли она ее, отринула ли, будучи христианкой? Коль скоро так, то ей придется претерпевать невыносимое напряжение.

– И это лекарство исцелит мою жену и облегчит ее страдания? – спросил король.

- Этого я сказать не могу, - предупредил я. - Я полагаю, дух ее в смятении. Разрывается между Белым Христом и исконной верой.

- Белый Христос ей не помог, - сказал Макбетад. - Четыре года назад, когда меня по-настоящему встревожило здоровье королевы, я совершил с ней паломничество в Рим. Отыскивал всех святых людей, молился, делал щедрые приношения, но безрезультатно. Может быть, теперь мне следует обратиться к помощи исконной веры. Если это вылечит мою жену, я откажусь от христианской веры, зная, что от этого мне не будет никакого вреда.

Его слова послужили сигналом тревоги. Я понял, что здесь что-то не так.

- Что вы хотите сказать - «от этого вам не будет никакого вреда»?

- Последним прорицанием вейрд было, что я не погибну от руки смертного человека, и что моему трону ничто не грозит.

- А они дали какое-нибудь поручительство или доказательство?

- Они сказали, что я не проиграю сражения до тех пор, пока Бирнамский лес не подойдет к этой крепости. Но это невозможно. До Бирнама полдня пути.

Но я-то знал, что такое вполне возможно. Едва Макбетад сообщил мне об этом прорицании, я сразу понял, что его королевство обречено. Может статься, хуторяне там, в Вестерготланде, оказались правы, и я на самом деле стал чем-то вроде мудреца, но я не сомневался, что это предсказание об идущем лесе - верный знак предстоящего поражения. Странствуя по Дании несколько лет тому назад, я оказался в местечке, нареченном местными жителями Родником Кровавой Бойни. Заинтересованный, я осведомился о причине такого названия. Мне рассказали, что на этом месте некий датский король проиграл последнюю битву врагу,

когда войско последнего двинулось в наступление, неся в руках ветки и кусты, чтобы скрыть свою численность. Место же, где они нарубили веток, до сих пор называется Смертоносным болотом.

Стараясь не показывать страха, я смотрел, сидя в полумраке, на короля скоттов. Прорицание норн для Макбетада было предчувствием беды, а не уверенностью в ней. Ибо Один дал мне заглянуть в будущее Макбетада, но не дал того же королю. Я никак не мог изменить судьбу Макбетада. Это была его *orlog*, участь. Я не знал, что сказать. И отпраздновал труса.

- Будьте осторожны, - предостерег я Макбетада, вставая из-за стола. - Даже одно дерево способно погубить короля. Магнус Норвежский, разделявший престол с моим государем Харальдом, погиб от ветки, выбившей его из седла. Он тоже был христианином.

После чего, обремененный дурными предчувствиями, я сказал, что устал, испросил у Макбетада разрешения вернуться в свою комнату и вышел.

На следующее утро я не озаботился просить о повторной встрече с королем, ибо знал уже, что любой договор, заключенный между Макбетадом и королем Харальдом, окажется бесполезным. Я испросил дозволения вернуться в Норвегию, дабы получить указания от моего государя, и уже на берегу, в ожидании корабля, на котором смог бы добраться обратно в Нидарос, я услышал весть: Сивард и нортумбрийцы совершили внезапный набег и захватили крепость Макбетада на холме. Я не сомневался, что наступающая рать несла в руках ветки из Бирнамского леса. Сам Макбетад спасся во время битвы, и ему было суждено прожить еще два года, прежде чем его выследили и убили в горной долине Маунта. Как он погиб, будучи уверен, что ни один человек, рожденный женщиной, не может его убить, этого я так и не узнал.

Равно как не узнал, что случилось с королевой Груох, вернулась ли она к исконной вере или, мучимая своими сомнениями, и дальше разрывалась между двумя верами.

- Еще ты мог бы напомнить Магбьодру, что даже божественный Бальдр, коего боги считали неуязвимым, погиб от ветки омелы, - хитро усмехнулся Харальд, когда я доложил о провале своего посольства.

Так мог сказать только человек, хорошо знакомый с историей богов. Бальдр был самым красивым из них. Когда он родился, его мать обратилась ко всему, что могло причинить ему вред, с просьбой никогда не вредить ему. Она получила таковое обещание от огня, от воды, от хворей, от всех животных тварей, в том числе и от змей. Она обратилась даже к деревьям, ко всем, кроме омелы, сочтя ее слишком юной и тонкой, чтобы быть опасной. Уверенные в неуязвимости Бальдра, другие боги забавлялись на пирах, бросая в него камни, меча копья и пуская стрелы. И все, что они бросали, всегда либо не долетало, либо отклонялось в сторону, покуда обманщик Локи не вырезал стрелу из омелы и не отдал ее брату Бальдра - слепому Хеду. Не раздумывая, незрячий Хед пустил стрелу и убил брата.

- Один Мудрый сказал, что лучше людям не знать своей судьбы, - отозвался я и привел строфу из «Речей Высокого»:

Мудрый, умеи
умерить свой ум -
не мудрствуй чрез меру:
коли не знаешь
судьбы наперед,
то и печали не знаешь.

Харальд проворчал что-то одобрительно, а потом отпустил меня.

- Ступай к своей семье в Вестерготланд, Торгильс, и живи с ней счастливо до конца дней своих. Ты как человек конунга более чем исполнил свой долг по отношению ко мне, и я освобождаю тебя от обязательств. Я пошлю за тобой только в том случае, если мне больше не к кому будет обратиться.

Глава 12

Харальд больше не призывал меня. Я же десятью годами позже прибыл к его двору по собственной воле, отягощенный ощущением неотвратимо надвигающегося конца. Мне шел шестьдесят шестой год, и я чувствовал, что мне больше не для чего жить.

Произошло немыслимое: я потерял Руну. Она умерла от болезни, когда наш мирный уголок Вестерготланда пал жертвой одной из тех мелких, но злобных распрей, которые терзали северные земли. Я был в отлучке, отправился к морю, чтобы закупить на зиму запас сушеной рыбы, а тем временем шайка мародеров прошла по нашим прежде спокойным местам, разумеется, грабя и поджигая все на своем пути. Мой свояк со своей семьей и Руна с нашими близнецами спрятались в лесу, в укромном месте, так что все они уцелели. Но, вернувшись из убежища к своим домам, обнаружили, что все, припрятанное про запас на зиму, разграблено. Сеять зерно заново было уже поздно, и они постарались взамен заготовить все, чем только можно. Когда я вернулся домой с покупками, вся семья лихорадочно рыскала по лесу в поисках съедобных кореньев и поздних ягод.

Мы бы пережили эту беду, когда бы зима была не столь суровой. Снег выпал раньше обычного и завалил всю округу. Неделя за неделей мы сидели в наших хижинах, как в западне, не имея возможности выйти или позвать на помощь. Впрочем, наши соседи мало чем могли бы помочь нам – они так же страдали от разорения. Рыбу, привезенную мной, мы вскоре съели, и я корил себя за то, что не купил больше. Все мое спрятанное богатство оказалось бесполезным, коль скоро мы не могли добраться до внешнего мира.

Постепенно нами овладело тупое равнодушие, вызванное недоеданием. Руна по своему обыкновению ставила благополучие детей выше собственного. Она тайком подкармливала их из своей доли скудного пропитания и скрывала одолевавший ее упадок сил. Наконец пришла весна, начал таять снег, дни удлинились, и казалось, что все мы выживем. Но тут случилась беда – жестокая лихорадка. Поначалу у Руны всего лишь побаливало горло, ей стало трудно глотать. Но потом жена стала кашлять, харкать кровью, ее мучили боли в груди, и она задыхалась. Ее ослабленное тело не могло бороться с разбушевавшейся хворью. Я прибегал ко всем средствам, какие знал, но остановить ее угасание мне было не по силам. Потом настала ужасная ночь – всего три дня спустя после того, как у нее появились первые признаки болезни, – я лежал без сна рядом с ней и слушал, как ее дыхание становится все более и более затрудненным и слабым. К рассвету она уже не могла поднять голову или услышать меня, пытавшегося утешить ее. Она вся была сухая и горячая, хотя ее бил озноб.

Я пошел сменить воду в миске, в которой смачивал полотенце и прикладывал к ее лбу, а когда вернулся, она уже не дышала. Она лежала спокойно и тихо, точно лист, дрожавший на ветру, а потом оторвавшийся от ветки и беззвучно павший вниз, чтобы успокоиться, уже мертвым, на земле.

Мы с Фолькмаром похоронили ее в мелкой могиле, вырытой в каменистой земле. Полдюжины наших соседей пришли к нам. Это были не более чем ходячие скелеты, одежда болталась на них, и они стояли молча, а я встал на колени и положил рядом с ее телом в простом домотканом платье несколько вещей, которыми Руна особенно дорожила при жизни. То были ножницы, маленький ларец, в котором она хранила свои украшения, и ее любимая вышитая лента, которой она

повязывала свои золотисто-каштановые волосы. Посмотрев на лица участников похорон и на убитых горем близнецов, я ощутил себя совершенно осиротевшим, и слезы потекли по моим щекам.

Фолькмар утешил меня на свой земной крестьянский лад.

- Она никогда не надеялась получить столько счастья, сколько ты и дети дали ей в эти последние годы, - сказал он. - Кабы она могла говорить, то сама сказала бы тебе это.

После чего он с торжественным видом принялся забрасывать тело землей и галькой.

На следующей неделе Фолькмар заговорил о решении, которое они с его женой приняли, когда еще стояли у могилы Руны.

- Мы позаботимся о близнецах, - сказал он. - Мы будем обращаться с ними как с нашими детьми, пока ты не найдешь для них чего-то лучшего.

- Лучшего? - откликнулся я. Я был настолько убит горем, что не мог даже подумать о каких-либо действиях.

- Да, лучшего. Тебе следует вернуться ко двору Харальда, где у тебя есть влияние и где ты пользуешься уважением. Там ты сможешь сделать для близнецов куда больше, чем все, что можно придумать здесь. Придет время, и ты, может статься, сумеешь пристроить их на службу к конунгу, или, пожалуй, их усыновит какая-нибудь богатая и могущественная семья.

Вера Фолькмара в мои возможности глубоко тронула меня, хотя я сомневался, что смогу выполнить хоть что-нибудь из того, на что он надеялся. Но он и его жена были так настойчивы, что я не смог разочаровать их, и когда погода установилась, я взял близнецов на долгую и печальную прогулку по лесу, пока мы не вышли на сырую поляну, окруженную темными соснами.

Там под звон капли, падающей с веток, я рассказал своим детям то о своей жизни, чего они никогда прежде не слышали. Я описал, как был брошен младенцем и выращен добрыми чужими людьми и как проложил себе путь в этом мире. Они были умны, мои подростки, быстро поняли, у чему я клоню, и спокойно смотрели на меня. Оба они унаследовали светло-карие глаза Руны, а также ее манеру терпеливо ждать, когда я доберусь до вывода из своих коротких речей. Пытаясь найти нужные слова, я подумал, как, должно быть, им странно, что их отцом стал человек, настолько старый, что годится им в деды. Эта большая разница в возрасте была одной из причин, почему я чувствовал, что почти не знаю их, и задавался вопросом – что они на самом деле думают обо мне. Мать была между нами связующим звеном, и снова горечь потери охватила меня.

– Вы оба – и я тоже – должны понять, как жить теперь, когда вашей матери не стало, – закончил я, запинаясь, стараясь, чтобы голос у меня не дрогнул и не выдал моего горя, – так что завтра я отправляюсь к конунгу просить у него помощи. Я пришлю за вами, как только станет ясным наше будущее.

Таковы были последние слова, сказанные мною моим детям.

Прибыл я в новую столицу Харальда – Тронхейм – как раз вовремя, к тому собранию совета, что было наиважнейшим за все правление Харальда. Потрепанное морем купеческое судно принесло в Тронхейм весть из Лондона. В пятый день января король Англии Эдуард – по-нашему Эадвард – умер, не оставив прямого наследника мужеского пола. Английское королевство пребывало в смятении. Английский совет старейшин избрал человека наиболее могущественного из своего числа на пустующий трон, но тот не был королевской крови, и это вызвало слишком много разногласий. На трон притязали и

другие, главным среди которых был герцог Нормандии, а также брат недавно назначенного короля, который считал, что им пренебрегли.

- У меня столько же прав, сколько и у всех прочих, - заявил Харальд напрямик, когда его совет собрался на срочное заседание, чтобы обсудить это положение. Из уважения к моим сединам и долгой службе королю меня попросили присутствовать на совете. - Сыном и наследником Кнута английское королевство было обещано моему племяннику Магнусу. По смерти Магнуса его права перешли ко мне как к его соправителю.

Воцарилось молчание. Здесь, среди нас, были те, кто втайне думал о том, что датский Свейн Эстридсон имеет равные или даже большие права, будучи племянником великого Кнута.

- Я намерен добиться того, что принадлежит мне по праву, - продолжал Харальд, - как я сделал с норвежским тронном.

Молчание усугубилось. Все мы понимали, что единственный способ, каковым Харальд может добиться своего права, - это силой оружия. Он говорит о начале большой войны.

- Кто теперь занимает английский трон? - осторожно осведомился кто-то. Вопрошающий понимал, что это даст Харальду возможность открыть нам, что же он задумал.

- Гарольд Годвинсон, - сказал Харальд. - Он утверждает, что Эдуард назвал его своим наследником, когда лежал на смертном ложе. Но доказательств нет.

- Очевидно, тот самый Гарольд, какой разбил объединенное войско валлийцев и ирландцев в прошлом году, - заметил один из полководцев Харальда, старый воин, имевший семейные связи среди норвежцев в Дублине. - Это способный воеводитель.

Любой поход против него, чтобы он был успешен, нужно тщательно продумать.

- Откладывать не будем, - заявил Харальд. - С каждым месяцем Гарольд Годвинсон все сильнее укрепляется на троне. Я намерен напасть на него этим летом.

- Невозможно, - прервал его чей-то голос, и, обернувшись, я увидел, кто этот смельчак, противоречащий Харальду столь прямо.

Это был старший военачальник Харальда Ульф Оспакссон, самый опытный и хитроумный из советников. Я знал его со времен нашей службы у басилевса.

- Невозможно, - повторил Ульф. - Мы не успеем в столь малое время собрать достаточно сил для вторжения. Нам необходим по меньшей мере год, чтобы набрать и обучить войско.

- Никто не сомневается в твоём искусстве и опыте, - ответил Харальд, - но мы сможем это сделать. У меня для этого есть все.

Но Ульф был упрям не меньше.

- У Гарольда Годвинсона тоже все есть. Он правит самым богатым и обширным королевством на западе. Он может собрать войско и платить ему, чтобы оно ждало дела. И у него есть эти хускарлы.

- Мы разобьем хускарлов наголову, - похвастался какой-то молодой человек, вмешавшись в разговор. Это был Скуле Конфростре, близкий друг Олава, сына Харальда, один из горячих голов в совете.

Воевода устало вздохнул. Он достаточно слышался такой похвальбы во времена, когда сам был простым воином.

- О них не зря говорят, что один английский хускарл стоит двух лучших норвежских бойцов. Вспомнишь об этом, когда встретишься с их секирами.

- Хватит! - вмешался Харальд. - Есть вероятность, что нам никогда не придется встретиться с их секирами. Существует способ получше.

Все наострили уши, желая услышать, что решил король. Таков был еще один обычай Харальда - все должны были стоять в его королевском присутствии, пока не получат разрешения сесть. Харальд сидел на низком табурете, а мы стояли вокруг. От этого услышать то, что он говорит, было не легче.

Харальд нарочитым движением повернул голову и посмотрел прямо на меня. Я снова ощутил силу его взгляда, и в этот миг осознал, что Харальд Норвежский никогда не удовольствуется своим королевством и не откажется от великого замысла стать вторым Кнудом. Смерть английского короля - как раз то, чего ждал Харальд. До конца своих дней он в глубине души оставался хищником.

- В этом деле может помочь Торгильс, - сказал он.

Я совершенно не понимал, о чем речь.

- Коль скоро два соискателя престола станут действовать заодно, они смогут свергнуть Годвинсона и разделить Англию между собой.

- Как во времена Вилобородого, - вставил какой-то подхалим. - Половина Англии - норвежцам, другая половина - саксам.

- Что-то в этом роде, - сухо откликнулся Харальд.

Но я, взглянув на него и прекрасно его зная, понял, что он лжет.

Харальд Норвежский ни за что не согласится слишком долго делить власть и престол с кем бы то ни было. Так было бы и с Магнусом на норвежском троне - когда бы Магнус не погиб случайно, Харальд сверг бы его в подходящее время.

Харальд немного подождал, а потом продолжал:

- По моим сведениям, Вильяльм Незаконнорожденный, герцог Нормандии, убежден, что

Эдуард оставил трон Англии ему и что Гарольд Годвинсон коронован незаконно. Мои соглядатаи доносят, что Вильяльм намерен предъявить свои права, как и я, вторгшись в Англию. С помощью Торгильса мы можем добиться того, чтобы два войска высадились одновременно, и тогда Гарольд Годвинсон будет сокрушен между молотом Норвегии и наковальней герцога Вильяльма Нормандского.

В глазах моего государя блеснуло веселье.

- Вильяльм Незаконнорожденный - благочестивый христианин. Он окружил себя священниками и епископами и прислушивается к их советам. Я предлагаю послать Торгильса к его двору как моего поверенного с предложением объединить усилия. Потому самым подходящим будет послать Торгильса под видом священника.

Среди советников послышался довольный шепот. Все они знали мою стойкую приверженность истинной вере.

- Что ты на это скажешь, Торгильс? - спросил Харальд. Он дразнил меня.

- Разумеется, я исполню вашу волю, государь, - ответил я. - Но не уверен, что смогу сойти за христианского священника.

- А почему бы и нет?

- Смолоду я кое-чему обучился в монастыре, но это было слишком давно, и к тому же, в Ирландии монахи следуют иной разновидности веры в Белого Христа. Их обычай поклонения уже устарел. Во франкских землях его вытеснило учение римского папы и новое поколение священнослужителей.

- Значит, тебе придется узнать их обычай и образ мысли, чтобы сойти за своего. Тебе следует подобраться поближе к Вильяльму Незаконнорожденному, чтобы иметь возможность повлиять на его мысли, прежде чем открыть ему, что ты

на самом деле мой посол. Удостоверься, что герцог Нормандии будет достойным союзником, и когда поймешь, что он готов осуществить свое вторжение, только тогда предложи ему действовать согласованно. В противном случае, продолжи свое лицедейство, а потом спокойно удались.

- Коль скоро станет ясно, что герцог всерьез претендует на трон, что сказать ему о времени вторжения?

Харальд покусал губу, потом глянул на Ульфа Оспакссона.

- Что ты посоветуешь, воевода?

Оспакссон явно еще сомневался. Очевидно, мысль о великом походе, столь мало подготовленном, смущала его. Наконец он ответил, но в голосе его слышалось неодобрение.

- Нам потребуется время, чтобы собрать войско, корабли и корабельщиков. При этом нельзя рисковать, нужно пересечь Английское море прежде, чем начнутся осенние непогоды. Так что, я полагаю, самое позднее - начало сентября. Но это значит, что морские пути почти сразу закроются, и снабжать войско, когда оно высадится на английский берег, будет невозможно. Слишком уж велико расстояние от Норвегии до Англии.

- Войско найдет пропитание у населения, как это бывало раньше, - заметил Харальд.

Перед моими глазами возникла картина страшного голода, опустошившего мой хутор после набега разбойников. Я глубоко вздохнул и спросил, рискуя вызвать на себя гнев Харальда в присутствии советников:

- Государь, отправляясь по вашему поручению, я оставляю свою семью и соседей.

Харальд сердито нахмурил брови. Я знал, что он терпеть не может, когда у него просят милости от его

щедрот, а он сразу почуял, что именно это я собираюсь сделать.

- Ну, и что? Мы все оставляем свои семьи.

- В местах, где я живу, уже четыре месяца свирепствует голод, - объяснил я. - Коль вы сочтете возможным послать туда какую-либо помощь, это будет поступком, достойным короля.

- Что-нибудь еще?

- У меня двое детей, государь, мальчик и девочка. Их мать умерла совсем недавно. Я был бы рад, когда бы конунг не обошел бы их своей милостью.

Харальд буркнул что-то - я не понял, был ли то знак согласия, - после чего вернулся к вопросу о войске. Половина соберется в Тронхейме, как только будет убран урожай, каждый корабль, какой окажется под рукой, должен быть поставлен на службу, кузнецам следует хорошо платить за изготовление излишков наконечников для стрел и лезвий для секир и так далее. Только позже я узнал, что, к его чести, он велел послать в Вестерготланд три судна с мукой, но что когда его посланники добрались до моего дома, их приняли за налетчиков, и Фолькмар исчез. В последний раз его видели, когда он шел в сторону храма Тора в Уппсале, взяв с собой моих близнецов.

Следующие две недели я занимался тем, что пытался, сколько это было возможно, разузнать о человеке, к которому отправляют меня соглядатаем, и чем больше я узнавал, тем больше опасался, что Харальд дал маху, полагая, что столь коварный союзник пойдет ему на пользу. Вкруг Вильяльма, то бишь Вильгельма Незаконнорожденного вились слухи, как мухи вокруг гнилого мяса. Говорили, будто его мать была дочерью кожевника, и ее потрясающая красота привлекла внимание герцога Нормандии, а их незаконный ребенок, будучи всего семи лет от роду, унаследовал титул герцога. Против всякого ожидания

мальчик выжил в борьбе за власть и наследство, ибо обладал тем, что христиане любят называть «дьявольским везением». Однажды наемный убийца добрался до самой его спальни, и мальчик, проснувшись, видел, как убийца борется с его телохранителем, из предосторожности спавшем в том же покое. Убийца перерезал горло телохранителю, но наделал столько шума, что вынужден был бежать, не исполнив задуманного. Даже женитьба Вильгельма стала предметом диковинных рассказов. Видимо, он женился на двоюродной сестре, хотя священники запретили этот союз, слишком близкий к кровосмешению, а чтобы добавить сплетням остроты, поговаривали, что жена его – карлица, родившая ему по меньшей мере дюжину детей. Однако в одном все слухи и домыслы сходились: Вильгельм Нормандский показал себя искусником и прозорливцем в государственных делах. Он тайно строил козни и доблестно сражался до тех пор, пока полностью не взял в руки унаследованное герцогство, и теперь это был военачальник, перед которым трепетала вся Франция, столь же могущественный, как и сам король Франции.

Значит, вот к кому меня послал мой государь, чтобы оценить и, возможно, заманить в великое предприятие, замышленное Харальдом. Мне предстояло опасное дело, и я вовсе не был уверен, что ум мой по-прежнему остер и скор, чтобы я мог быть соглядатаем. Исполнить это я могу лишь с помощью Одина, ведь он сам – великий обманщик. Пусть это будет моим последним усилием – оно отвлечет меня от горестных мыслей об утраченной Руне.

Я занялся приобретением платья для моего маскарада и решил надеть простую темную рясу, в какой предстану смиренным монахом. При дворе Харальда было достаточно христианских священников, чтобы, наблюдая за ними, перенять их повадки, а

латыни, выученной мною в Ирландии, вполне хватало для подражания их молитвам и песнопениям. Осталось у меня одно затруднение – тонзура. Исподволь выспросив у священников, я узнал, что очертания тонзуры и способ стрижки могут иметь значение. Видимо, и само место на голове, где она выбривается, и длина оставшихся волос и то, как они зачесаны, говорят о прошлом благочестивого христианина точно так же, как рисунок на щите сообщает о том, кому принес присягу тот или иной воин. Посему я предпочел вовсе сбрить остатки своих седых волос. Коль скоро меня спросят, я скажу, что сделал это в честь святого Павла, бывшего, по словам священников, которых я расспрашивал, совершенно лысым.

Рыбачий корабль доставил меня из Норвегии на юг, в свой родной порт Бремен, а потом в Нормандию, где я намеревался сойти на берег. Это судно оказалось такого рода, на каких я еще никогда не плавал, и всю дорогу мне было нехорошо. Оно строилось для перевозки грузов, борта его поднимались над водой слишком высоко, что мне не нравилось, а нос и корма казались еще более неуклюжими из-за высоких надстроек. Не корабль, а какой-то большой амбар, плывущий по морю, хотя нужно признать, необыкновенно вместительный. В него помещалось в два раза больше груза, чем в трюмы любого из тех кораблей, на каких мне доводилось плавать, и я отметил, что по мере того, как он вразвалку переходит от одного порта к другому, его трюм наполняется товарами явно военного назначения – кипами щитов, связками клинков для мечей, льняным полотном для палаток, гвоздями для строительства судов, а также такими заурядными вещами, как сапоги, лопаты и топоры. Завершиться наше плавание должно было в Руане, столице герцога Нормандии.

Однако Ньерд, бог моря, решил иначе. Взяв последний груз в Булони – всего понемногу: железные шлемы, выделанные шкуры, мотыги, – мы шли вдоль берега, как вдруг под вечер нас настигла непогода. То был обычный вечерний шторм, когда море быстро темнеет, тучи набегают с запада, море испещряют капли холодного дождя, налетающего тяжелыми порывами. Вода, обычно серо-синего цвета, стала зеленовато-черной, и по мере того как ветер набирал силу, волны становились все яростнее, гребни их вздымались все выше, пока не обрушивались, разбиваясь вдребезги. Поначалу казалось, что ненастье ничем не грозит столь большому и тяжелому судну, но в конце концов волны – слуги Ньерда – стали нас одолевать. Наш бременский кормчий всячески старался найти убежище, но, по несчастью, буря застал нас в таком месте, где не было ни единой спокойной гавани. Тогда он приказал корабельщикам приспустить парус и попытался выйти за пределы все усиливающейся бури. Наше тяжело груженное судно тошнотворно раскачивалось, волны подкатывались под киль, а ветер бил по высокому носу и корме. Требовалось все искусство кормчего, чтобы судно продолжало двигаться, но слишком высокие борта работали как ненужные паруса, и корабль неудержимо сносило по ветру. Ветер гнал нас все дальше на север, и было видно, что кормчий начал тревожиться. Он послал корабельщиков достать из-под палубного настила свободные якоря, чтобы они были наготове.

Дождь усилился настолько, что вокруг за пределами полета стрелы ничего не было видно, но, вне всяких сомнений, судно тянуло к невидимому берегу, грозящему опасностью. Я позаботился скрыть свое волнение – предполагается, что священники не бывают опытными мореходами, – но отметил, что волны становятся короче и круче, и догадался, что мы

проходим над мелководьем. Эта догадка превратилось в уверенность, когда в бурлящих волнах появился желтоватый оттенок песка или ила. Раз или два мне показалось, будто я слышу шум отдаленных бурунов.

Потом дождь вдруг прекратился, вокруг прояснилось, словно с глаз сняли пелену. Все глядели в подветренную сторону, чтобы понять, куда нас занес ветер. И то, что мы увидели, заставило кормчего крикнуть:

– Бросить все якоря!

Не дальше мили по левому борту лежал низкий берег. Отмель из серого песка, блестевшего после недавнего дождя, полого поднималась к хребту дюн, а позади них стояла стена белых, как кость, утесов. Сухопутному человеку показалось бы, что судно пока еще находится достаточно далеко от берега, на глубокой воде, и нет никакой опасности, но наш кормчий знал: пологость самого берега и белые барашки на волнах между нами и береговой линией показывают, что мы вошли на мелководье. В любой миг наш киль мог коснуться дна.

Команда бросилась выполнять приказание. Смазанные жиром моряцкие сапоги скользили по мокрым настилам, люди с трудом подняли самый большой из якорей, огромную железную кошку, утяжеленную свинцовыми грузилами, перевалили через поручни и бросили в воду. Якорный канат полетел вслед, первые несколько колец укладки исчезали, но движение тут же замедлились – якорь лег на морское дно совсем рядом с поверхностью воды.

– Быстрее! – рявкнул капитан. – Второй якорь! Этот якорь был меньше размером, деревянный стержень с металлической переключиной – с ним легче управиться, но и проку от него меньше. Он тоже полетел за борт, а кормчий подбежал и положил руку на канат главного якоря, по биению бечевы пытаюсь понять, зарылся ли

якорь в морское дно и крепко ли держится. Что он понял, стало очевидно.

– Все якоря! – закричал он. – Нас тащит!

Мореходы трудились отчаянно. Еще четыре якоря сбросили в море, а концы канатов закрепили на палубе. Однако эти запасные якоря были совсем уж слабыми, последний из них – всего лишь камень с деревянной поперечиной, просунутой насквозь, он должен был, как клык, впиться в песок.

Все это время судно поднималось и опускалось на каждой волне, прокатывающейся под днищем, якорные канаты натягивались и ослабевали, и якоря тащило по мягкому морскому дну. Корабль был обречен.

Нам оставалось только ждать и надеяться, что какой-нибудь из якорей за что-нибудь зацепится и задержит нас. Но – тщетные надежды. Глубокий провал между двумя большими волнами – и мы почувствовали, как киль корабля ударился о песок. Прошло несколько мгновений, и судно опять содрогнулось, хотя на этот раз провал между волнами был не такой глубокий. Даже самому зеленому новичку на корабле было понятно, что посудину нашу тащит на мелководье. Ветер и волны подталкивали судно вперед, и вскоре удары днища по морскому дну уже не прерывались. Мастера-корабелы могли гордиться этим рыбацким судном. Его обшивка все еще не пропускала воды, но ни одно судно не сможет выдерживать такие удары вечно. Ветер не утихал, и каждая волна относила корабль на шагок дальше – к его могиле.

Прошло немного времени – и палуба накренилась столь круто, что нам пришлось цепляться за снасти, чтобы не соскользнуть в море. Судно было на полпути к смерти. Даже если остов останется цел, его затянут зыбучие пески так, что оно зароется в них и обшивка его сгниет. Кормчий, чья жизнь зависела от судна, наконец, осознал, что пески никогда не выпустят его.

- Покинуть корабль! - крикнул он, скорбно возвысив голос, чтобы его не заглушило ворчание волн, метавшихся вокруг.

Пока буря обрушивалась на нас, наше вспомогательное судно - десятивесельная лодка - шло за кормой на прочной бечеве, но когда корабль ударился о песок, легкую лодку развернуло волнами, канат разорвался, и ее унесло. Остался один лишь челнок с квадратными носом и кормой, неуклюжий и тяжелый, пригодный только для закрытых вод. Корабельщики прорубили топором низкий фальшборт и в этот проруб столкнули челнок на воду. Едва он соскользнул за борт и коснулся воды, как гребень набежавшей волны накрыл его, наполовину залив водой. Мореходы, толкаясь и теснясь, полезли через борт.

Кормчий остался; наверное, никак не мог собраться с духом и бросить свой корабль. Он заметил, что я мешкаю там, куда забрался - а уцепился я за растяжку мачты на самом высоком месте корабля и потому не скатился по накренившейся палубе. Он, видимо, решил, что я так испуган, что не могу пошевелиться, и застрял там, остолбенев от ужаса.

- Идите же, отче! - крикнул он, кивая головой. - Лодка - ваша единственная надежда!

Я еще раз взглянул на пререкающихся корабельщиков и усомнился в правоте его слов. Подобрав подол коричневой священнической рясы, я подоткнул ее под веревку, которой был препоясан, дождался гребня очередной волны, и - только меня и видел кормчий, вернее, видел он мои руки и голые ноги, когда я прыгнул за борт в море.

Вода оказалась удивительно теплой. Я погрузился в нее с головой, потом волны закутили меня. Я заглотнул морской воды, и песок заскрипел у меня на зубах. Я выплюнул воду, вынырнул на поверхность,

огляделся, чтобы определить, где берег, и поплыл к нему. Снова волна накрыла меня с головой и потащила ко дну, но я плыл под водой, стараясь не потерять направления. Следующая волна перевернула меня вверх тормашками, и я растерялся. Вынырнув на поверхность, я крепко сжал веки, чтобы очистить зрение, и глаза защипало от соли. Я вновь огляделся, пытаюсь найти берег, и заметил челнок с доведенными до отчаяния людьми. Четверо неровно взмахивали веслами, остальные что было сил вычерпывали воду, но их лодчонка слишком глубоко сидела. И в то время, как я смотрел на них, взметнувшаяся волна подняла челнок, подержала его мгновение, а затем небрежно перевернула через нос и швырнула людей в воду. Большинство из них, я был уверен, плавать не умели.

Я угрюмо боролся за жизнь, вспоминая свою жизнь в Исландии, где я участвовал в играх на воде, когда, купаясь, молодые люди боролись, и победитель удерживал своего противника под водой, пока тот, задыхаясь, не попросит пощады. Я помнил, как следует задерживать дыхание, и потому не пугался, когда волны обрушивались на меня, пытаюсь задушить, но раз за разом подносили все ближе к берегу. Я старый человек, предостерегал я себя, и я должен беречь свои скудные силы, как скареда - монету. Мне бы только удержаться на воде, а море само доставит меня к берегу. Когда бы Ньерд и его слуги-волны хотели утопить меня, они давно бы уже это сделали.

Я уже был готов отказаться от борьбы, как вдруг две руки самым болезненным образом ухватили меня под плечи и вытащили на берег, на пологую отмель. Потом руки резко выпустили меня, и я уткнулся лицом в сырой песок, а мой спаситель произнес на франкском языке весьма грубо:

- Что за дерьмо! Вот попался никому не нужный монах.

И в этот миг глаза мои сомкнулись, и я погрузился в туман изнеможения.

Разбудил меня голос, звучавший добрее. Кто-то перевернул меня на спину, и я почувствовал мокрую рясу, прилипшую к моему телу.

- Надо бы найти тебе сухую одежду, брат. Добрый Бог спас тебя из моря не для того, чтобы ты помер от лихорадки.

Я увидел взволнованное лицо маленького жилистого человека, стоящего на коленях рядом со мной. На нем была монашеская одежда - черный плащ поверх белой рясы, и у него была тонзура. Даже в состоянии полного изнеможения я задумался, к какому монашескому ордену он принадлежит и как он оказался здесь, на продуваемом ветром берегу, вблизи которого погиб корабль.

- Ну-ка, попытайся встать, - говорил он. - Кто-нибудь поблизости даст нам кров.

Он подсунул под меня руку и помог мне сесть. Потом поставил меня на ноги. Я стоял, покачиваясь. У меня было такое ощущение, будто меня били толстым кожаным ремнем. Я огляделся. Позади волны все еще грохотали и обрушивались на берег, и в отдаленье я увидел останки нашего корабля. Теперь он прочно и надежно сидел на мели, накрываясь набок. Единственная мачта переломилась и упала за борт. Ближе, на мелководье, перевернутый челнок мотался взад и вперед на бурунах. Время от времени гребень высокой волны накрывал лодчонку, и она беспомощно кружилась. У берега спиной к нам по колено в воде стояла ватага людей - с дюжину мужчин. Одни пристально смотрели на лодчонку, другие - на волны, набегающие на берег.

- Просить у них помощи нет смысла, - заметил мой собеседник.

Потом я заметил два тела, лежащие на песке, неподалеку от следивших за морем. И подумал, что это тела корабельщиков с рыбацкого судна, утонувших, когда перевернулся челнок. Когда я видел их в последний раз, они были одеты. Теперь же раздеты догола.

- Стервятники. Грабят корабли, потерпевшие бедствие. Бессердечные люди, - посетовал мой собеседник. - Это самое опасное место побережья. Ваш корабль не первый попал сюда и затонул. - Он бережно повернул меня и помогал мне, так что я смог доковылять до далекой линии утесов.

Какой-то рыбак сжалился над нами. У него была маленькая хижина, пристроенная к подножью утеса, где он хранил сети и прочую рыбацкую утварь. На угольях костерка он разогрел похлебку из полукопченой рыбы и лука и накормил нас. Я сидел на груде мешков, меня била дрожь. Скоро здесь пройдет повозка, говорил он, возчик - его родственник, он проезжает здесь каждый день, он отвезет нас в город. Там нам поможет священник из церкви. Слушая его, я обнаружил, что понимаю его речь - это был франкский язык, хотя и с примесью моего родного норвежского, а еще в нем звучали слова, которые я слышал, живя в Англии. Со спутником же своим я разговаривал на латыни.

- Где я? - спросил я у рыбака.

Он удивился.

- В Понтье, ясное дело. На земле герцога Ги. По закону, мне следовало бы отвезти вас в его замок в Борене и передать ему как потерпевших кораблекрушение. Все, что смыто в море, по праву принадлежит герцогу. Таково установление об останках кораблей и грузов. Но меня за это не поблагодарят, теперь, после того, что у нас случилось с этим

англичанином. С тем самым, что теперь влез на трон, не имея на то прав.

Несомненно, сам Один приложил руку к этому кораблекрушению. Похлебка согревала меня, силы возвращались в мое тело.

- Как его зовут, того англичанина? - продолжал я расспрашивать. Губы мои потрескались, болели, на них все еще оставался соленый привкус.

- Гарольд Годвинсон, - ответил рыбак. - Его выбросило на берег, вот как тебя, вместе с дюжиной его приближенных. У нас тут каждый год с дюжину кораблей терпят крушение, всегда при северо-западном шторме. Он был знатный человек - это всякий поймет, в такой он был разукрашенной одежке. Даже эти вон, грабители кораблей, поняли, что лучше поостеречься. Кто знает, что может случиться, так они рассудили. Слишком жирная рыба - как бы не подавиться. Ну, они и отвели его прямо к герцогу, ожидая награды, хотя зря ждали. Герцог сунул этого человека и его придворных в свою темницу, а сам стал выяснять, кто он такой, и когда вызнал, сколь он на самом деле важен и богат, тут же послал корабль в Англию - мой старший брат был на нем первым помощником кормчего - и потребовал за него изрядный выкуп. Только и наш герцог получил с этого не больше прибыли, чем грабители. Вести о потерпевшем дошли до Вильгельма Бастарда, и не успели мы и глазом моргнуть, как шайка его тяжеловооруженных всадников уже стояла у нас на пороге и растолковывала нашему герцогу, что он должен выдать узника, а не то его замок сожгут и его голова будет на шесте. Такую-то угрозу не пропустишь мимо ушей, коль за ней стоит сам Вильгельм Бастард. Да к тому же герцог Ги присягал ему, так что тот в своем праве велеть ему и приказывать. Вот и вышло, что узника выпустили из темницы, раздели заново в пух и прах, и в последний раз, когда мы его видели,

отбывал он в Руан, да с таким сопровождением, будто он давно потерянный брат Вильгельма.

Рыбак откашлялся, прочищая горло, повернул голову и сплюнул точно за дверь своей лачуги.

- А вот и мой родственничек со своей повозкой и ослом. Давайте-ка, шевелитесь.

- Благослови тебя Господь, - сказал мой спутник. - Трижды благослови. Сегодня ты совершил христианский поступок, и Бог тебя вознаградит.

- Надеюсь, лучше, чем герцог. Он тот еще скареда, - буркнул рыбак недовольно.

Маленькая повозка продвигалась медленно. Ее худо слаженные колеса болтались на одной-единственной оси, и повозка кренилась и подскакивала на кочках, поросших морской травой. Мне стало так жаль надрывающегося осла, что я соскользнул с груды мокрых вонючих сетей и пошел пешком рядом с задним откидным бортом, держась за повозку для верности. Должно быть, судя со стороны, я уже оправился после утопления, и мой спутник больше не мог сдерживать любопытство.

- Как ты оказался на этом корабле, брат, и как твое имя? - спросил он.

Я ожидал этого вопроса и приготовил, как мне казалось, вполне удовлетворительный ответ.

- Зовут меня Тангбранд. Я проповедовал в северных краях от нашей общины в Бремене, хотя, боюсь, слово мое легло в каменистую почву.

- Вот оно что, Бремен. Говорят, тамошний епископ имеет власть над северными королевствами. Но ты первый из его людей, кого я встретил.

Я успокоился. Вряд ли кто-то выжил после кораблекрушения, кто мог бы навести тень сомнения на мой рассказ.

- Но ты не сказал, для чего ты оказался на борту затонувшего судна.

- Епископ послал меня искать новых проповедников для нашей миссии. Северяне - народ упрямый, и нам не обойтись без помощи, коль мы хотим успешно распространять слово Спасителя.

Мой спутник вздохнул.

- Как это верно. Слишком многие умы и уши закрыты для восприятия великой и приводящей в трепет тайны. Воистину, правильно сказано, что Христос, распятый на кресте, обращен был лицом на запад. Всякому ясно, что в этом направлении слово Божье распространилось беспрепятственно. Его всемогущая десница указывала на север, каковой должно смягчить святым словом веры, Его же шуйца была направлена в сторону варварских народов юга. Только люди востока прокляты, ибо к ним он повернулся спиной.

- А ты, брат, как ты оказался на берегу в час моей нужды? - спросил я, стараясь отвести разговор от моего прошлого и узнать побольше о моем благочестивом спутнике.

- Меня зовут Мор, меня назвали так в честь помощника основателя общины, давшей нам устав. Я родом из той местности в Бургундии, где община давно уже процветает.

Ответ озадачил меня. Я молчал, надеясь, что он скажет еще что-нибудь, проясняющее его слова.

- А иду я в монастырь Святой Неделимой Троицы, чтобы преподнести настоятелю Иоанну житие, прославляющее его предшественника, праведного господина настоятеля Вильяма. Послал меня автор жития, ибо сам он уже по преклонным годам и плохому здоровью не в состоянии путешествовать.

- Кто же автор жития?

- Мой наставник и друг, Рудольф Глабер. Как и я, он из Бургундии. Долгие годы он трудился, собирая свидетельства и описывая жизнь господина настоятеля

Вильяма. А еще он написал пять книг житийных историй о других значительных людях нашего времени. Он и теперь пишет уже шестую книгу, ибо твердо намерен оставить для потомков записки о множестве событий, коими необычно богато время после тысячелетия со дня пришествия Христа, нашего Спасителя.

Я внимательней посмотрел на Мора. На мой взгляд, лет ему было где-то между сорока и пятьюдесятью, маленький, жилистый, с кирпично-красным лицом – либо то загар от долгого пребывания на солнце, либо следствие неумеренного употребления крепких напитков.

– Прости мне мое невежество, брат, – сказал я. – Но ты упомянул об общине. Что это значит?

Мое невежество озадачило его.

– А то, что в монастыре братья подчиняются единой воле, равны в принятии решений, работают и следуют порядку молитв и псалмов, еды и питья.

– Похожи на солдат, – заметил я.

Лицо его просияло – мое слово ему понравилось.

– Вот именно, воины на службе у Христа.

– Хотелось бы мне это увидеть.

– Непременно увидишь! – воскликнул Мор. – Почему бы тебе не отправиться со мной в монастырь Святой Неделимой Троицы? Сей монастырь занимает второе место после моего монастыря в Кюни, славится строгим уставом и благоразумием, матерью добродетелей.

Именно на это предложение я и надеялся, ибо иметь спутником настоящего монаха – великолепное прикрытие. Следующие его слова еще более меня обрадовали.

– А монастырь стоит в Фекане, на землях герцога Вильгельма.

Глава 13

Неделю мы добирались до Фекана пешком или на крестьянских повозках, когда нас предлагали подвезти. На ночлег останавливались у сельских священников, а дважды спали просто под забором, благо было начало лета, и ночи стояли теплые. Всю дорогу я глядел вокруг в оба глаза, пытаюсь определить источники, каковые позволят герцогу Вильгельму осуществить вторжение в Англию. Увиденное произвело на меня сильное впечатление. Земля плодородна и хорошо возделана. Пологие склоны пущены под обширные поля пшеницы, и каждую деревню окружают заботливо ухоженные плодовые сады. Обширные пространства заняты лесами, преимущественно дубовыми; то и дело встречаются ватаги людей с пилами и веревками, или слышится стук топоров в лесу, едут повозки, запряженные волами, груженные наструганными бревнами, пиленным брусом, корнями и кривыми ветками огромных деревьев. Среди всего я узнавал и корабельный лес и приметил, что повозки с таким лесом направляются на север, к побережью того, что местные жители называют Рукав – узкий пролив, отделяющей Францию от Англии.

Повстречалось нам и несколько небольших отрядов тяжело вооруженных воинов. Оружие их было хорошо ухожено, и я решил, что это наемники. Слушая их разговоры, когда они проходили мимо, я определял, что есть там люди из Лотарингии, Фландрии и даже из Швабии. И они желают наняться на службу к герцогу Вильгельму. Когда я сказал об этом Мору, тот скривился.

– Они будут здесь, пока их мечи в ножнах. От герцога неизвестно, чего ждать. Он принес мир на эту

землю, но ведь не задаром.

Мы поднялись на вершину невысокого холма и начали спускаться в обширную долину. В отдалении виднелся маленький окруженный стенами город, расположенный по обоим берегам реки.

- Однажды я проходил через город, очень похожий на этот, - хмуро сообщил Мор. - Это была пограничная земля, и горожане совершили ошибку, не признав власть герцога. Они заявили о своей верности одному из его соперников, и скоро оказались в осаде. Они полагали, что их стены несокрушимы и усугубили свою ошибку, оскорбив самого герцога. Иные из горожан, кто посмелее, стояли на стенах, насмешничали, кричали, что дочь кожевенника была шлюхой. Герцог усилил осаду, и когда в городе стало нечего есть и делегация жителей пришла просить о милости, он велел отрубить им руки, а потом повесить на виселицах, поставленных в ряд перед главными воротами. Город, конечно, сдался, но даже и тогда герцог не проявил милосердия. Он отдал город своим воинам на разграбление, а потом сжег его. Когда я там проходил, от города остались только пепел и обгоревшие остовы домов.

Герцог Вильгельм Незаконнорожденный, подумал я, одного сапога пара нашему государю Харальду, когда дело идет о безжалостности.

- А городские священники не вмешались, не просили пощадить свою паству? - спросил я.

- Есть Божья милость, а есть милость герцога, - холодно ответил Мор, - и грехи земли вопиют к небесам. Бедствия, которые мы претерпели со дня тысячелетия Воплощения Христа нашего Спасителя, - это знак того, насколько мы сбились с пути праведного.

- Это правда, и в северных краях был голод, - заметил я, думая о горестной судьбе Руны.

- Голод и еще худшие вещи посланы нам в наказание, - мрачно откликнулся Мор. - Мой друг

Глабер писал об этом. Три года кряду весны были, как зимы, и было невозможно пахать землю и сеять зерно. Потом урожай погубили наводнения. Столько людей умерло с голоду, что мертвых не успевали отпевать в церквях – их просто бросали в ямы по двадцать-тридцать человек. В отчаянии мужчины и женщины рыли землю и поедали некую белую суспензию, похожую на гончарную глину, смешав ее со всем, что найдется, с мукой или отрубями – из того и пекли хлеб, но хлеб этот не насыщал. Иные поедали падаль и угощались человечиной. Странники вроде нас становились жертвами разбойников – их убивали, чтобы продать мясо на рынке. Один торговец даже продавал уже приготовленное человеческое мясо. Когда его схватили, он не отрицал своей позорной вины. Его связали и сожгли. Мясо зарыли в землю, но кто-то выкопал его и съел.

Мор замолчал, и на мгновение мне подумалось – не пытается ли он представить себе, каково на вкус человеческое мясо, ибо я уже заметил, сколь он разборчив в еде и напитках. Даже в самом скромном доме он всячески побуждал хозяйку улучшить вкус пищи при помощи подливок и все время сетовал на скверность нормандской стряпни, каковая, коли верить ему на слово, ни в какое сравнение не шла с тем, к чему он привык в Бургундии.

– Однако все эти беды в прошлом, – осмелился заметить я. – Ныне народ выглядит сытым и довольным.

– Не должно забывать о знамениях, предрекающих великие беды, – возразил Мор. – В некоем городе в Оксерре деревянная статуя Христа на рыночной площади начала лить слезы, а еще волк вошел в церковь, схватил зубами веревку колокола и начать звонить. И своими глазами ты можешь зреть яркую звезду, что явилась в ночном небе в конце апреля, а

теперь горит каждую ночь, медленно передвигаясь по небу.

За много лет до того в Ирландии мой учитель, ученый друид, рассказывал мне об этой блуждающей звезде и предсказал ее появление. Но сказать об этом Мору – значит вызвать у него подозрения, что я обучался ведовству, и я ничего не сказал.

– Мир полнится заразой – слепой алчностью, крайней мерзостью, воровством и прелюбодеянием, – продолжал он. – Пособники дьявола смело показывают себя. Я воочию видел одного. В моем монастыре в Бургундии он явился мне в виде карлика. У него была тощая шея, агатово-черные глаза и лоб весь в морщинах и складках. Рот широкий, губы распухшие, уши острые и волосатые под копной косматых грязных волос. Его ноги были покрыты грубой бурой шерстью, и он пускал слюни. Он громко вскрикивал и говорил что-то невнятное, указуя и ругаясь. Я был в таком ужасе, что бежал в часовню, пал ниц перед алтарем и взмолился о защите. Верно говорят, что антихрист скоро выйдет на свободу, ибо сей мерзкий карлик был одним из его предвестников.

Но когда мы добрались до Фекана и монастыря Святой Неделимой Троицы, мне показалось, что монахи, товарищи Мора, не разделяют его мрачного взгляда на будущее. Они подновляли свою церковь так, что стало ясно – они рассчитывают на долгое будущее. В огромном здании кишмя кишели каменщики, чернорабочие, плотники, стекольщики и строители лесов.

Главной достопримечательностью монастыря была могила господина настоятеля Вильяма, чье житие написал Рудольф Глабер. Чудотворное место, как сообщил мне один из монахов приглушенным шепотом. Десятилетний мальчик, смертельно больной, был принесен сюда своей отчаявшейся матерью и оставлен

перед могилой. Дитя, оглядевшись, увидело маленького голубя, сидящего на могиле, и так, глядя на него, и уснуло.

- Когда мальчик проснулся, - шептал монах, - он оказался совершенно здоров.

Его благочестивый рассказ заинтересовал меня не так живо, как монастырские сплетни. Монахи монастыря Святой Троицы оказались замечательно осведомлены о том, что происходит в герцогстве. У них всюду имелись свои осведомители, начиная с маленьких деревушек и кончая двором самого герцога, и они живо обсуждали приготовления герцога Вильгельма к войне - сколько кораблей должен поставить каждый из его вельмож, сколько тяжело вооруженных всадников необходимо иметь для того, чтобы эта опасная затея удалась, сколько вина и зерна загружают в большие закрома и так далее. Предстоящий поход вызывал у монахов великое одушевление, и внимательно прислушиваясь к ним, я понял, почему: монастырь Троицы владел богатыми угодьями в Англии, но после того как Гарольд Годвинсон сел на престол, монастырь перестал получать доход с этой своей собственности. Вот монахи и ждали, что герцог Вильгельм вернет то, что им принадлежит, как только займет место Гарольда на английском троне. Монастырь даже обещал поставить Вильгельму военный корабль за счет своих обильных средств.

Я заметил Мору, что в этом есть некое противоречие - что Божий дом поставляет орудия войны, а он рассмеялся.

- Позволь, я покажу тебе кое-что, что является еще более полезным вкладом в этот поход. Пойдем со мной, тут недалеко.

Он вывел меня за боковые ворота монастыря и провел по изрытой колеями дороге до плодового сада.

Сад был обнесен крепкой каменной стеной, и это было необычно.

- Гляди! - сказал он, указывая пальцем.

Я заглянул через стену. Под яблонями паслись три необыкновенных животных. Я понял, что это лошади, но они не походили ни на одну из тех лошадей, каких мне доводилось видеть. Эти были велики и тяжелы, с короткими мускулистыми ногами, похожими на толстые столбы, и со спиной, широкой, как стол трапезной.

- Все три - жеребцы, - с одобрением в голосе пояснил Морус. - Монастырь подарит их армии Вильгельма.

- Как вьючных? - поинтересовался я.

- Нет, нет, как боевых лошадей, коней для предводителей. Такие могут нести рыцарей в полных доспехах. Во всем мире нет пешего воина, который мог бы устоять перед ударом рыцаря, сидящего на таком вот звере. Наш монастырь особо занимается разведением такой породы.

Мне тут же вспомнился случай, которому я был очевидцем у стен Сиракуз, когда Железная Рука, франкский рыцарь-меченосец использовал свою грубую силу, чтобы свалить арабского наездника, сидящего на резвом скакуне, и мне представилась яркая картина - тяжелая конница Вильгельма верхом на этих боевых лошадях, сокрушающая стену из щитов.

- Но как Вильгельм умудрится перевезти столь тяжелых животных на своих кораблях и благополучно высадить их на английский берег? - спросил я.

- Понятия не имею, - признался Мор. - Но способ найдется, можешь не сомневаться. Вильгельм в войне никогда не полагается на случай, и у него есть опытные советчики, даже в этом монастыре. - Должно быть, вид у меня был недоверчивый, и он добавил: - Помнишь вчерашнюю встречу с монастырским раздатчиком милостыни? Он сидел рядом с нами во время вечерней

трапезы, худющий такой человек, у него не хватает трех пальцев на левой руке. Потерял на войне. Прежде чем уйти в монастырь, он был воином-наемником. Он же член совета герцога Вильгельма и помогает ему составлять план вторжения. Монастырь владеет земельными участками на побережье Англии, как раз против того места, где расстояние между берегами наименьшее. Это было бы лучшим местом для высадки, и раздатчик милостыни – его зовут Регимий – будет сопровождать флот, чтобы указать лучшее место, куда могут пристать корабли с войском и, конечно же, с этими тяжелыми лошадьми.

По дороге обратно в монастырь я раздумывал. Все, что я слышал о герцоге Нормандии, указывало на то, что его намерения вторгнуться в Англию вполне серьезны и что он готовится к походу, вникая во все подробности. Такое впечатление, что Вильгельм Незаконнорожденный, замыслив что-то, осуществляет замысел так, чтобы все завершилось успешно. Не дьявольское везение возвысило его, но решительность и проницательность, усиленные безжалостностью. И мои прежние опасения, что Харальд очень рискует, ища союза с Вильгельмом, вернулись. А еще я вновь задался вопросом, не опрометчиво ли поступил, связавшись с этими христианами, столь уверенными и напористыми.

Я извинился перед Мором, сказав ему, что собираюсь продолжить свой путь в Рим, где должен подать просьбу епископа Бремена, чтобы в северные земли прислали побольше священников. Мор не прочь был остаться в Фекане, а я, имея опыт путешествия с ним, убедился, что вполне сойду за странствующего священника Белого Христа. Однако, покидая монастырь ранним погожим летним утром, я все же внес некую важную поправку в свое облачение. Я украл из прачечной плащ и рясу, оставив вместо них свою

износившуюся за время странствий. Отныне я буду изображать из себя приверженца общины.

Думая теперь об этой краже, я понимаю, что этот поступок, очевидно, был еще одним знаком того, что я стал слишком стар и беспечен, чтобы быть удачливым соглядатаем.

Мне нужно было говорить с герцогом наедине, чтобы я мог предложить ему союз с Харальдом Норвежским, но я не учел, как трудно получить к нему доступ. Вильгельм весь ушел в подготовку к походу и был слишком занят, чтобы выслушать скромного священника, а его телохранители относились подозрительно к незнакомым людям, опасаясь наемных убийц, посланных врагами герцога или даже Гарольдом Годвинсоном Английским. Посему я решился на безрассудный шаг, каковой, как я надеялся, приведет меня к встрече с герцогом, может быть, в присутствии немногих его ближайших советников. К этому малоумному решению подтолкнуло меня замечание, сделанное одним монахом в Фекане. Когда Мор описывал, как нашел меня, полуживого, на отмели, кто-то сказал, что Гарольд Годвинсон провел несколько месяцев при дворе герцога после такого же несчастья, случившегося с ним. Там с Гарольдом обращались щедро, и в ответ он поклялся в верности герцогу и обещал поддерживать притязания Вильгельма на английский трон.

- Годвинсон изменнически нарушил клятву, когда сам захватил трон. Он узурпатор, и его нужно свергнуть, - заявил еще кто-то из монахов. - В монастыре в Жюмьеже подвизается брат, пишущий доподлинную историю сего предательства, и он вскоре представит ее герцогу Вильгельму, точно как вот этот брат Мор представил нам «Житие господина настоятеля Вильяма, с любовью составленное его другом

Рудольфом Глабером из Бургундии». Герцог Вильгельм весьма ценит тех, кто пишет правду.

И вот, прибыв в герцогский дворец в Руане, я сделал вид, что направляюсь в церковь, а сам свернул в сторону и нашел дорогу в приемную, где усердно трудились секретари. Стоя там в моем черном одеянии, я сказал, что хотел бы встретиться с герцогом наедине по важному делу.

- И какую тему вы хотите обсудить? - осторожно спросил младший секретарь.

По его лицу я понял, что не будь на мне одежды священнослужителя, меня бы сразу же выдворили.

- Многие годы я составляю житийную историю великих людей, - ответил я, придав голосу, сколь мог, ханжества, - а слава герцога Вильгельма такова, что я уже включил в мою историю многое и о нем. Теперь же, если герцог будет столь любезен, мне бы хотелось выяснить, по какой причине он должен унаследовать английский престол, несмотря на ложные притязания его вассала Гарольда Годвинсона. Тогда потомки смогут судить об этом деле верно.

- Как мне назвать того, кто подал просьбу? - спросил секретарь, делая запись.

- Мое имя, - ответил я, не краснея, - Рудольф Глабер. Я из Бургундии.

Потребовалось три дня, чтобы мое ходатайство прошло все уровни бюрократии, окружающей герцога. Я провел это время, наблюдая за приготовлениями к предстоящей войне. Со времени моей службы в Константинополе я не видел столь отлаженной военной машины. Перед городской стеной было расчищено место, где по утрам отряд лучников отрабатывал свои навыки. Их задача - обездвигить противника дождем стрел, пока конные рыцари не пойдут в атаку. После полудня на той же площадке занималась пехота.

К северу невядалеке от города было травянистое поле, где я наблюдал за действиями большого конного отряда, поставленного в войско герцога графом Мортанем – около дюжины рыцарей в сопровождении такого же числа оруженосцев, или помощников. На всех были кольчуги, но только шестеро рыцарей сидели на тяжелых боевых конях. Под остальными кони были обычные, и все вместе они искали наилучший способ совместных действий. Обычные всадники пускали лошадей легким галопом к ряду соломенных щитов и метали копья, как дротики. После чего разъезжались в стороны, открывая путь своим тяжеловесным товарищам, идущим на рысях, чтобы те либо пробии щиты более толстыми и тяжелыми копьями, либо искрошили их на куски длинными мечами. По завершении этой части учений легковооруженные всадники, спешившись, откладывали в сторону свои стальные мечи и вооружались учебными, деревянными. Они разделялись надвое и вступали в потешное сражение, коя и рубя друг друга под наблюдением предводителей, а те время от времени выкрикивали приказы. И тогда та или другая сторона разворачивалась и делала вид, что бежит, увлекая противника за собой. Следовал новый приказ, бегущие прекращали притворное отступление, и тяжелая конница, бывшая все еще в седле и ждавшая в тылу, неуклюже выдвигалась вперед для ответного удара.

Пока все это происходило, я приблизился, чтобы взглянуть на один из боевых мечей, лежавших в стороне. Он был тяжелее и длинее того, что я носил, состоя в императорской гвардии в Константинополе, и вдоль всего прямого клинка имел желобок. На нем также имелась надпись, сделанная бронзовыми литерами. «IN NOMINI DOMINI» – прочел я.

– Весьма уместно, не так ли, отче? – прозвучал чей-то голос, и, подняв глаза, я увидел человека с мощными

мускулами и в кожаном переднике. Вне всяких сомнения, то был оружейник отряда.

- Да, - согласился я. - «Во имя Божье». Клинок, кажется, отличный.

- Сделан в рейнских землях, как и большинство наших мечей, - кивнул оружейник. - А каков он, клинок, то зависит от кузнеца. Германцы выгоняют их взащей дюжинами, коли что не так. А как клинок сломается, его не стоит чинить. Отдели рукоять и приладь новый клинок.

Я вспомнил груз клинков, погруженных на рыбацье судно перед тем, как оно потерпело крушение.

- Трудно будет найти замену этому клинку.

- Нынче уже нетрудно, - сказал оружейник. - Из двадцати лет большую часть я служил у графа, ковал кольчуги и чинил оружие для его походов, но никогда не видывал такого количества оружейных припасов, как ныне, - не только клинки, но шлемы, рожны для копий, древки стрел, - уйму всего понавезли. Повозка за повозкой. Вот я и думаю, а как же все это будет погружено на корабли - коль корабли, понятное дело, успеют спустить на воду ко времени. Ходят слухи, будто кое-кого из нас пошлют в Диве помогать корабелям.

- Диве? Это где? - спросил я.

- Дальше на запад. Все, что приходит в Руан, идет на кораблях вниз по реке. Сами же корабли строятся вниз и вверх на берегу. Диве - это место, где собирается флот. Оттуда он ударит по Англии.

У меня мелькнула мысль, что Гарольд Годвинсон должен знать, что здесь происходит, и англичане могли бы предотвратить вторжение, когда бы переплыли пролив и сокрушили флот норманнов, пока он еще стоит на якоре. Суда Вильгельма были бы легкой добычей. Зато корабли Харальда Норвежского, что сейчас собираются в Тронхейме, находятся слишком далеко, чтобы их можно было перехватить.

Я хотел было спросить оружейника, принимает ли герцог Вильгельм какие-либо предосторожности от набега англичан, но тут подошел мальчик-паж со срочным вызовом во дворец герцога. Моя просьба о встрече с герцогом была удовлетворена, и мешкать не следовало.

Я поспешал за мальчиком по улицам, а там и по коридорам, ведущим в сердце дворца, где герцог Вильгельм имел приемную. Сама поспешность, с какой меня приняли, должна была бы вызвать у меня подозрение. Паж передал меня рыцарю-придвернику, и тут же меня ввели в самую комнату совета, а рыцарь следовал за мною по пятам. Я оказался в просторной, довольно темной комнате, плохо освещенной сквозь узкие оконные щели в толстых каменных стенах. В центре комнаты на резном деревянном стуле сидел дородный человек примерно одного роста со мной, но начинающий толстеть, коротко остриженный и с недобрым выражением лица. Я решил, что ему лет сорок пять. И понял, что это и есть герцог Вильгельм Норманнский, но, на мой взгляд, он больше смахивал на грубого сельского пристава, привыкшего запугивать крестьян. Он смотрел на меня с неприязнью.

В комнате было еще пять человек. Трое, очевидно, высокопоставленные дворяне, одетые, как и герцог, в препоясанные платья из дорогой ткани, облегающие рейтузы и шнурованные кожаные башмаки. У них была осанка и манеры воинов, но при этом выглядели они странно щегольски, имея волосы, выбритые от половины головы донизу в виде горшка для пудинга, каковая манера, как я узнал впоследствии, была позаимствована с юга, из Оверни и Аквитании. Они тоже взирали на меня враждебно. Двое других присутствующих в комнате были церковниками. Только в отличие от моей простой бело-черной одежды они были одеты в длинные белые рясы с шитыми шелком

каймами у шеи и на рукавах, а распятия, что висели у них на груди, были усыпаны полудрагоценными камнями. Распятия походили скорее на украшения, чем на символы их веры.

- Я слышал, ты хочешь писать обо мне, - молвил герцог. Голос у него был резкий и гортанный и вполне соответствовал грубой внешности.

- Да, господин. С вашего разрешения. Я составляю хроники, и я уже завершил пять книг, и - с Божьей помощью - приступаю к шестой. Меня зовут Рудольф Глабер, и я пришел сюда из моего монастыря в Бургундии.

- Я так не думаю, - раздался голос за моей спиной.

Я обернулся. Из темноты вышел человек, одетый в такой же скромное черно-белое платье, что и я. Мой взгляд упал на его левую руку - на ней не хватало трех пальцев. То был Регимий, раздатчик милостыни из монастыря Святой Троицы в Фекане. В тот же миг рыцарь, стоявший за моей спиной, обхватил меня руками и прижал мои руки к моим же бокам.

- Брат Мор ни слова не говорил о том, что ты пришел из Бургундии, и говор у тебя не бургундский, - сказал раздатчик милостыни. - Отец, что заведует нашей прачечной, также доложил, что из его хозяйства исчезли плащ и ряса, но пока я не услышал о таинственном монахе, одетом в черное с белым, здесь, в Руане, я не заподозрил, что ты - тот же самый человек. Я не ждал, что ты окажешься так дерзок и объявишь себя самим Рудольфом Глабером.

- Кто ты, старик? - прервал его Вильгельм голосом еще более резким, чем раньше. - Лазутчик Гарольда? Вот уж не думал, что он нанимает выживших из ума стариков.

- Я не лазутчик Гарольда, господин, - прохрипел я, едва дыша. Рыцарь обхватил меня столь крепко, что

казалось, мои ребра не выдержат его объятий. – Меня послал Харальд, Харальд Норвежский.

– Пусть он говорит, – приказал Вильгельм. Мучительная хватка ослабла. Я несколько раз глубоко вздохнул.

– Господин, меня зовут Торгильс, я посланец норвежского короля Харальда.

– Если ты его посол, почему ты не пришел открыто, а прокрался переодетым?

Я торопливо соображал. Признаться, что Харальд велел мне оценить, насколько готов Вильгельм к вторжению, прежде чем предлагать ему союз, было бы пагубным. Я признал бы, что я и вправду лазутчик.

– Послание мое столь тайное, что мой государь велел мне передать его с глаза на глаз. Для того я и переоделся в это платье.

– Ты осквернил одежду, которую надел, – усмехнулся кто-то из разодетых священников.

Нетерпеливым взмахом руки герцог велел ему замолчать. Я видел, что Вильгельм требует и получает мгновенное повиновение от своих приближенных. Он еще больше стал похож на устрашающего народ пристава.

– Что за послание ты принес из Норвегии?

Я уже достаточно пришел в себя, чтобы, оглядев приближенных Вильгельма, ответить:

– Оно только для ваших ушей.

Вильгельм начал злиться. Тонкая вена на виске задергалась.

– Выкладывай, не то я повешу тебя как лазутчика или подвергну пытке, чтобы выяснить правду.

– Мой господин Харальд Норвежский предлагает союз, – торопливо заговорил я. – Он собирает корабли, чтобы высадиться на севере Англии, и знает, что вы собираетесь высадить войско на юге. Вы оба боретесь с одним и тем же врагом, потому он предлагает обеим

армиям согласовать сроки. Гарольду Годвинсону придется сражаться на две стороны, и он будет разбит.

- А что потом? - в голосе Вильгельма звучало презрение.

- После того как Годвинсон будет разбит, Англия будет поделена. Югом будет править Нормандия, севером - Норвегия.

Герцог сузил глаза.

- А где будет проходить граница?

- Этого я не знаю, господин. Но раздел будет основан на обоюдном согласии, как только Годвинсон будет свергнут.

Вильгельм хмыкнул в знак того, что отпускает меня:

- Я подумаю, - сказал он, - но сначала мне нужно знать сроки. Когда Харальд планирует высадить свое войско?

- Его советники понуждают его вторгнуться в Англию не позже сентября.

- Уведи его, - приказал Вильгельм рыцарю, все еще стоящему у меня за спиной. - Проверь, чтобы его держали под надежной охраной.

Эту ночь я провел в камере герцогской темницы, спал на сырой соломе, но утром приободрился, когда тот же мальчик-паж, который привел меня во дворец, снова явился и велел стражнику отпустить меня. Меня снова провели в комнату для герцогских приемов, где я нашел Вильгельма и тех же советников уже в сборе. Герцог перешел прямо к делу.

- Можешь сообщить своему господину, что я согласен на его предложение. Мое войско высадится на южном берегу Англии в первую или вторую неделю сентября. Точное время зависит от погоды. Грузовым кораблям, чтобы пересечь пролив, требуется спокойное море и попутный ветер. По моим сведениям, Гарольд Годвинсон призвал новобранцев и сейчас держит войско на южном берегу, так что, похоже, он готов

встретить нас. Поэтому важно, чтобы король Харальд не менял своих намерений и высадился на севере не позднее середины сентября.

- Я понял, господин.

- И еще вот что. Ты останешься здесь, при мне. Может быть, понадобится связаться с твоим королем, когда война уже начнется. Ты будешь нашим посредником.

- Как вам угодно, господин. Я приготовлю подробное донесение конунгу Харальду. Вы обеспечите корабль, я пошлю сообщение в Норвегию.

В тот же день, чувствуя полное удовлетворение от столь легкого завершения дела, мне порученного, я написал краткое изложение всего, что произошло. Чтобы не дать секретарям Вильгельма сунуть нос в мой доклад, я скрыл его смысл в фразах, понять каковые смог бы только тот, кто знает правила скальдического стихосложения. Харальд стал «кормильцем орла моря стервятника падали», а норманнский флот вторжения – «конями, идущими вслед за чайкой». Описывая самого Вильгельма, я запрятал то, что хотел сказать, еще глубже, ибо ничего хорошего о нем сообщить не мог. Он стал «лошадью жены Игга», ибо Харальду известно, что жена Игга была великанша и ездила верхом на волке. Наконец, чтобы вдвойне увериться, что письмо будет признано неподдельным, я сложил пергамент, пользуясь тем тайным способом, который в Константинополе служил подтверждением подлинности послания – а Харальду этот способ был известен, – и отдал письмо верховому, который повез его на норманнское побережье. Оттуда корабль доставит доклад в Тронхейм.

В последующие пять недель мое положение при дворе Вильгельма было весьма двусмысленным. Я не был ни узником, ни свободным человеком. Со мной обращались так, будто я – мелкий вассал на службе у

Вильгельма, но при этом меня повсюду сопровождал вооруженный стражник. А вокруг шли ускоренные приготовления к вторжению, и в начале августа, когда Вильгельм двинулся со своим окружением в Диве, чтобы начать погрузку войска, я отправился с ним.

То, что творилось в Диве, стало венцом всех этих многомесячных приготовлений. Стоянка находилась в устье небольшой речки, и к тому времени, когда мы прибыли, почти все корабли вторжения теснились в море. Я насчитал шесть сотен кораблей, многие из коих были простыми баржами, построенными только для перевозки войска. Ряды палаток стояли на берегу, войсковые строители поставили кухни, отхожие места и конюшни. Отряды корабелов устраняли последние недоделки, и непрерывно прибывали и отбывали гонцы, пешие и верховые, а пехота и конница готовились к погрузке. Я все думал, каким таким способом боевые тяжелые кони могут быть погружены на борт, а тут увидел воочию. Корабли, предназначенные для них, подвели к пологому берегу во время прилива и поставили на якорь. Отлив обсушил плоскодонные баржи на отмели, плотники положили некрутые сходни, по коим и вели лошадей, порою не без труда, и размещали на баржах, где были запасы кормов и воды. Там эти дородные животные в полном довольстве стояли себе и ели, а наступивший прилив поднял суда, и их отвели на глубокую воду.

Одиннадцатого сентября герцог дождался своего дьявольского везения – как раз к тому времени, когда он обещал начать свое вторжение, подул и установился легкий юго-западный ветер. В сумерках Вильгельм вызвал меня в свой герцогский шатер и в присутствии своих военачальников, указав рукою на север, сказал:

– Теперь ты можешь сообщить своему господину, – сказал он, – что Вильгельм Норманнский держат свое слово. Завтра мы завершим погрузку и отплывем в

Англию. Ты же останешься здесь, чтобы сделать свое последнее донесение.

Утром я убедился, как весь флот поднял якоря и с отливом вышел в море. Я поплелся по берегу туда, где ждал меня мой тяжеловооруженный всадник-стражник, и размышлял я о том, что сослужил своему господину неплохую службу, и эта служба будет последней. Как только появится возможность, я перестану быть человеком конунга Харальда и вернусь в Швецию искать моих близнецов. Я чувствовал себя стариком.

Тяжеловооруженный всадник тоже был не прочь помешкать. На морском берегу куда приятнее проводить время, чем в казармах в Руане, вот он и не спешил с возвращением, и мы провели несколько дней в Диве. А в городе после того, когда флот отплыл, воцарилось запустение. На берегу, с которого происходила погрузка, остались только следы от палаток, кучи конского навоза, колеи от повозок, подвозивших припасы, и кострища сгоревших костров, на которых готовили пищу. Здесь было все кончено. Море опустело. Мы ждали вестей о высадке, и время стояло на месте.

Погода оставалась прекрасной – яркое солнце и легкий юго-западный ветер, и чтобы скоротать время, я, договорившись с одним здешним рыбаком, каждое утро выходил с ним в море, когда он проверял сети. И вот, спустя десять дней после отплытия норманнского флота, мы сидели в лодке, легко покачиваясь на воде, как вдруг я заметил в море знакомые очертания. Небольшой корабль шел нам навстречу. Он подвигался медленно, с трудом идучи против ветра, но ошибиться в его происхождении было невозможно – то было небольшое торговое судно датской или норвежской постройки. Оно шло галсами, направляясь к Диве, и я не сомневался, что оно пришло за мной, что Харальд, очевидно, получил мое письмо.

Я попросил рыбака грести наперерез, дабы перехватить корабль прежде, чем он пристанет к берегу. Стоя в рыбацкой лодке, я окликал их, радуясь возможности снова говорить по-норвежски. На мне все еще было то самое краденое монашеское одеяние, и кормчий, верно, подумал, что это какой-то христианский священник, говорящий на его языке, однако он обезветрил парус, судно развернулось к ветру, и я поднялся на борт. Первый, кого я увидел на палубе, был Скуле Конфростре, тот самый молодой человек, горячая голова, похвалявшийся, что норвежцы побьют английских хускарлов. Он был чем-то встревожен, и это меня насторожило.

- Как дела у Харальда? - спросил я, обеспокоенный его видом. - Благополучно ли он высадился на английский берег?

- Да, да, наш флот вышел из Норвегии в конце августа и благополучно добрался до побережья Шотландии. Когда я оставил Харальда, он продвигался по берегу. Он послал меня выяснить, как обстоит дело с вторжением, обещанным герцогом Вильгельмом. О том не было никаких вестей.

- Не стоит волноваться, - сказал я самодовольно. - Я своими глазами видел, как десять дней назад флот герцога Вильгельма отплыл в Англию. Они давно уже должны быть на том берегу и, наверное, продвигаются вглубь страны. Годвинсон попался в ловушку.

Скуле глянул на меня так, будто я спятил.

- Как же это так, ведь только вчера, идя на юг вдоль побережья, мы видели норманнский флот, он спокойно себе стоит на якоре в некотором отдалении от берега. Кормчий знает это место. Говорит, что оно называется Сен-Валери, на землях герцога Понтье. Они вовсе еще не пересекли пролив.

Мне показалось, что палуба качнулась у меня под ногами. Я, задумавший перехитрить герцога

Вильгельма, стал жертвой гораздо большей хитрости. Слишком поздно я вернулся в мыслях к тому дню, когда передал герцогу предложение Харальда о совместном нападении. Я вспомнил оружейника, которого встретил на учебном поле, о том, с каким рвением он рассказывал мне, что именно Диве – то самое место, откуда начнется вторжение, и как меня, как только я получил эти сведения, срочно привели к герцогу. С сожалением я осознал, что мой монашеский маскарад был раскрыт гораздо раньше, чем я это понял, а Вильгельм и его советники придумали, как обратить мое присутствие себе на пользу: мною хотели воспользоваться для сокрытия истинного направления и времени норманнского набега. А после того как я признался, что я – посланец короля Харальда и предложил объединить усилия, Вильгельм и его советники, наверное, с трудом поверили в свою удачу. Они обманом понудили короля Норвегии высадиться на английскую землю, чтобы он встретился с войском Гарольда Годвинсона, в то время как норманны будут себе держаться в стороне и ждать, чтобы высадиться, не встречая сопротивления. Кто выиграет первую битву – Харальд Норвежский или Гарольд Английский, не имеет значения, ибо победитель будет уже ослаблен, когда столкнется с герцогом Вильгельмом и его тяжелой конницей.

– Мы должны предупредить короля Харальда, что ему придется иметь дело с английским войском в одиночку! – воскликнул я. Меня тошнило при мысли о том, какого же дурака я сваял. И чтобы скрыть свое унижение, я с горечью добавил: – Так что теперь, Скуле, ты узнаешь, каково оно – биться с хускарлами и их секирами.

Вильгельм, герцог Нормандии, использовал меня как пешку.

Глава 14

Плавание на север с целью предупредить Харальда стало для меня мукой. Я все время каюсь в своем легковерии и совсем измучил себя, воображая, как мог бы и должен был разгадать уловку Вильгельма. Хуже того, теперь-то, зная, сколь вероломен герцог, я не сомневался в его дальнейших действиях: Годвинсон пошлет лазутчиков в лагерь герцога, и герцог сделает так, чтобы они донесли своему хозяину, что вторжение норманнов откладывается. И как только Гарольд убедится, что норманны не представляют непосредственной угрозы, он направится на север, чтобы отбить вторжение норвежцев. А то, что впоследствии за поражением норвежцев, приводило меня в отчаянье. С первого дня, с первой моей встречи с Харальдом Норвежским, тогда, давным-давно, в Миклагарде, он представлялся мне последним и наилучшим поборником исконной веры на севере. Нередко он меня разочаровывал, но по-прежнему я уповал на него. Несмотря на его высокомерие и произвол, он оставался символом моих упований на то, что славу былых времен можно возродить.

- Наши корабли вышли из Норвегии в Шотландию в конце августа, - рассказал Скуле Конфростре во время нашего плавания, добавив для моего смущения: - Двести длинных кораблей, не считая других, поменьше, - такой силищи мы никогда еще не собирали. На это стоило посмотреть! Харальд все поставил на эту опасную затею. Прежде чем поднять паруса, он отправился на могилу своего предка святого Олава и помолился за удачу. Потом запер дверь склепа, а ключ бросил в реку Нид, сказав, что не вернется, пока не покорит Англию.

- Коль ты христианин, друг мой, то вполне может оказаться, что тебе придется сражаться с христианами, - не сдержавшись, упрекнул я его. - Коль Харальд победит англичанина, его следующим врагом станет герцог Вильгельм и его норманнские рыцари, а они-то уверены, что Белый Христос на их стороне. Сам герцог, не снимая, носит святую реликвию на шее, и его старший военачальник - епископ. Заметь, что он сводный брат герцога, и не думаю, что его поставили военачальником только за религиозное рвение.

- Я не христианин, - твердо ответил Скуле. - Но говорю, что Харальд ничего не упустил. Исконных богов он тоже не забыл. Принес жертвы, испросив победы, подрезал себе волосы и ногти перед отплытием, так что Нагльфар ничего не выгадает от нашего поражения.

Я вздрогнул при упоминании Нагльфара - этот молодой норвежец задел мои самые мрачные предчувствия. Нагльфар - корабль трупов. Когда настанет Рагнарек, день последней страшной битвы, в которой старые боги потерпят поражение, Нагльфар будет спущен на течения, сотворенные корчами змея Мидгарда, лежащего в глубинах моря. Построенный из обрезков ногтей мертвецов, Нагльфар - чудовищный корабль, самый большой из всех известных, настолько большой, что может привезти всех противников исконных богов на поле битвы, где мир, как мы знаем, погибнет. Коль скоро Харальд Крепкая Рука обстриг себе ногти перед походом в Англию, значит, он, скорее всего, предвидел свою смерть.

Мнение нашего седобородого кормчего лишь усилило мое уныние.

- Конунгу вообще не следовало отплывать, - вставил он. - Ему бы обратить внимание на знамения. Что христианские, что все прочие - все они указывали на гибель. - Кормчий, как и многие мореходы, верил в приметы и знамения, и мое молчание только

подстрекнуло его продолжить: - Да и сам Харальд видел вещий сон. Святой Олав явился ему и посоветовал остановиться. Сказал, что это приведет к его смерти, но и это еще не все. - Он посмотрел на меня, все еще одетого в черно-белое платье. - Ты ведь не священник Белого Христа, а?

- Нет, - ответил я. - Я приверженец Одина.

- Тогда разреши мне рассказать, что увидел во сне Гюрдир в тот самый день, когда отплыли наши корабли. Будто стоит он на носу королевского драккара и смотрит назад, на идущий за ним флот. И вот он видит, что на носу каждого корабля сидит птица, либо орел, либо черный ворон. А потом он взглянул на острова Солунд, а там, над этими островами, стоит огромная великанша-людоедка. В одной руке у нее нож, а в другой - корыто для разделки мяса. И она произнесла такие строки:

На закат великого
Конунга закликали,
Гостей на погосты,
Гожих мне в поживу.
Вот и ворон тоже -
Ужо мы попируем! -
Кружит. Знатный ужин
Муж нам уготовил.

Мне стало совсем дурно. Я вспомнил слова моего послания Харальду. Я обращался к нему как к «кормильцу орла моря стервятнику падали». Я хотел сказать, что Харальд - морской орел, каковым он представлялся мне с того дня, как я впервые увидел его в Константинополе. Теперь же я понял, что слова моего письма можно истолковать иначе: он - тот, кто предоставит трупы своих людей воронам и орлам. А

коль так, то именно я закликал его и его людей в эту дорогу своим письмом из Нормандии.

- Ты сказал, были и другие предзнаменования? - дрожащим голосом спросил я.

- Немало, - ответил корабельщик. - Но одно я помню в подробностях. Это приснилось еще одному из людей короля. Будто наши корабли плывут к берегу. Во главе идет длинный корабль конунга Харальда с развевающимся стягом, и понятно ему, что земля, к которой они приближаются, это Англия. На берегу же их ждет большая рать, а впереди того войска - великанша-людоедка, может статься, та же самая, но чего не знаю, того не скажу. Только тут она сидит верхом на преогромном волке, а волк держит в зубах окровавленный человеческий труп, совсем как пес - крысу. Харальд и его люди высаживаются на берег, рати сходятся в битве, и норвежских воинов косят, как сено. А великанша подбирает их тела и скармливает одно за другим тому преогромному волку, и зверь пожирает их с удовольствием, и кровь течет по его морде.

Тут-то я и понял со всей очевидностью, что мой дар предвидения, спавший столько лет, проснулся. Ведь я, составляя свое послание в Норвегию, назвал Харальда морским орлом, а герцога Вильгельма скрыл под обличьем волка, на котором едет великанша Игга, то есть сам того не сознавая, прикоснулся к грядущему: каждая смерть в войске Харальда пойдет в прок волку, каковым я назвал герцога Вильгельма. Тогда не узнав собственного предвидения, теперь я пришел в ужас от возможности, что мое предсказание сбудется. Коль верх одержит Вильгельм, окажется, что я помог взойти на трон не поборнику древней веры, но ненасытному приверженцу Белого Христа.

Даже погода задумала усугубить мое огорчение. Ветер по-прежнему тянул с юго-запада, и наше судно

легко бежало по узкому морю между Англией и страной франков. Это был самый благоприятный ветер для Вильгельма, но когда мы проходили Сен-Валери, и наш кормчий рискнул подойти ближе к берегу, мы увидели огромное скопище кораблей, стоящих на якоре или надежно вытасненных на сушу. Очевидно, герцог Нормандии вовсе не намеревался переправляться через пролив до тех пор, пока не узнает, что Гарольд Годвинсон занялся угрозой с севера.

Благодаря этому попутному ветру, мы сделали почти невозможный по скорости переход, и мои надежды предотвратить крушение воскресли, когда навстречу нам попался военный корабль Харальда. Он караулил устье реки, в которую Харальд завел свой флот менее трех дней назад. Корабельщики обменялись громогласными приветствиями, после чего мы со Скуле поспешно перебрались на военный корабль. Его кормчий, осознав срочность нашего дела, согласился войти в реку ночью и пуститься на веслах против течения. Так оно получилось, что двадцать пятого сентября чуть свет я увидел илистый берег реки, к которому причалил весь огромный норвежский флот. С облегчением я убедился, что он невредим. Речной берег кишел людьми. Войско Харальда, кажется, было цело.

- Где мне найти конунга? - спросил я у первого же встречного воина, когда мы высадились. Он попятился от моего напора и удивленно глянул на меня. Должно быть, я представлял собой странное зрелище - старый лысый священник, подол рясы в речном иле, сандалии в тине. - Конунг! - повторил я. - Где он?

Воин указал на склон берега.

- Лучше спроси у кого-нибудь из его советников, - ответил он. - Ты найдешь их вон там.

Я, скользая и оступаясь, поспешно поднимался по вязкому берегу в указанном направлении. А Скуле за моей спиной говорил:

- Потише, Торгильс, потише. Вдруг конунг занят.

Я не обращал на него внимания, хотя задышался, мучительно сознавая, что преклонные годы берут свое. Вероятно, я совершил ужасную ошибку, снабдив Харальда ложными сведениями, но все же я отчаянно надеялся исправить причиненный вред.

Заметив палатку повыше и покрасивее прочих, я припустился туда. Перед ней кучкой стояли люди, о чем-то переговариваясь, и я узнал нескольких советников Харальда. Они сопровождали молодого человека, сына Харальда Олава. Я грубо вмешался в их разговор.

- Конунг, - сказал я. - Мне срочно нужно говорить с конунгом.

И снова все попятилось от настойчивости, звучавшей в моем голосе, однако кто-то из советников, приглядевшись, узнал меня.

- Да это ведь Торгильс Лейвссон, а? Я поначалу не признал тебя. Прошу прощения.

Я отмахнулся от его извинений. Мне казалось, что все они пагубно бестолковы. Я повторил свое требование, голос мой дрожал от волнения. Я должен говорить с конунгом. Это дело крайней срочности.

- Значит, с конунгом, - сказал советник, если не ошибаюсь, житель Уппланда, присягнувший Харальду. - А здесь его нету. Он уехал еще на заре.

Я в отчаянии стиснул зубы.

- Куда уехал? - спросил я, безуспешно стараясь говорить спокойно.

- Внутрь страны, - небрежно ответил норвежец, - на место встречи. Взять заложников и дань от Англичанина. Повел с собой чуть не половину войска. Жаркий будет денек.

Я схватил его за руку.

- Где место встречи? - Я молил, как о милости. - Мне нужно поговорить с конунгом или хотя бы с воеводой

Ульфом.

Мои слова удивили их. Норвежец покачал головой.

– Ульф Оспакссон. Ты что, не знаешь? Он помер в начале лета. Великая утрата. На похоронах конунг назвал его самым верным и доблестным воином из всех, кого он знал. Теперь воеводой Стюркар.

И вновь меня обдало холодом. Ульф Оспакссон, бывший при Харальде с тех пор, как тот взошел на трон, Ульф, самый рассудительный из его военных советников... Тот самый Ульф, что противился замыслу вторжения в Англию. И теперь, когда его не стало, некому обуздывать опрометчивые притязания Харальда стать новым Кнудом.

Кровь стучала у меня в ушах.

– Держись, Торгильс. Спокойней!

Это сказал Скуле у меня за спиной.

– Я должен говорить с Харальдом, – повторил я. Мне казалось, что я тону в трясине безразличия. – Он должен изменить свой план.

– Что ты так разволновался, Торгильс? – попытался успокоить меня другой советник. – Только приехал, а уже хочешь изменить намерения конунга. Все идет, как задумано. Эти англичане не так страшны в битве, как о них толкуют. Пять дней тому назад мы задали им трепку. Мы двинулись на Йорк, как только сошли на берег. Из города вышло войско, возглавляли его два здешних ярла. Они заступили нам дорогу, и это была славная битва, хотя, наверное, нас было немного больше. Харальд все проделал блестяще. Как и всегда. Они напали первыми. Сходу нанесли сильный удар по нашему правому крылу. Какое-то время даже казалось, что они нас одолеют, но тут Харальд сам ударил в ответ сбоку. Смял их строй в два счета, и не успели они оглянуться, как мы загнали их в болото, и деваться им было некуда. Вот тогда-то мы их наказали. Убили столько, что по той трясине шли как посуху, по тропам.

Город, само собой, сдался, и теперь Харальд поехал забрать дань и припасы, обещанные отцами города, да еще заложников, чтобы впредь не бунтовали. Он скоро вернется. Дождись его в лагере. А не то передай свои сведения Олаву, а он передаст их отцу, когда тот вернется.

- Нет, - отрезал я. - Это дело я открою только самому Харальду, и ждать оно не может. Добыл бы мне кто-нибудь лошадь, а я попытался бы перехватить войско.

Советник пожал плечами.

- Лошадей мы привезли маловато - на кораблях и так едва хватало места для людей и оружия. Но сколько-то мы все-таки захватили, поищи в лагере, может статься, и найдешь себе по душе. Харальд не мог уйти далеко.

Я потратил какое-то время на поиски лошади и нашел только замороженного вьючного пони. Однако и эта тощая тварь все же лучше, чем ничего; войско еще не закончило утреннюю трапезу, а я уже удалялся от кораблей по дороге вдогонку за Харальдом и его войском на север.

- Скажи ему, что нам нужна добрая сочная говядина! - крикнул мне вслед какой-то воин, когда я выехал на окраину лагеря. - Что-нибудь этакое, что можно положить на зуб вместо железного хлеба и заплесневелого сыра. И столько пива, сколько он сумеет привезти. В такую погоду пить очень охота.

Воин был прав. Сухой воздух стоял неподвижно. В небе ни облачка. Очень скоро жара покажет себя. Земля, сожженная солнцем, местами уже потрескалась, и неподкованные копыта моего пони ударяли по твердой ее поверхности весьма для меня чувствительно.

След войска искать не приходилось. Там, где прошли пешие воины, пыль была взбита, и время от

времени встречались кучи навоза, оставленные лошадьми Харальда и его военачальников. Их путь шел вдоль реки по высокому левому берегу, и по обоим берегам пологие холмы иссохли от летнего зноя. Время от времени я замечал следы там, где люди сходили с дороги и спускались к воде утолить жажду. Самих воинов я не видел, разве только небольшой отряд, охранявший груды оружия и доспехов. Поначалу я решил, что это добыча, взятая у врага, но потом понял, что оружие это – и щиты, и толстые кожаные куртки с металлическими пластинами, – принадлежат нашим. Должно быть, они их сняли и оставили здесь, под охраной, потому что шагать в столь тяжелой сбруе слишком уж жарко.

Воины сообщили, что Харальд с войском уже недалеко, да и я сам увидел их, когда поднялся на следующий холм и посмотрел на речную излучину. Войско остановилось на дальнем берегу. Проселки там сходились к большаку перед деревянным мостом, а за мостом большак поднимался по склону холма, а за холмом уже напрямик вел к городу Йорку. Сюда сходились многие дороги, и я понимал, почему именно сюда жители Йорка должны принести дань.

Я пнул пятками своего пони, понуждая его совершить последнее усилие, и спустился в долину. Часть войска Харальда еще не перешла по мосту, и я, проезжая мимо, своей поспешностью вызвал их любопытные взгляды. Многие из них сняли рубахи и шли с обнаженной грудью. Мечи, шлемы и щиты валялись, небрежно брошенные, в сторонке. Десятка два стояли на речной отмели и ополаскивались, чтобы охладиться.

Пони процокал по истертым серым тесинам моста. Сначала я хотел спешиться. Мост был в худом состоянии, между тесинами зияли широкие трещины, но маленький пони шел уверенно, и вот я уже поднимаюсь

вверх по другому берегу к горстке людей, собравшихся вокруг стяга. И даже когда бы этот стяг, Разоритель Страны, не развеялся на древке, я узнал бы приближенных Харальда. Сам Харальд на голову возвышался над остальными. Его длинные желтые волосы и отвислые усы нельзя было не признать.

Я слез с пони, едва не упав. Половина утра у меня ушла на то, чтобы добраться до Харальда, ноги затекли, да и седло изрядно побило. Отстранив телохранителя, попытавшегося было задержать меня, я приблизился к Харальду и окружавшим его людям. И они тоже совершенно спокойны. Нет сомнений, они предвкушают приятную задачу – как наилучшим образом разделить добычу. Среди них я увидел Тости, сводного брата английского короля. До недавнего времени он правил этими землями как ярл, но был свергнут. Теперь он связал свою судьбу с Харальдом, полагая, что вернет свой прежний титул.

– Государь! – позвал я, приблизившись к ним. – Я рад видеть вас в добром здравии. Я привез новости из страны франков.

Все повернулись и посмотрели на меня. Тут я понял, что мой голос звучит хрипло и надтреснуто. Горло у меня пересохло и забило дорожной пылью.

– Торгильс. Как ты оказался здесь? – спросил Харальд.

Вопрос прозвучал несколько неприветливо. Конунг смотрел на меня с высоты своего роста, явно раздраженный. Я понял; он считает, что я бросил то, чем должен был заниматься. Он предпочел бы, чтобы я сидел в Нормандии, оставаясь посредником между ним и герцогом Вильгельмом.

– У меня не было другого выхода, государь. Случилось то, о чем я должен сообщить вам немедленно. И я не мог доверить это сообщение никому.

- Какое еще сообщение? - спросил Харальд.

Я решил говорить напрямик. Мне нужно было потрясти Харальда, чтобы он изменил свои планы, даже если это навлечет на меня его гнев.

- Герцог Вильяльм предал вас, государь, - сказал я и поспешно добавил: - Это была моя ошибка. Он использовал меня как орудие, чтобы обмануть вас. Он заставил меня поверить, что согласен на ваше предложение и приурочит свое вторжение к вашему. Но он вовсе и не собирался этого делать. Его флот еще не двинулся с места. Он нарочно медлит, давая время английскому королю напасть на вас.

Некоторое время выражение лица Харальда оставалось прежним. Он продолжал сердито смотреть на меня, а потом - к моему удивлению - запрокинул голову и расхохотался.

- Значит, Вильяльм Ублюдок обманул меня, да? Ну что же, пусть. Теперь я знаю, каков он, и это знание будет полезно, когда мы встретимся лицом к лицу и решим, кому по праву достанется английское королевство. Он еще пожалеет о своем предательстве. Но он просчитался. Кто разобьет Гарольда Годвинсона, тот и получит преимущество. Нет ничего лучше скорой победы, чтобы вдохновить войско, англичане же пойдут за победителем. Когда я свергну Гарольда Годвинсона, то прогоню и Вильяльма Нормандского назад за море, коль скоро он посмеет высадиться. Но, узнав о моей победе, он, пожалуй, попросту откажется от своих замыслов.

Вновь я ощутил, что плыву против течения событий и почти ничего не могу сделать.

- Герцог Вильяльм не откажется от вторжения, милорд. Он продумал его до самой последней мелочи, обучил войско, отработал каждый шаг и вложил в этот поход все. У него может быть до восьми тысяч воинов. Для него пути назад нет.

- Как и для меня, - бросил Харальд. - Я пришел, чтобы взять Англию, и я этого добьюсь.

Я замолчал, не зная, что сказать. В разговор вмешался Тости.

- Гарольд далеко. Ему нужно пройти всю Англию, коль он захочет встретиться с нами на поле битвы. А тем временем наше войско будет только усиливаться. Услышав о нас, местный народ присоединится к нам. В этих краях у многих в жилах течет норвежская кровь, и родословные их восходят к великому Кнуту. Англичане предпочтут связать свою судьбу с нами, а не с шайкой грабителей-норманнов.

Где-то неподалеку заржала лошадь. Это была одна из коренастых норвежских лошадок, привезенных Харальдом. Выносливые животные, но вовсе не столь сильные, как боевые кони, виденные мною в Нормандии. Я размышлял о том, как они смогут выдержать натиск нормандских рыцарей, когда кто-то воскликнул:

- Наконец-то! Вон наконец явились добрые жители Йорка.

Все посмотрели на запад, там, за холмом, со стороны невидимого отсюда города поднималось легкое облако пыли. Снова заржала лошадь.

Первых, переваливших через взлобье холма, было плохо видно - лишь темные тени. Я вытер пот, заливавший глаза. В черно-белом орденском одеянье было жарко в этот знойный день. Хорошо бы найти легкую хлопчатую рубаху и свободные штаны да избавиться от этого христианского платья.

- Это не стадо коров, - заметил Стюркар, новый воевода Харальда. - Больше похоже на воинство.

- Подкрепление от флота, посланное Олавом, чтобы не пропустить раздела добычи. - В голосе говорившего слышалось негодование.

- Хотел бы я знать, откуда они взяли столько лошадей? - спросил какой-то старый воин, глядя вдаль, и в его голосе прозвучало недоумение. - Это конница, да многочисленная.

Харальд повернулся и взглянул на холм.

- Стюркар, - тихо спросил он, - мы поставили часовых на холме?

- Нет, господин. Я решил, что в этом нет необходимости. Наши разведчики сообщили, что в этой местности только крестьяне, да и тех немного.

- Это не крестьяне.

Тости тоже смотрел на вновь прибывающих. Все больше и больше людей, и верховых, и пеших, переваливало через взлобье холма. Первые ряды начали спускаться вниз, развертываясь веером, чтобы освободить место для тех, кто двигался сзади.

- Не будь я уверен, что этого не может быть, я бы сказал, что это королевские хускарлы, - заметил Тости. - Но ведь действительно этого не может быть. Гарольд Годвинсон всегда держит хускарлов при себе. Они дали клятву служить королю и охранять его особу. - Он обратился ко мне. - Когда, говоришь, Гарольд узнал, что норманнский флот не выйдет в море и останется в стране франков?

- Этого я не говорил, - ответил я, - но думаю, что герцог Вильяльм умышленно подсунул эти сведения Гарольду после того, как покинул Диве... Было это дней двенадцать назад.

Стюркар стал подсчитывать.

- Положим, это было сделано дней десять назад, еще два дня дадим Годвинсону на совещания со своими советниками и подготовку. Стало быть, у него осталось чуть больше недели, чтобы выйти на север и добраться досюда. Это трудно, но не невозможно. В таком случае, этим войском предводительствует сам Гарольд Годвинсон.

- Коль скоро это Гарольд, - заметил Торсиг, - нам лучше отступить к нашим кораблям и собрать остальные силы.

Однако Харальд казался совершенно невозмутимым.

- Ну что же, коль это Гарольд, значит, он шел сюда без отдыха, войско его устало и натерло ноги. А стало быть, самое время устроить кровавую сечу.

Он уверенно усмехнулся, и я понял, что его вера в победу непоколебима. За последние десять лет он не проиграл ни единой крупной битвы и теперь не сомневался, что боевое везение не покинет его. Годвинсон же, по мнению Харальда, сам шел навстречу гибели. Но я думал иначе и ужасался. Вновь я вспомнил подробности моего страшного сна перед возвращением Харальда из Киева, того сна, из-за которого я оказался на великолепном корабле под шелковыми парусами. Мне снился большой флот и рослый войско-водитель, сраженный стрелой в самый миг победы, а когда я поведал о своих страхах, мне было сказано, что я видел гибель греческого военачальника Маниакеса, почти двойника Харальда. Теперь, слишком поздно, эта картина вновь мелькнула у меня в голове - огромное скопище длинных кораблей Харальда, вытасненных на берег или стоящих на якоре на реке в нескольких милях отсюда. Я понял со всей очевидностью, что это зрелище было истинным воплощением моего сна. Вновь я потерпел неудачу. Мне следовало предупредить Харальда еще тогда, много лет назад, об этом жутком предзнаменовании.

- Коль Гарольд Годвинсон здесь, стало быть, нам следует чин по чину переговорить с ним, - продолжал Харальд. Он огляделся, встретился со мной взглядом и сказал: - Торгильс, это дело как раз по тебе. В этом черно-белом одеянии ты вполне годишься на роль моего глашатая. - Он мрачно улыбнулся. - Они не станут

нападать на человека в таком облачении, даже если он и обманщик. Поезжай туда и предложи переговоры.

Понимая, что меня подхватили события, над коими я не властен, я направился к моему вьючному пони, который тыкался мордой в землю, пытаюсь отыскать чахлые стебельки травы. Я чувствовал себя пешкой в какой-то огромной и жестокой игре, которую ведут незримые силы. Я снова уселся в деревянное седло и натянул веревочные поводья. Ноги у меня ныли. Пони неохотно поднял голову и пошел. И у него тоже ноги одеревенели и ныли. Медленно, едва ли не с извиняющимся видом, мы поднялись по склону. Впереди все больше и больше английских пехотинцев и конников, перевалив через бугор, выстраивались на склоне. Норвежцы внизу уже не полеживали на солнце. Люди вскакивали и искали оружие и щиты, которые отложили в сторону. Не заметно было ни порядка, ни строя. Все смотрели на Харальда и его советников, ожидая приказа, смотрели и на моего пони, медленно подвигающегося к вражескому войску.

Среди английской конницы я заметил купу стягов и направился туда. Я ехал вдоль первого ряда англичан, и пешие воины окликали меня, спрашивая, что мне нужно. Я не обращал на них внимания. Вкруг стягов собралось человек двадцать. Все верхом. Надо будет сообщить Харальду, что за спиной английских военачальников стоит немалое число конников. Это объясняло, каким образом Гарольд Годвинсон сумел так быстро добраться сюда и застать нас врасплох. По меньшей мере треть его сил составляла конница, а остальных, очевидно, он набрал здесь, в округе.

В глаза мне бросился неяркий желтый блеск – рукояти мечей. Присмотревшись, я понял, что всадники, стоящие рядами вблизи стягов – это королевские хускарлы, ближняя дружина Годвинсона, лучшие воины в Англии. Со времен Кнута они носили мечи с

позолоченными рукоятками. Многие вооружены копьями, а другие – секирами на длинных древках, притороченными к седлам. Интересно, будут ли они сражаться верхом или в пешем строю.

– Харальд, король Норвегии, желает говорить с вашим предводителем, – крикнул я, приблизившись к людям, стоящим вокруг стягов, настолько близко, чтобы они могли отчетливо меня слышать. Это были английские дворяне, все в дорогих кольчужных рубахах и шлемах, украшенных знаками различия. Лошади под ними были статные, крепкие, не такие крупные, как норманнские боевые кони, но значительно превосходившие коренастых норвежских лошадей Харальда.

Я остановил своего маленького вьючного пони и стал ждать на безопасном расстоянии. Они посовещались друг с другом, а потом с полдюжины рысью выехали вперед. И среди них – высокий, с густыми усами человек на особенно красивом гнедом жеребце. Было в его осанке, в том, как он держался в седле нечто такое, что сказало мне сразу же, что это сам Гарольд, Годвинсон, король Англии, хотя он и старался держаться среди своих спутников так, будто был одним из них.

– Скажи королю Харальду, что нам в сущности нечего обсуждать. Но король Англии готов выслушать его. Он может говорить с посланником короля.

Я был совершенно уверен, что выкрикнул это сам Годвинсон. Старая уловка – вождь выдает себя за своего глашатая. Харальд сам нередко пользовался ею.

Я повернулся в седле и махнул рукой Харальду и его свите, чтобы они подъехали.

Всадники – с обеих сторон число их было равно – встретились на середине дороги между двумя войсками. Остановились, стараясь не приближаться на расстояние длины меча друг к другу, и глядя на них, я

подумал, сколь они схожи. Все с бородами и усами, с волосами светлыми или светло-каштановыми, и все высокомерно и одновременно настороженно поглядывают друг на друга, сойдясь почти вплотную. Различаются лишь оружием. У тех из людей Харальда, которые благоразумно взяли с собой доспехи, щиты были круглые, ярко расписанные воинскими знаками, тогда как у некоторых из английских всадников – длинные, узкие и заостренные книзу. Я видел точно такие у людей герцога Вильгельма и знал, что в седле они дают преимущество, ибо защищают ноги всадника ниже колена, а также уязвимые бока его лошади. Об этом я тоже должен буду сказать Харальду.

Разговор между правителями был краток. Всадник, притворявшийся королевским глашатаем – я уже не сомневался, что это сам английский король, – требовал сообщить ему, с какой целью норвежское войско ступило на землю Англии. Стюркар, королевский воевода, отвечал за норвежцев.

– Король Харальд пришел требовать трон Англии, принадлежащий ему по праву. Его союзник и спутник, вот этот Тости, пришел требовать то, что также принадлежит ему по праву – графство Нортумбрию, несправедливо у него отобранное.

– Тости и его люди могут остаться, коль будут держаться мирно, – последовал ответ. – Король Англии дает слово, что Тости вернут права на графство. Вдобавок король дарует ему одну треть королевства.

Теперь я окончательно уверился, что это говорит сам Годвинсон, ибо говоривший даже не пытался посоветоваться со своими спутниками. Мне также пришло в голову, что само притворство – не более чем комедия. Тости должен был узнать своего сводного брата, английского короля, но делал вид, что не узнает. Вся эта встреча была обманом.

Заговорил Тости.

- Коль скоро я приму это предложение, какие земли ты отдашь Харальду Сигурдссону, королю Норвегии?

Безжалостный ответ был как удар кулаком в зубы.

- Он получит семь футов английской земли. Хватит, чтобы похоронить. Или больше, если он длиннее других людей.

Две группы всадников замерли в седлах. Их лошади, почуввав напряженность, заволновались. Один из английских всадников хлестнул поводьями по шее лошади, чтобы та стояла смирно.

К чести Тости, он смягчил обстановку, предотвратив открытое насилие.

- Скажи королю Англии, - крикнул он, все еще притворяясь, что не узнает своего сводного брата, - что никто никогда не сможет сказать, будто Тости, настоящий ярл Нортумбрии, привел короля Харальда из-за моря, чтобы предать его!

Потом он повернул своего коня и поехал вниз по холму. Переговоры закончились.

Пустив пони трусцой, я поспешил за своими и подъехал к Харальду сзади как раз вовремя, чтобы услышать, как тот спросил у Тости:

- Кто это говорил от имени Англичанина? У него хорошо подвешен язык.

- Это был Годвинсон, - ответил Тости.

Харальд был явно ошеломлен этим ответом. Он не собирался хвалить своего соперника.

- Вид у него ничего себе, - признал он, но потом выпрямился в полный рост, так что, сидя в седле, казался особенно высоким, и добавил: - Только ростом не удался.

Я подумал, что на пороге сражения тщеславие Харальда очень опасно. Вместе с его верой в себя оно может привести нас к гибели. Непохоже, что он, смилив свою гордость, благоразумно прикажет отступить к

кораблям. В его глазах это слишком походило бы на жалкое бегство.

Мы спустились с холма и присоединились к норвежскому войску, и Стюркар приказал нашим перейти через мост и занять оборону на дальнем склоне. Хорошо хоть, наш воевода не закрывал глаза на опасность. Останься мы там, где были, англичане навалились бы на нас сверху. Тем не менее уходили мы второпях, люди собирали свое оружие, беспорядочной толпой спешили к узком мосту, толпой пробирались по расшатанным тесинам настила и, только поднявшись на дальний склон, начали строиться.

Увидев, что противник показал спину, англичане воспользовались возможностью попытаться превратить отход норвежцев в бегство. Отряд их конницы галопом спустился с холма и обрушился на отставших. Это было не обдуманное наступление, но, скорее, произвольный наскок, чтобы воспользоваться удобным моментом. Я уже прошел по мосту с Харальдом и его свитой и, оглянувшись назад, увидел на том берегу беспорядочные стычки. По одному или ватагой, норвежские воины отбивались и уворачивались от пик и мечей английских всадников. Время от времени слышался клич, призывающий к бою, или негодующие возгласы, когда наши поворачивались и пытались сразиться со своими конными противниками. Я видел, что англичане с удовольствием воспользовались преимуществом, ибо застали норвежцев совершенно врасплох.

Я следил за беспорядочным сражением, как вдруг мое внимание привлекло необычайное зрелище. Сквозь суматоху битвы медленно пробиралась обычная крестьянская повозка, словно вокруг не происходило ничего особенного. Такую повозку можно найти на любом скромном хуторе – простой деревянный короб на двух грубых колесах, влекаемый одной лошадью. На

повозке лежало несколько мешков с мукой, какие-то бочки, и – диво дивное – несколько кур, висящих в ряд вниз головой, со связанными крыльями и лапами. Надо полагать, возчик был из тех, кто нанялся подвозить припасы норвежскому войску – части дани от жителей Йорка, и нечаянно попал в самое пекло схватки. Сам он оцепенел от неожиданности и со страху не смел шевельнуться, а его кляча, глухая и полуслепая, шла как ни в чем не бывало. Вот повозка подъехала к мосту, и старая лошадь остановилась в замешательстве перед толчеей, преградившей ей дорогу.

Остатки норвежцев – те, кто не был сражен англичанами – добрались до моста. Среди общего переполоха они построились и держали строй, обратись лицом к врагу, и отступали шаг за шагом. Когда они проходили мимо застывшей повозки, один из них стащил возчика с сиденья и отшвырнул беднягу прочь. Еще мгновение – и лошадь исчезла. Сбитое с толку животное, оборвав построики, умчалось прочь. Дюжина рук подхватила повозку, ее вкатили на середину моста и там повалили, чтобы она превратилась в преграду для наступающих англичан. И вот уже последние норвежцы бегут вверх по склону к остальному войску Харальда.

Перевернутая повозка не совсем перегородила мост: оставался прогал между нею и краем моста шириной в сажень, но этого хватало, чтобы пройти человеку. И в этом прогале лицом к врагу остался стоять одинокий норвежский воин. В одной руке он сжимал секиру, в другой – тяжелый меч. Кто это был, я так и не узнал, но он не мог не понимать, что его ждет смерть. Он же дал ясно понять, что в одиночку сможет прикрывать этот зазор, пока его товарищи не образуют боевой строй. Он вызывал англичан выйти и биться с ним. Меня посетила печальная мысль – не похож ли сей воин на меня, одинокого мечтателя, бросающего вызов неизбежному.

Англичане стояли в нерешительности. Потом один из всадников выехал на мост, выставив копье. Однако лошадь, едва ступив на шаткий настил, испугалась и заартачилась. Конник в гневе натянул поводья, повернул ее и вернулся на берег. Второй всадник попытался ступить на мост, но и его лошадь заупрямилась. Тогда вызов норвежца принял пехотинец. Судя по длине его кольчужной рубахи, этот англичанин был из дружины Гарольда, королевский хускарл. Он уверенным шагом с мечом в руке двинулся вперед, не потрудившись даже поднять свой щит. Это была гибельная ошибка. Он еще не приблизился к норвежцу на расстояние вытянутой руки, как тот метнул секиру. Оружие пролетело в прогал, угодило хускарлу в лицо, свалив его. С радостным гиканьем норвежец выскочил вперед, схватил свое оружие и тут же вернулся на свое место. И он ударил мечом о секиру, вызывая следующего выйти вперед и сразиться с ним.

Еще три раза хускарлы принимали вызов, и никому из них не удалось освободить проход. Норвежец был знатоком рукопашного боя. Одного он пронзил мечом, другому отрубил голову сильнейшим, наотмашь, ударом секиры, явившейся словно ниоткуда, третьему, подошедшему слишком близко, чтобы сразиться с ним, ловко подставил подножку, а потом столкнул с моста в реку. Каждая схватка сопровождалась стонами или приветственными криками войск, наблюдающих за этим зрелищем с двух берегов, и некоторое время казалось, что норвежский воин непобедим.

– Он не может держаться вечно, – пробормотал кто-то рядом со мной. – В конце концов англичане приведут лучников и застрелят его.

– Нет, – возразил второй голос. – Хускарлы хотят добиться победы сами. Они не позволят, чтобы какой-то обычный лучник взял это на себя. Посмотри вон туда, вверх по течению.

Я взглянул направо. По тихому течению реки двигалась маленькая лодка. Немногим больше корыта, челнок какого-то хуторянина, на котором он переправлялся через реку, чтобы не давать крюка до моста. В лодке сидел хускарл в доспехах, под его тяжестью лодчонка едва держалась на воде, и он подгребал руками, направляя лодку на середину реки, чтобы она прошла прямо под местом, занятым норвежцем.

- Смотри направо, берегись! - крикнул то-то, пытаясь предупредить норвежца. Но наш воин был слишком далеко, чтобы услышать, а кучка хускарлов на другом конце моста уже завела оглушительную песнь, ритмично ударяя в свои щиты, чтобы заглушить предостерегающие крики. Лодчонка приближалась к мосту, а два хускарла вышли из ряда и нарочито медленно двинулись к преграде. На этот раз они решили не рисковать. Оба несли длинные щиты, приседая за ними, чтобы защититься от броска секиры. Норвежцу ничего не оставалось, кроме как ждать, пока они подойдут на длину меча, и тогда он нанес удар, рубанув секирой и мечом, чтобы заставить их раскрыться. Но двое хускарлов оставались под защитой своих щитов, пригнув колени и отражая удары, лишь время от времени отвечали выпадами мечей.

Беспомощно мы наблюдали, зная, что сейчас произойдет. Норвежец отличался необычайной стойкостью. Он продолжал осыпать двух хускарлов градом ударов до того мгновения, пока его противники не решили, что человек в лодке уже находится прямо под мостом. Тогда они распрямились и бросились вперед. Норвежец отступил на шаг, заняв самое узкое место между повозкой и краем моста, и стоя там, обменивался ударами с нападающими. Однако именно туда они и хотел его загнать. Норвежец сосредоточился на защите от прямых ударов хускарлов и не мог видеть,

что сидевший в лодке схватился за столб, опору ветхого моста, и остановил лодчонку. Потом встал, держась за столб одной рукой, и, стоя на месте поставив свое копье, просунул его в щель между тесинами настила. Держа копье таким образом, он ждал, а его товарищи постепенно теснили норвежского воина своими копьями, и тогда стальной наконечник вонзился норвежцу прямо в промежность, не защищенную длинной кольчужной рубахой. Этот неожиданный удар поразил норвежца. Он согнулся, держась за свой пах, и один из противников воспользовался возможностью, подался вперед и рубанул мечом по прорехе ниже шлема, убив своего врага одним ударом по затылку. Бой кончился, и когда тело норвежца упало, подняв брызги, в реку, отряд хускарлов уже был у перевернутой повозки, оттащил ее к краю моста и сбросил туда же, в воду.

И вот уже передовой отряд войска Гарольда, возглавляемый вереницей конных хускарлов, загремел по освобожденному мосту и двинулся на нас. Глядя, как уверенно они приближаются, я вспомнил слова Ульфа Оспакссона, произнесенные им, когда он пытался отговорить Харальда от вторжения в Англию. Он сказал тогда, что по слухам один английский хускарл стоит двух лучших норвежских воинов. Нам предстояло узнать, верно ли было предостережение покойного воеводы.

Глава 15

- Отступайте, государь, отступайте, - все еще умолял Харальда Стюркар. - Давайте отойдем в полном боевом порядке. Лучше займем оборону рядом с нашими кораблями, когда остальные наши люди присоединятся к нам.

- Нет! - резко возразил Харальд. - Мы будем стоять здесь. Пусть остальные идут сюда. Пошли гонцов, чтобы вызвать их. Они должны выйти сразу же, иначе не увидят нашу победу.

По лицу Стюркара было ясно, что он совершенно не согласен с решением Харальда, но не ему спорить с конунгом. Воевода подозвал к себе троих из наших немногих конников.

- Скачите к кораблям. Рассейтесь, чтобы хотя бы один из вас смог добраться, - приказал он. - Скажите Олаву, чтобы он прислал остальное войско, и пусть там не мешкают, иначе будет поздно. Они должны быть здесь до наступления сумерек.

Воевода посмотрел на небо. Солнце, перевалив через полдень, все еще ярко сияло на ясном синем небе. Я заметил, что губы воеводы шевелятся. Какому богу он молится? У него не было безоговорочной уверенности Харальда в том, что наша плохо подготовленная армия выдержит натиск англичан, и глядя, как три всадника, пустив лошадей галопом, скачут вспять по той дороге, по которой пришли мы, я быстро подсчитал, сколько конников у нас осталось. Меньше полутора десятков.

Харальд же, напротив, держался с самодовольством и самоуверенностью, словно преимущество было на его, а не на стороне английского короля. В плаще из синей парчи с богатым узором, со спутанными светлыми волосами, как обычно, повязанными лентой из красного

шелка, чтобы не падали ему на глаза, он выглядел величественно. Кроме того, восседал он на лоснящемся черном жеребце с белой звездочкой во лбу – это был трофей, взятый три дня тому назад, и единственный породистый конь в нашем войске. Только не было на короле Эммы, прославленной кольчужной рубахи до самых колен, о которой говорили, будто никаким оружием невозможно ее пробить. Эмма, как и множество других наших доспехов, осталась там, на стоянке кораблей.

– Ставь стену щитов! – рявкнул Стюркар, и этот крик был подхвачен и прошел среди старых воинов нашей рати. Они начали кое-как составлять строй, плечо к плечу, так, чтобы края круглых, обшитых кожей щитов находили друг на друга. – Растянуть ряд!

Воевода выехал перед войском и повернулся к нему лицом. Он сидел на маленьком крепком норвежском пони и жестами показывал, что стена щитов должна быть как можно шире.

Вдруг раздался голос Харальда:

– Стойте! – Он тоже выехал вперед и, обратившись к своим воинам, крикнул: – В честь этой битвы я сочинил стихи.

А потом, к моему недоумению, но и к гордости, он произнес:

Встречу сече,
Встречь синей стали,
Выйдем смело.
Все мы в доспехах.
Блестят шеломы,
А я оставил
Шелом на струге
С кольчугой вместе.

У меня перехватило дыхание. На протяжении жизни целого поколения ни один предводитель из северных стран не был настолько сведущ в старой традиции, чтобы сочинить победную песнь перед битвой. Харальд отдал дань обычаю, уже почти несуществующему. Это говорило о его глубоком стремлении вернуть славу северных правителей, и я любил его за это, несмотря на все его тщеславие и высокомерие. Но восхищаясь им и не отрекаясь от присяги, данной ему, в глубине души я понимал, что это всего лишь лицедейство. Харальд старался ободрить воинов, но все станет на свои места, когда полетят стрелы и обе рати сойдутся в бою.

Харальд еще не закончил. Но конь под ним заволновался, забил копытами, завертелся, и только совладав с ним, Харальд вновь обратился к рати:

– Нет, это жалкие строфы для столь важного случая! Вот эти будут получше. Помните о них, когда будете драться! – и он возгласил:

Голов мы не склоним
В лоне бури копий,
Стоя за щитами -
Так велели боги.
В сечу понесу я
Голову высоко,
Пусть мечи грозятся
Чашу с плеч снести мне.

После этих слов наступило странное молчание. Кто-то из наших, по крайней мере те, кто постарше, уловили мрачный смысл слов Харальда. Они тихо возроптали. Многие, думаю, стояли не так близко, чтобы расслышать, а еще больше было таких, кому не хватало знаний, чтобы понять значение стиха. Харальд предупреждал, что мы, возможно, идем в последнюю

битву. Все задумались, и среди этого мрачного затишья послышался жуткий звук. Где-то в наших рядах зазвучала арфа. Кто принес этот инструмент, неизвестно. Наверное, это была одна из тех маленьких легких арф, столь любимых северными англичанами, и арфист нашел ее на поле предыдущей битвы и взял с собой вместо оружия. Как бы там ни было, первые чистые звуки повисли в воздухе скорбным плачем. Казалось, арфист вносит свой горестный вклад в предстоящий нам разгром.

Слушая эти печальные звуки, все воинство разом будто затаило дыхание. И со стороны англичан не долетало ни звука. Они, должно быть, тоже внимали. И тут, вторгшись в мелодию, раздался еще один звук, столь же неожиданный. В этот жаркий, душный день пропел одинокий петух. Должно быть, эта тварь сбежала с перевернутой на мосту повозки и теперь по какой-то неясной причине решила издать свой пронзительный крик, идущий в разлад с заунывными звуками арфы.

И снова Стюркар прокричал громовым голосом:

– Растянуть строй, растянуть строй! Крылья назад, стать кругом!

Медленно стена щитов изгибалась, первые ряды пятились, глядя через плечо, чтобы не споткнуться, пока весь наш строй не перестроился в кольцо. В первом и втором рядах стояли те, на ком были какие-то доспехи, и все наши старые воины. Позади них, внутри круга, стояли лучники и сотни пеших, по существу беззащитных, без доспехов, у иных же не имелось даже шлемов – только мечи и кинжалы, только рубахи и порты, и больше ничего. Когда дело дойдет до сечи, им нечем будет прикрыться.

Харальд и Стюркар проехали по окружности, проверяя стену щитов.

- Вы будете драться с конницей! - крикнул Стюркар. - Так что помните, передний ряд направляет рожны копий на всадников. Второй ряд упирает древки в землю и целит ниже, в самих лошадей. Самое главное - держите ряд. Не давайте англичанам прорвать его. Коль это случится, оставьте тех, кто прорвется, на конунга и наших конников. Мы внутри кольца, за вашими спинами, будем готовы закрыть любую брешь, если понадобится.

Харальд с воеводой объехали всю щитовую стену, а когда они свернули и начали въезжать внутрь, чтобы занять свои места, вороной жеребец Харальда угодил ногой в яму и споткнулся. Харальд потерял равновесие. Он вцепился в гриву лошади, чтобы удержаться, но слишком поздно. Он перелетел через плечо жеребца и упал на землю, а испуганная лошадь отпрянула. Харальд удержал поводья и потянул жеребца к себе, но вред уже был нанесен. Видевшие падение воины испустили вздох - это был дурной знак. Однако Харальд встал, стряхнул с себя пыль и рассмеялся.

- Не беда! - крикнул он. - Падение означает, что судьба уже в пути, - и въехал в кольцо щитов.

Но многие в его войске были смущены и напуганы.

На своем скромном вьючном пони я оказался вместе с конниками в середине оборонительного круга. Я огляделся, ища, у кого бы одолжить оружие. Но все были заняты, следя за врагом. Харальд, Тости, Стюркар и два отряда по два десятка конников в каждом - вот и все, что у нас было, чтобы заткнуть бреши в стене щитов; остальная наша рать была пешей. Напротив, первая волна английского войска, надвигавшаяся на нас, состояла целиком из конницы хускарлов, вооруженных длинными копьями и пиками.

Очевидно, безумная храбрость одинокого защитника на мосту заставила англичан насторожиться. Полем битвы служило обширное

пастбище, полого спускающееся к реке, – это открытое пространство превосходно подходило для конницы, но английские всадники не спешили нападать. Они подъехали легким галопом, остановившись за пределами досягаемости, на пробу ткнули копьями в нашу стену щитов, потом повернулись и ускакали. Не случилось ничего похожего на то, чему я был свидетелем в Сицилии, когда византийские катафракты уничтожили сарацин, или на тот сокрушительный натиск, который отрабатывали на моих глазах тяжелые конники норманнов. Английская конница просто подошла, завязала бой, а потом откатилась.

На мгновение я был сбит с толку. Почему англичане не атакуют по-настоящему? Гарольд Годвинсон должен был увидеть, что мы послали гонцов за подкреплением. Как только придут свежие войска, англичане утратят свое преимущество. Чем больше я думал, тем меньше понимал замысел Годвинсона. Только после пятого, а то и шестого наскока английской конницы я начал смекать, что происходит. Хускарлы вознамерились взять нас измором. Каждый раз, когда они подъезжали и втягивали в драку передние ряды, несколько наших воинов выбывало из строя, серьезно раненых или убитых, в то время как англичане отъезжали по сути без ущерба. Стена щитов постепенно слабела, все большему числу воинов из внутреннего круга приходилось выходить вперед и заполнять бреши. Заняв круговую оборону, Харальд и Стюркар утратили возможность направлять битву. Боем управляли англичане. И они решили обескровить нас до смерти.

Долгий жестокий день длился, наш круг медленно сжимался, а люди внутри него под палящим солнцем все больше страдали от жары и жажды. Англичане же, напротив, напившись воды из реки, шли в атаку, когда им хотелось. Скоро они объезжали вокруг стены щитов почти с небрежным видом, выбирая самые слабые

места. Наше войско походило на дикого быка в лесу, окруженного стаей волков. Мы только и могли, что стоять и смотреть на противника и защищаться по мере сил.

- Больше я этого не выдержу, - сказал какой-то старый воин-норвежец. Он стоял в переднем ряду и отступил назад, когда пика пробила ему руку, державшую щит. - Дайте мне подойти к этим верховым поближе, и будьте уверены, они лягут здесь костью. - Он уже перевязал кровоточащую рану и, прежде чем отправиться назад на свое место в щитовой стене, посмотрел на меня. - Нет ли у тебя фляги с водой, старик? У ребят там просто глотки спеклись.

Я покачал головой. Я устал, я чувствовал себя бесполезным - слишком слабым, чтобы сражаться, и измученным сознанием того, что своими неудачами я внес вклад в наше бедственное положение. И вновь раздался боевой клич, и снова конные хускарлы поскакали к нам легким галопом. Стрел, выпущенных им навстречу, на этот раз было заметно меньше. У наших лучников кончались стрелы.

Вдруг передо мной оказался Харальд. В нем было что-то полубезумное. Он обливался потом, пот бежал по его лицу, темные пятна пота темнели под мышками. Его вороной жеребец тоже обезумел: пена текла у него изо рта, на сильной шее, там, где к ней прикасались поводья, выступил белый пот.

- Стюркар! - крикнул Харальд. - Нужно что-то делать. Нужно нанести ответный удар!

- Нет, государь, нет, - ответил воевода. - Нужно держаться, ждать подкрепления. Еще часа два.

- К тому времени мы все умрем, коль не от жажды, так от английских копий! - воскликнул Харальд, бросив взгляд на хускарлов. - Один добрый удар, и мы их разобьем.

Пока он говорил, конь, наклонив голову, попытался сбросить седока. Харальд, гневно взревев, в отчаянье ударил жеребца между ушами мечом плашмя. Лошадь от этого задурילה еще больше, взбрыкивая и становясь на дыбы, а Харальд, уже один раз выпавший из седла, пытался совладать с нею. Его свита шарахалась из стороны в сторону, чтобы уклониться от взбесившегося животного. Только мой маленький вьючный пони, усталый после долгой дороги, не двигался с места. Жеребец Харальда промчался мимо, и меня чуть не выбило из седла.

- Убирайся с моей дороги! - рявкнул на меня Харальд, пунцовый от гнева.

Спешившись, я посмотрел ему в лицо и увидел в его глазах блеск сражения. Харальд терял власть над собой, как уже потерял власть над битвой.

Тогда-то и раздался громкий крик нашей рати - нарастающий рев ликования. Они размахивали над головами мечами и копьями, словно в знак победы. Из-за их спин я увидел спины отступающих английских конников. Снова атака хускарлов против стены щитов была отбита, они отходили. Был ли тому причиной гнев Харальда или искреннее непонимание наших, или их сдерживаемое отчаяние просто вырвалось наружу, этого я никогда не узнаю, но зрелище отходящей английской конницы все приняли за бегство, и наша щитовая стена распалась. Наши воины, и старые, и новички, нарушили строй. Они забыли о порядке и стадом бросились вперед, погнавшись за отступающими англичанами, крича тем, чтобы они вернулись и приняли бой, а потом рассыпались веером и бросились к английской пехоте, которая стояла и ждала времени, чтобы ввязаться битву. То была пагубная ошибка. Думаю, что даже тогда Харальд мог бы спасти положение. Он мог бы выехать вперед, показаться перед войском, приказать перестроить стену щитов, и

его послушались бы. Но именно в этот решительный момент жеребец Харальда понес. Охваченная страхом лошадь помчалась галопом прямо впереди норвежцев, и все решили, что сам Харальд ведет их в наступление. С той минуты битва была проиграна.

Я с ужасом смотрел на происходящее. Я видел, как норманнские рыцари отрабатывали способ борьбы со стеной щитов, делая вид, что отступают, а потом, повернув, набрасывались на потерявших порядок преследователей, каковых сами же понудили покинуть строй. Но то были учения, а теперь – действительность. Английская конница легко ушла от преследующей ее норвежской пехоты, свернула в сторону и предоставила своей пехоте принять на себя удар норвежцев. Люди Харальда уже были без ног от усталости, когда бросились на английское ополчение, и удар этот был неверен и не действенен. Обе стороны смешались в неистовую кипящую массу, люди рубили, кололи и били. Оба войска действовали бессмысленно и бесцельно, бились только ради того, чтобы нанести друг другу наибольший урон.

Сам Харальд был точно маяк в бурном море. Он восседал на коне, отчаянный разбег которого был остановлен человеческой массой, и было видно, что он дерется как берсерк древности. У него не было ни щита, ни доспехов, но в каждой руке он держал секиру на длинном древке и с одним лезвием – его любимое оружие со времен службы в варяжской гвардии. Он громко кричал от гнева. Каждая его секира была двуручной, но Харальд был таким великаном, что свободно управлялся и одной рукой. Окружавшие его англичане пытались уклониться от яростных стремительных ударов и не успевали отражать их. Я же старался понять, куда движется Харальд, и есть ли какая-либо цель в его безумном продвижении, но не обнаружил никакой цели. Английская конница

собралась в стороне и перестраивалась, выжидая подходящего мгновения, чтобы придти на помощь пехоте. Среди конных, как мне показалось, я видел Гарольда Годвинсона, но на таком расстоянии я не мог быть в этом уверен. Сам Харальд не обращал внимания на надвигающуюся опасность. Его боевого стяга, Разорителя Страны, нигде не было видно. В своей безумной гонке он оставил знаменосца далеко позади.

Как и сотни его людей, я смотрел на Харальда, ожидая знака, указующего, что нам делать. Без его руководства мы пропали. И глядя на него, я увидел полет стрелы. Возможно, то было мое воображение, но я был уверен, что вижу темную черту, которая поверх голов сражающейся пехоты неудержимо тянется к высокой фигуре на вороном жеребце. Так мгновение это и застыло для меня во времени: я вижу алую головную повязку на лбу Харальда, синий плащ, переброшенный через плечо, чтобы руки оставались свободны, и две безжалостно поднимающиеся и опускающиеся смертоносные секиры, которыми он прорубает себе дорогу сквозь свалку. Его телохранители отстали, оттесненные в давку, но даже будь они рядом, не смогли бы они спасти своего господина. Стрела попала Харальду в дыхательное горло. Позже я узнал, что боевой клич Харальда оборвался на полуслове, превратился в один-единственный выдох, в булькающий хрип. Издали я видел только, что Харальд внезапно покачнулся в седле, несколько мгновений сидел прямо, а потом медленно повалился назад, и его высокая фигура исчезла в хаосе боя.

Норвежцы, бившиеся вблизи павшего конунга, замерли в смятении, и тотчас Гарольд Годвинсон бросил вперед своих верховых хускарлов. Он послал их против нашего северного крыла, едва по полю боя разнеслась весть, что Харальд Сигурдссон сражен. Эта весть подняла дух приунывшей английской пехоты и

ошеломила наших, готовых биться до конца. Никто из них даже представить себе не мог, что Харальд Суровый может погибнуть в сражении. Он казался неуязвимым. Из множества куда более крупных битв и бесчисленного числа стычек он выходил живым и победителем. Теперь его вдруг не стало, и некому было занять его место. Наше войско дрогнуло.

Английские всадники обрушились на ошарашенную норвежскую пехоту и рассеяли то, что еще оставалось от строя. Конница проходила сквозь беспорядочную толпу наших, словно сквозь стадо овец. Сначала хускарлы пользовались пиками и копьями, но потом отбросили их и взялись за мечи либо секиры – кровавая бойня давалась легко. Наши были в смятении и беззащитны. Они отбивались тем, что попадало под руку – палками, дубинками, кинжалами, – но против вооруженного хускарла верхом на коне, размахивающего тяжелым мечом либо смертоносной боевой секирой на длинном древке все это было бесполезно. Шла резня. Хускарлы проходили взад-вперед по нашим, точно жнецы, жнущие хлеб, а на тех, кого они не успевали скосить, налетела торжествующая английская пехота, чтобы вложить свою лепту в бойню.

Безоружный, все еще в монашеском платье, я сидел на маленьком пони, глядя на этот разгром. Несмотря на все свои дурные предчувствия, я оказался не готов к размаху бедствия. Я понимал, что от этого поражения оправиться невозможно. И никогда больше мой народ не сможет собрать столь многочисленную рать, и не явится больше вождь, обещающий нам столь многое. Это была полная и окончательная гибель, и я горевал о смерти Харальда. Но и в горе я находил утешение, гордясь тем, что человек, которому я поклялся в верности, предпочел умереть с честью на поле брани, чем истаять, старым и истерзанным болью, в постели, сознавая, что ему не удалось исполнить свой великий

замысел - возродить величайшее владение Севера. Разочарование точило бы Харальда до конца его дней. Я сказал себе, что, даже потерпев поражение, он добился именно того, чего хотел - достойной славы, каковая вовек не померкнет.

С такими мыслями в голове я подтолкнул своего пони под ребра и поехал вниз по склону, чтобы забрать тело Харальда.

В моей жизни не раз случались такие мгновения, когда некое странное ощущение неуязвимости охватывало меня. Тело действовало помимо сознания. Рассудок молчит, а я словно иду по длинному, ярко освещенному проходу, где ничто не может причинить мне вреда. Именно это я чувствовал в тот знойный день, едучи на усталом вьючном пони сквозь разрозненные остатки разбитого воинства. Я смутно видел тела наших, простертые в пыли, потемневшей от их крови и мочи. Порой я слышал стоны раненых. То там, то здесь замечал движение - какой-нибудь бедняга пытался отползти подальше и спрятаться. В отдалении все еще бились кучки норвежцев, но их окружал противник, превосходящий числом, и наваливался всем скопом, чтобы прикончить. На меня же как-то не обращали внимания.

Я подъехал к тому месту, где в последний раз видел Харальда, туда, где он упал с лошади. Горстка людей собралась вокруг чего-то, лежащего на земле. Они наклонялись над ним, тянули и тащили. Тут мой пони споткнулся. Глянув вниз, я увидел, что он запнулся о сломанное древко, расщепленное на концах. На древке был стяг - Разоритель Страны - личное знамя Харальда. Рядом лежало тело его знаменосца, рана зияла у него в груди. На нем, как и на других, не было доспехов. Я остановил пони, слез и подобрал стяг. От шеста осталось всего несколько футов. Держа Разоритель Страны в руке и ведя пони в поводу, я направился к тем

людям. Я безрассудно надеялся, что как-нибудь сумею погрузить тело Харальда на пони и вернуться к корабельной стоянке невредимым.

Люди эти были английские пехотинцы. Они снимали с тела Харальда все ценное. Прекрасный синий плащ уже исчез, и кто-то стягивал с его пальцев тяжелые золотые кольца. Еще один снимал башмак из мягкой кожи. Харальд лежал вверх лицом, на щеке у него был большой пыльный кровоподтек. Стрелу, что убила его, было четко видно. Она пронзила ему горло. Однако это я уже видел во сне.

- Перестаньте! - хрипло сказал я. - Перестаньте! Я пришел забрать тело.

Грабители уставились на меня удивленно и с досадой.

- Уходи отсюда, отец, - сказал один из них. - Ступай и молись в другом месте.

Он вынул кинжал из ножен, собираясь отрезать Харальду палец. Что-то щелкнуло у меня в голове, и я перешел от своей далекой грезы к настоящей ярости.

- Ах ты, ублюдок! - крикнул я. - Ты оскверняешь мертвого.

Бросив поводья, я поднял сломанное древко Разорителя и ударил мерзавца. Но я был слишком стар и медлителен. Он с презрением отбил древко, и я чуть не потерял равновесие.

- Уходи отсюда, - повторил он.

- Нет! - заорал я в ответ. - Это мой господин. Я должен взять его тело.

Мародер посмотрел на меня, прищурившись.

- Твой господин? - переспросил он.

Я не ответил, но снова бросился на него с шестом. И снова он отбил мой удар.

- Как он может быть твоим господином, старик?

Я понял, что представляю собой странное зрелище: старый священник в длинном черном плаще, с лысиной,

поросшей щетиной, угрожающий сломанной палкой. Остальные мародеры отошли от тела Харальда и стали вокруг меня. Я дрожал от возмущения и крайней усталости.

- Дайте мне взять тело! - крикнул я. Голос у меня был тонким и дрожал.

- Иди и возьми, - насмешливо сказал один из них.

Я побежал к нему, пользуясь шестом как пикой, но он уклонился в сторону. Я остановился и, обернувшись, увидел, что его товарищи снова окружили меня и смеются. Я снова бросился вперед. Шест для меня был тяжел, а длинные монашеские одежды мешали. Я споткнулся.

- Давай сюда, дедушка, - насмешливо позвал другой голос, и круто обернувшись, я увидел человека, который повесил алую повязку Харальда на кончик своего кинжала. - Тебе это понадобится, - насмешливо сказал он.

Пот заливал мне глаза, я едва мог видеть. Я с трудом подошел к нему и попытался схватить повязку, но он отдернул ее, и я промахнулся. Что-то удалило меня под ребра. Это один из моих мучителей ударил меня плашмя мечом. Я пошатнулся, но сделал шаг к телу Харальда. Кто-то подставил мне подножку, и я упал в пыль. Кровь стучала в ушах, но я поднялся из последних сил и наугад стал размахивать Разорителем, пытаюсь отогнать моих мучителей. Я услышал их презрительный смех, потом кто-то подошел ко мне, наверное, сзади и ударил - я почувствовал ужасную боль в голове и упал на колени, а потом лицом вниз.

Свет стал меркнуть, и в последние исчезающие мгновения что-то мелькнуло у меня в голове - то, что тревожило меня с самого начала этой великой битвы. Волосы встали дыбом у меня на затылке, и ледяной холод зацепил кожу, ибо ко мне пришла уверенность, что исконные пути пришли к своему концу.

Соскальзывая в темноту, я вспомнил предсказание моего бога, Одина Всезнающего. Он предсказал, что о начале Рагнарека, последней великой битвы, сообщат звуки арфы, на которой будет играть Эггер, страж великанов, и петух Гуллинкамби с ветки Иггдрассиля, Мирового Древа, прокричит свое последнее предостережение. С начала мира Гуллинкамби ждал на его ветвях, чтобы объявить о времени, когда силы зла вырвутся на волю и пойдут в наступление. Взятые вместе, эти два звука, арфа и петушиный крик, объявят о последней великой битве и окончательном разрушении исконной веры.

Глава 16

Тости собрал остатки нашей рати – об этом я узнал много позже. Кто-то из наших подобрал Разоритель Страны на том месте, где лежал я, по всем признакам безжизненный, и принес знамя Тости, и тот упорно держал оборону. Он поднял стяг на месте сбора, и те из наших, кто еще стоял на ногах – менее пятой части изначального войска – собрались там и образовали последнюю стену щитов. Видя их положение, Гарольд Годвинсон предложил им пощаду, но они отказались. Англичане сомкнулись и перерезали всех, уцелела лишь горстка. Вскоре подошло подкрепление норвежцев от корабельной стоянки, но их было слишком мало, и явились они слишком поздно. Большая часть совершила ту же ошибку, не надев доспехи, чтобы добежать побыстрее. Они появлялись на поле битвы небольшими ватагами, в беспорядке, все запыхавшиеся. В их храбрости сомневаться не приходилось – они сходу бросились на англичан. Легко вооруженные лучники, первыми появившись на поле, причинили такой урон, что войско Годвинсона дрогнуло под градом стрел. Но запас стрел истощился, а пехота в доспехах, которая могла бы защитить лучников, не подоспела, и ответным ударом хускарлы разметали их. Остальных отставших из отряда, спешившего на выручку, ждала та же участь – противник, уже вдохновленный победой, сильно превосходил их числом. К концу того бедственного дня норвежские силы были, считай, уничтожены. Верховые хускарлы гнали уцелевших до места высадки, где немногие спаслись, пустившись вплавь к тем судам, что ради безопасности стояли на якоре. Остальные суда, причаленные к берегу, были сожжены англичанами-победителями.

Подробности об этом бедствии я слышал обрывками, ибо пребывал на грани смерти в течение многих недель и выжить не надеялся. Какой-то священник из Йорка нашел меня на поле боя, куда он пришел на другой день после великой битвы помолиться за погибших. Я лежал, почти бездыханный, там, где упал, на стороне англичан, и он решил, что я из людей Годвинсона. Меня вместе с другими тяжелоранеными отвезли в Йорк в повозке и выходили монахи.

Потребовался почти год, чтобы силы мои восстановились, - я был тяжело ранен в голову. Рана была столь тяжелая - не знаю, как я получил ее, - что мои целители пришли к выводу, что от удара я повредился в уме. У меня же хватило догадливости утвердить их в их ошибке, притворившись, что я не вполне еще пришел в себя и с трудом говорю. Понятное дело, я воспользовался передышкой: смотрел и слушал и мотал на ус, что позволило мне изобразить из себя странствующего монаха, ненароком примкнувшего к Гарольду Годвинсону в местечке, называемом Стэмфорд Бридж, когда войско его поспешало к месту битвы. Обман дался мне легче благодаря моим преклонным летам, ибо всем известно, что старые люди поправляются медленнее молодых, а посему, когда я совершал нечто, не соответствующее моей личине, это приписывали моему старческому слабоумию.

Долгое выздоровление дало мне достаточно времени, чтобы надивиться легковерию Йоркских монахов. Они не только считали, что я - их благочестивый странствующий брат, но с готовностью вкушали кашку лжи о том, что произошло во время борьбы за трон Англии, каковой их кормили сверху. Не однажды мои сотоварищи с тонзурами утверждали, что добрые христиане обязаны всеми силами поддерживать нового короля Вильгельма, потому де, что Христос явно дал понять, что стоит на его стороне. Очевидно,

Вильгельм Нормандский – теперь никто уже не называл его Вильгельмом Незаконнорожденным – сверг Гарольда Годвинсона. На поле битвы, дальше к югу, при Гастингсе, он разбил Годвинсона столь же успешно, как тот сокрушил Харальда Сигурдссона девятнадцатью днями ранее. Доказательством благоприятного вмешательства их Бога, по словам монахов, было то, что флот вторжения Вильгельма относил к северному побережью Франции встречным ветром, пока «милостью Божьей» ветер не переменялся на южный и не позволил его груженным судам благополучно пересечь море и высадиться, не встретив отпора от Годвинсона. Я-то знал, что «милость Божья» тут ни при чем. Вильгельм Незаконнорожденный оставался у берегов Франции, пока не узнал, что его замысел удался, что Гарольд ушел на север, чтобы отразить набег норвежцев. Короче говоря, король Вильгельм был не добродетельным верующим, награжденным за свое благочестие, но хитрым обманщиком, предавшим своего союзника.

Но ведь история – это хорошо известно – пишется победителями, коль скоро вообще пишется. Памятуя об этом, я начал записывать свои воспоминания, каковые теперь почти закончены, и мне думается, что сам Один давно уже готовил меня для этого дела. Ведь не случайно же я встретил императорского летописца Константина Пселла, когда служил в варяжской гвардии, и наблюдал его страсть к написанию правдивой истории правителей Миклагарда. Должен признаться, что с удовольствием выдавал себя за хрониста, когда добирался через Нормандию ко двору герцога Вильгельма, хотя этот обман продолжался недолго, и скоро меня разоблачили. Теперь мне кажется забавным, чем обернулось мое лицедейство: я и вправду стал летописцем, только пишу тайком под прикрытием монашеского смирения.

А вопрос, над которым я ломал голову, пока творил свою летопись, наконец разрешился, когда я составлял эти последние страницы. Я все удивлялся, как так получилось, что вера Белого Христа, по видимости столь кроткая, одержала верх над моей исконной верой, гораздо более жестокой. И вот только вчера я своими ушами слышал, как один из здешних монахов – младший раздатчик милостыни – похвалялся, захлебываясь, как он, быв в Лондоне, видел дворцовую церемонию, на которой тамошние вельможи клялись в верности новому повелителю, нашему набожному и носящему амулет Вильгельму. Монах изображал нам в лицах и торжественный выход знати, и короля, сидящего на троне, и прохождение между рядами придворных, и преклонение колен, и целование королевской руки. Когда монах встал на колени, показывая, как присягают на верность, мне почудилось что-то очень знакомое в этом действии. Вот так же он ежедневно стоит перед алтарем, и мне вспомнилось, как мой господин Харальд распростерся, выражая покорность, на мраморном полу перед тронном басилевса, правителя, тоже объявлявшего себя избранным орудием Бога. Тут я и понял: поклонение Белому Христу устраивает людей, стремящихся к власти над другими. Это не вера смиренных, а вера деспотов и тиранов. Коль человек заявляет, что он особо избран Белым Христом, значит, все те, кто придерживаются этой веры, должны относиться к нему так, словно они почитают самого Бога. Вот почему они с покорностью падают перед ним ниц. Да еще порою складывают руки, как на молитве.

Это противно всему учению этого Бога, но я сам был свидетелем, как именно наиболее бессердечные и заносчивые из правителей принимали христианскую веру, а потом ею пользовались, подавляя достоинство своих подданных. И понятно, что таковая мысль

ужаснула бы безобидных монахов, меня окружающих, ибо многие из этих людей воистину искренни и бескорыстны. Только не замечают они, что и здесь, в монастыре, склоняют голову в знак покорности перед вышестоящим, каковым бы тот ни был. И насколько же они отличаются от приверженцев исконной веры! Я, к примеру, присягнувший Харальду Норвежскому, человек конунга, никогда не обязан был преклонять перед ним колени, ни в знак покорности, ни в знак признания его власти. Знал я только, что к правлению он способен больше, чем я, а мой долг – служить ему наилучшим образом. Также, будучи жрецом исконной веры среди ее приверженцев в Вестерготланде, был бы я поражен, когда бы люди, ко мне приходившие за советом или заступничеством перед богами, посчитали бы, что на место меня назначила божественная сила. Меня ж ценили за мои познания в древней вере.

А в итоге вот на чем основана власть веры в Белого Христа: это вера устраивает деспотов, подавляющих людскую независимость.

Никогда не отрекись я от своей приверженности Одину, хотя кто-то, может быть, и скажет, что он сам отрекся от меня, равно как он и другие боги бросили всех, кто был привержен исконной вере. Может статься, наш мир идет к концу, но ведь мы никогда и не думали, будто наши боги всемогущи и вечны. Такого рода высокомерие пусть останется уделом христиан. Нам же от века было ведомо, что когда-нибудь старое рухнет, ибо после Рагнарека все будет сметено. Наши боги не властны над будущим. Оно предначертано норнами, и конца никто не может изменить. И пока мы на этой земле, каждый может лишь прожить свою жизнь наилучшим способом, полагаясь на свои способности и стремясь устроить повседневное существование с наибольшей пользой для себя, и не превратиться – как

то случилось с несчастным Макбетадом-шотландцем – в жертву знамений и призраков.

И все же мне огорчительно, что тело моего конунга Харальда увезли в Норвегию и захоронили там в христианском храме. Он же должен был быть погребен по-настоящему, по старому обычаю – сожжен на костре или положен в могильный курган. Вот о чем помышлял я, когда тщетно пытался унести его тело с поля битвы. Понимаю, все это – старческое слабоумие, но тогда-то я был уверен, что валькирии уже унесли его душу в Валгаллу или слуги Фрейи взяли его, и он попал в ее золоченый чертог Сессрумнир, как подобает воину, коего иные уже называют последним викингом.

Сам же я не надеюсь попасть в Валгаллу или в чертоги Фрейи. Эти дворцы существуют для тех, кто пал в битве, а я, честно сказать, никогда не был воином, хотя и учился воинскому делу в братстве йомсвикингов и принимал участие в великих сражениях: при Клонтарфе, где пал верховный конунг Ирландии, и в Сицилии, когда великий греческий стратег Маниакес разбил арабов, и конечно же, на мосту в Стэмфорде. Но никогда я не был настоящим воином. Коли брался за оружие, то лишь ради спасения своей жизни.

Мысль о Сессрумнире вновь напомнила мне о близнецах, Фрейрвиде и Фрейгерд. Что-то случилось с ними, хотел бы я знать? Ведь последнее, что я слышал о них, это то, что Фолькмар, их дядя, взял детей и бежал, спасаясь, из ничейных земель в Швецию. Слишком поздно мне отправляться на их поиски, но в глубине души я уверен, что они уцелели. Я по-прежнему верую, что такова воля Одина. Он же учит, что в Рагнарреке, во всеобщей огненной гибели двое выживут – близнецы, которые уцелеют, укрывшись под корнями Мирового Древа. И от них пойдет новый род людей и заселит мир, восставший из развалин, мир более счастливый. Зная

это, утешаюсь тем, что мои потомки возродят исконную веру.

А пока, в последние дни моей жизни, я довольствуюсь тем, что вода пером по пергаменту, возношу благодарность Одину за его надо мной попечение. Один-Странник, дающий советы в пути, всегда был у меня за плечом. Он показал мне множество чудес: сверкающие отражения ледяных утесов в спокойных водах гренландского фьорда и бескрайние, сладко пахнущие боры Винланда на западе, преогромный золотой купол сарацинского храма в Святой Земле и медленную излучину рассветной дымки над гладью широкой реки, что течет из Гардарики, страны городов, на восток. А еще важнее, что Один привел меня к женщинам, которых я любил – к юной девушке в Ирландии, к деве-лыжнице севера, а под конец – в объятия Руны. Разве может житие этих монахов сравниться с такою жизнью?

Но я еще не успокоился, несмотря на преклонные годы. Совсем недавно, будучи в крайней слабости, сидел я, немощный, в аптекарском огороде рядом с лечебницей и смотрел на перелетных птиц в высоком небе, улетающих в дальние страны, и хотелось мне встать и за ними последовать. А ныне плоть моя укрепилась, и летопись моя завершена – вот добавлю эти последние страницы к остальным, припрятанным в тайнике в толстой каменной стене скриптория, а потом, когда явится такая возможность – а она, несомненно, явится, коли верен я буду Одину, – ускользну я из монастыря и начну новую жизнь где-нибудь на свободе.

Куда я пойду? Не знаю. Предвидеть это мне не дано. Знаю только, что судьба моя предрешена давным-давно, в час моего рождения, – предначертана норнами. Они были добры ко мне. Жизнь была мне в радость, и буде было бы мне дано пустить ее по другому руслу, я бы этого не стал делать.

Вот итог: я покину сей монастырь с радостной надеждой и, памятуя о моих близнецах, отыщу место, где смогу исполнить последний долг приверженца Одина - я буду проповедовать и говорить приходящим ко мне о втором пришествии истинной веры.

Эпилог

Господину моему настоятелю, да простится мне сие последнее примечание, или необходимое доношение, но в обитель нашу за два последние года приходили не раз известия о неведомом проповеднике, коего местные жители прозывают «черным священником». Человек сей спасался в отдаленном месте вересковой пустоши, и простолюдины стекались в оное, дабы внимать ему, и во всем его слушались. Ибо, видно по всему, глубоко почитали его, хотя что же он проповедовал, то неведомо. А теперь не стало его там, и, должно быть, он покинул сей бренный мир. А его, с позволения сказать, прихожане чуть ни каждую седмицу к нам наведываются, докучая просьбами, мол, поставьте и освятите часовню на том месте его отшельничества. И твердят они, что, мол, был он святым на особицу. И вот, я содрогаюсь при мысли о том, как бы оным деянием не послужить бы антихристу. Но и люди сии крайне настойчивы, и боюсь, коль отринем мы просьбу их, не случилось бы от их неудовольствия ущерба и нам.

И в сем случае, как и в прочих всех, уповаю на твое благословение и совет.

*Этельред,
ризничий и библиотекарь*

Путь Старых Богов

Послесловие Редактора

«Харальд конунг был могущественный и твердый правитель страны, сильный разумом, так что все говорили, что не было такого правителя в Северных Странах, который сравнялся бы с ним по разумности принимаемых решений и мудрости даваемых советов. Он был великий и мужественный воин. Он обладал большой силой и обращался с оружием более умело, чем любой другой человек, как уже было написано. Но гораздо больше его подвигов осталось незаписано. Это вызвано незнанием нашим, а также тем, что мы не хотим помещать в книге рассказы, не подтвержденные свидетелями. Хотя мы слышали немало речей и встречали всякие упоминания, нам кажется лучшим впоследствии добавить о них, чем быть вынужденным изымать».

Так гласит первоисточник завершающего трилогию «Викинг» романа Тима Северина – исландская «Сага о Харальде Суровом», входящая в состав фундаментального свода «Круг Земной». Этот свод был составлен, предположительно, в XII в. – знаменитым исландцем, потомком неоднократно упоминаемого в трилогии мудрого Снорри Годи, Снорри Стурлусоном, тем самым, который также составил «Младшую Эдду». Переведенный на многие языки мира (в том числе на русский^[1]), «Круг Земной» представляет собой подробную историческую хронику правления норвежских конунгов – от легендарных Инглингов до Магнуса, сына Эрлинга, современника русских князей Мстислава, Святополка, Ярополка – сыновей Владимира Мономаха. Долгое время эту хронику считали

заслуживающей абсолютного доверия в том, что касается описанных в ней событий; сейчас главенствующей является та точка зрения, что «Круг Земной» ближе к историческому роману, чем к собственно хронике. М. И. Стеблин-Каменский в послесловии к русскому изданию «Круга Земного» удачно назвал эту хронику «праисторией»: «В сознании средневекового исландца не было деления на рассказ о прошлом, отвечающий требованиям, которые предъявляются к истории как науке, и рассказ о прошлом, отвечающий требованиям, которые предъявляются к художественной литературе. Рассказ о прошлом был, поэтому, так сказать, „праисторией“. Пытаться ответить на вопрос, что такое „Круг Земной“, в терминах таких понятий как „история“ и „исторический роман“, например – толковать его как нечто среднее между ними, или нечто, совмещающее в себе то и другое, – это значит приписывать средневековому исландцу то, что было совершенно чуждо его сознанию. Праистория – это нечто резко отличное как от истории, так и от исторического романа, а в известном смысле даже противоположное им.

Праистория отличается от истории прежде всего тем, что задача, которую она себе ставила, была несравненно больше той, которую может ставить себе история.

Праистория претендовала на то, что она правда, а не вымысел, но вместе с тем стремилась к тому, чтобы воссоздать прошлое как живую и полнокровную действительность. Так, хотя автор «Круга Земного» несомненно осознавал свой рассказ о прошлом как вполне правдивый, он изображал события прошлого как действия и слова конкретных людей, т. е. как живую действительность, которую можно наблюдать совершенно так же, как человек может наблюдать то,

что находится перед его глазами и в пределах его слуха. Иллюзии присутствия при событиях, которые описываются в «Круге Земном», способствует еще и то, что, поскольку события не комментируются, читателю приходится самому догадываться, что скрывается за теми или иными действиями или словами, подобно тому, как это обычно приходится делать непосредственному наблюдателю событий».

Тим Северин, трилогия которого в значительной степени опирается на материал саг из «Круга Земного», постарался сохранить и донести до современного читателя эту «творческую манеру» средневековых авторов. Он, безусловно, многое домысливает, но это не фантазия, а те самые «действия и слова конкретных людей», благодаря которым возникает эффект присутствия, а «праистория» воспринимается как достоверная историческая хроника, прошедшая литературную обработку. И – словно осуществляя завет Снорри Стурлусона (см. цитату из саги в начале статьи) – Северин добавляет к записанным в сагах подвигам Харальда те деяния самого конунга и его сподвижников, о которых говорится в источниках, оставшихся неизвестными Снорри, прежде всего – византийских.

Конунг Харальд Суровый, «последний викинг», со смертью которого в 1066 г. фактически закончилась эпоха викингов (Север христианизировался, старые боги ушли, и самый дух «северной доблести» существенно смягчился), – герой завершающего романа трилогии. Но последним викингом вполне можно назвать и человека, от лица которого ведется повествование во всех трех романах, – Торгильса Лейвссона, воина, дипломата, путешественника, прожившего по воле автора поистине удивительную жизнь. Ведомый судьбой и наставляемый хитроумным Всеотцом-Одином, он повидал едва ли не всю средневековую ойкумену, какой та представлялась

исландцам, – видел Новый Свет, скитался по угорским землям, пересек речным путем Европу с севера на юг, нес службу в Константинополе, воевал на Сицилии, не говоря уже о соседних с Исландией и Норвегией Британских островах, побывал в Нормандии, изучил несколько языков (что было отнюдь не свойственно большинству его соотечественников), усвоил множество иноземных обычаев, но сохранил при этом верность идеалам Севера. Торгильс – человек «смутного времени», когда рушились традиционные устои и возникали новые, когда чтобы выжить, требовалось споро приноравливаться к стремительно меняющемуся миру; при этом он – типичный северянин, продолжающий блюсти традиции вопреки происходящим вокруг переменам.

Эта устойчивость традиций – характерная черта европейского Севера; одним из ее проявлений является феномен двоеверия – одновременного бытования (так сказать, параллельного сосуществования) христианства и веры в старых богов. Данный феномен свойственен всем скандинавским странам, но особенно четко проявляется в Исландии. В отличие от других скандинавских государств, где крещение народа шло «огнем и мечом», в Исландии христианство утвердилось мирно; около 1010 года на *альтингге* (всеобщем собрании островитян) было решено, что вражда между старой и новой верами никому не выгодна, а посему остров примет христианство, дабы, как сказано в «Саге об Олаве Трюггвассоне», «избавить себя от преследований конунга Олава сына Трюггви». И на протяжении десяти столетий новая и старая веры бытовали параллельно – в отличие от многих других стран, для культуры которых характерно двоеверие (например, России, в которой христианские святые стали персонажами народной мифологии). Вера в старых богов называется Истинной верой – или Асатру,

то есть «верой в асов». Сегодня она официально признана одной из религий Исландии.

Один из основателей Народного собрания Асатру Йормундур Инги в своей программной статье высказывал мнение, что причиной приобщения исландцев к «вере в асов» стало осознание жителями острова собственной идентичности – осознание, которое, если вдуматься, присутствовало в них еще с раннего Средневековья: «Наша идентичность, независимо от того, является ли она национальной, культурной или религиозной, имеет сущность не физическую, но ментальную. Слава богам, что это так. Если бы наша идентичность была физической, мы не могли бы вернуться к вере и путям наших отцов без того, чтобы быть подвергнутым серьезной хирургии. Даже без хирургии этот процесс может быть довольно трудным и болезненным. Христианство формировало мышление западного человека на протяжении двух тысячелетий. Здесь требуется больше, чем просто решение стать язычником. Недостаточно, как думают многие, сформировать общину язычников и принять правила и учение. Церкви только распределяют имена богов по нужным местам. Это всего лишь ведет к подражанию христианству. Более правильным было бы все придумать самим: по крайней мере, результат был бы совместим с вашей собственной идентичностью. Когда Народное собрание Асатру было основано в Исландии в 1972 году, мы столкнулись с трудным делом открытия заново исландской веры в асов, или „Нашего Пути“, как это называлось в прошлые времена. Мы основывали все на нашей идентичности и внутреннем озарении. Конечно, мы читали саги, „Старшую“ и „Младшую Эдду“ в оригиналах XII и XIII веков и достаточно много знали о схоластических работах, основанных на этих источниках; тем не менее, это нам не помогло. Схоластические работы по религии

довольно бесполезны, если только вы не принимаете данную религию на личном культурном уровне. Другими словами, вся наша деятельность основывалась на традициях и нашей идентичности. Только одно не пришло нам в голову: создать религиозные догмы. Мы решили, что каждый определяет сам для себя; у нас нет никаких обязанностей (исключая немногочисленные правила поведения). Те, кто говорит, что они привержены Асатру, принимаются без лишних вопросов»^[2].

Официальной датой возрождения европейского язычества можно считать 1972 год – когда Свенбьерн Бейнтейнссон основал первую общину Асатру в Исландии, а Стивен Макналлен – Свободное собрание Асатру. В 1980 году один из членов последней группы, Эдред Торссон, организовал «Рунную гильдию» – группу приверженцев Асатру, тщательно изучающих руническую магию. В США возникла также Община Одина, постепенно распространившая свою деятельность и на Европу. В 1988 г. Эдред Торссон совместно с Джеймсом Чизхольмом основали организацию «Вера» («Troth»), которая занимается исследованиями в духе германского Общества Туле. На одном из альтингов в Америке Асатру была названа «этнической религией коренного населения Северной Европы». К практикам «Рунной гильдии» тесно примыкает община «Храфнар» во главе с Дайаной Паксон; эта община занимается реконструкцией шаманической магии сейд (магии ванов).

Согласно адептам Асатру, Северный Путь предполагает три направления развития. Первое направление – это Трот, или «вера»; тот, кто практикует Трот, узнает о богах и богинях, о космогонии и космологии, о культурных традициях скандинавов. «Трот точнее всего определять как религиозную

традицию Северного Пути. Трот – свободная форма религии, очень подходящая для нашего времени. Здесь не существует священных текстов, догм, а следовательно, не существует и „ересей“. Эта религия коренится в самой плоти и крови верующих. Каждый человек, каждая семья, каждый клан и каждое племя исповедует свою, неповторимую форму Трота. Исповедовать эту религию означает изучать культуру, историю и мифологию своих предков и применять эти знания в форме ритуальных жертвоприношений, проводимых в особые, имеющие символическое значение дни годового цикла» (Э. Торссон).

Второе направление Асатру – руническая магия, или гальдр. «Это магическая техника, посредством которой маг изменяет внутренний или внешний мир по собственной воле... Цель гальдра – донести результаты работы в доступном виде до объективной реальности, воплотить их в „реальный мир“». Наиболее подходящим эпиграфом к практике гальдра могли бы стать чеканные строки скальда Эгиля Скаллаgrimссона:

Руны на роге режу,
Кровь их моя окрасит.
Рунами каждое слово
Врезано будет крепко...

Рун не должен резать
Тот, кто в них не смыслит.
В непонятных знаках
Всякий может сбиться.^[3]

Наконец, третье направление Асатру – магическая дорога тела, иначе магия сейд. «В отличие от гальдра, где неосознанные и неведомые вещи (руны) становятся

осознанными и известными, сейд дает возможность магу погрузиться в сферы неизведанного и бессознательного и слиться с тканью вселенной, чтобы тот смог изменять ее по своей воле. Маги, практикующие сейд, применяют свое искусство главным образом в психофизических сферах „тела“, „формы“, „дыхания“ и „удачи“. В сейде широко используются такие магические средства, как травы, мази и настойки. Маги, практикующие сейд, предпочитают гаданию медиумическое прорицание, основанное на непосредственном общении с внутренними мирами бытия и требующее скорее интуиции, чем анализа» (Э. Торссон).

В романах Северина магия отсутствует – если не считать магией смутные предзнаменования, которые посылает Торгильсу Один. Однако вера – Трот – наличествует в полной мере, именно она ведет героев по жизненному пути. И в этом – суть того явления, которое принято называть «духом героического Севера».

Пожалуй, верность традиции (точнее, Традиции, как предлагал писать Рене Генон, подразумевая всю совокупность «валентностей» этого термина) – главная характеристика трилогии Тима Северина, на страницах которой героический Север оживает, как в музыке Рихарда Вагнера или в картинах Фридриха фон Штассена.

Константин Ковешников

notes

Примечания

1

Стурлусон Снорри. Круг Земной. Перевод М. И. Стеблин-Каменского, Ю. К. Кузьменко и А. Я. Гуревича. Стихи в переводе О. А. Смирницкой. М., Наука, 1980 (Серия «Литературные памятники»).

Здесь и далее цит. по книге: *Торссон Э. Северная магия.* М., 1992.

З

«Сага об Эгиле». Перевод А. И. Корсуна.